МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 1-2 / 2018

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 1-2 / 2018

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l’information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

**90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА**

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВИЧА
КУЗЬМИНА

АКузьмин

(8 сентября 1928 — 9 мая 2004)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые друзья и коллеги!

Этот выпуск мы посвящаем 90-летию со дня рождения выдающегося учёного, доктора исторических наук, профессора Аполлона Григорьевича Кузьмина (1928-2004). Мы многим ему обязаны. Если бы «Исторический формат» начал выходить раньше, когда Аполлон Григорьевич был жив, то он непременно бы поддержал наше издание, стал бы членом редколлегии и добрым научным наставником. Сейчас, когда профессора Кузьмина давно нет с нами, мы чтим его глубокое историческое наследие, следуем его методологическим принципам в исследованиях, помним незыблемую гражданскую позицию.

Аполлон Григорьевич Кузьмин принадлежал к той плеяде учёных, которым было под силу осмыслить клубок ключевых проблем русской истории, дающих ключ к пониманию исторического пути России. Он посвятил науке всю свою непростую жизнь, с его именем связано целое направление, которое теперь называют «школой Кузьмина».

Будучи учёным академического уровня, А.Г. Кузьмин всегда требовательно относился к исследованию, призывая видеть в истории не «собрание историй», а неразрывный процесс жизни народа и государства. Иными словами, видеть и понимать связующие исторические нити от истоков, от князя Рюрика и Древней Руси до современных событий. Это известно любому, кто хотя бы раз в жизни бывал на лекциях профессора. При этом А.Г. Кузьмин обосновал принципиально новую методологию исторического исследования – проблемный подход, посвятив долгие годы изучению философии истории. Он известен и как замечательный педагог, читал курс отечественной истории от начала Руси до конца Смутного времени.

Аполлон Григорьевич родился 8 сентября 1928 года в рязанском селе с поэтичным названием Высокие Поляны. В деревне человек рано взрослеет и приучается к труду – он сознаёт свою ответственность перед всем миром и природой, которая его кормит. Это понимание впоследствии помогло Кузьмину как историку сформулировать собственную концепцию русской истории. Он никогда не предлагал искать «зная, что ты ищешь», ведь именно этот «способ», столь популярный среди сегодняшних авторов, порождает самые немыслимые гипотезы. Кузьмин подчёркивал, что необходимо исходить из существующей исторической проблемы, знание о которой сформировано (или подготовлено) предшествующими поколениями историков.

Профессор Кузьмин в 90-е годы прошлого века:
после публичной лекции в центре Москвы и с ректором МПГУ акад. Матросовым

Есть и ещё один важный момент. «Овладение наукой, – писал Кузьмин, – требует обязательного соучастия. Поэтому для изучения истории необходима чётко сформулированная система ценностей, которой придерживается исследователь».

Основы собственного жизненного мировоззрения Аполлон Григорьевич впитал «от земли». По его словам, он застал ещё ту, старую деревню, с её трепетной связью между человеком и природой, в окружении которой он живёт, с её удивительными архаичными обрядами и фольклором. Поэтому позже он так любил творчество Николая Рубцова и часто повторял его слова:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

А.Г. Кузьмин с отличием окончил исторический факультет Рязанского пединститута, некоторое время преподавал в школе. В начале 60-х годов прошлого века по приглашению своего учителя, академика М.Н. Тихомирова, он переезжает в Москву, чтобы войти в состав рабочей группы Института истории АН СССР по изданию фундаментального Полного собрания русских летописей. В 1969-1975 годах был заместителем редактора ведущего исторического журнала «Вопросы истории» и фактически определял политику издания, а параллельно работал на кафедре истфака МГУ им. Ломоносова. Его докторская диссертация «Начальные этапы

древнерусского летописания» стала действительно новым словом в источниковедении. С тех пор близкими коллегами Кузьмина стали академик Б.А. Рыбаков, профессор О.М. Рапов, профессор А.Н. Сахаров, впоследствии ставший директором Института российской истории РАН, и другие выдающиеся учёные. Долгие годы он преподавал в Ленинском пединституте (ныне – МПГУ).

А.Г. Кузьмин и О.М. Рапов

А.Г. Кузьмин активно участвовал в дискуссиях по ключевым историческим проблемам, от происхождения славян и «варяжского вопроса» до духовной культуры России и «евразийства». Примерно тогда же определилась основная тема его жизни – проблема происхождения русского народа и российской государственности. И он обратился к взаимоотношениям Земли и Власти, то есть общества и государства.

Собственно, одним из первых известных нам сюжетов взаимодействия Земли и Власти было призвание варягов, отразившееся в летописной легенде. Вследствие династического кризиса «встал род на род», и было решено отправить послов к варягам и пригласить на княжение Рюрика, который, очевидно, имел некие преимущества перед иными кандидатами на престол. К нему так и обратились – «*Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет*», причём слово «наряд» следует правильно понимать не как «порядок», а именно как «власть». Таким образом, в призвании варягов выразился компромисс между Землёй и Властью, естественно, с учётом бытовавших тогда наследных традиций.

Позднее, тяжёлая и затяжная борьба с монголо-татарами привела к тому, что перераспределение властных полномочий от Земли к Власти стало практически неизбежным: других путей освободиться от ига не было. В ходе многовекового противостояния, когда князь и княжеские дружины были единственными защитниками от врага, начало формироваться сохранившееся ныне двойственное отношение к власти: «царь» всегда хороший (только не ведает, что творится вокруг), а «бояре» плохие. Сегодня эта историческая особенность российского менталитета приобрела в глазах разного уровня PR-технологов статус парадигмы.

Однако если до становления Русского централизованного государства всё же сохранялся определённый баланс сил между Землёй и Властью, то с конца XV века эта система начала давать трещину. Закрепить произошедшее объединение русских земель без мощной социальной опоры было невозможно. И такой силой стало служилое дворянство, кровно заинтересованное в сильной центральной власти. Общинное самоуправление всё более отодвигалось на низший уровень, ограничиваясь крестьянским миром и городским посадом. Мир стал решать только свои собственные вопросы, и в его рамках ещё долго сохранялись те формы демократии, которые были характерны и для ранней славянской общины.

При этом неизбежные противоречия между Землёй и формирующимся дворянством – основной опорой Власти, централизации и целостности государства – можно было «снять» разными путями. Именно необходимость диалога между обществом и государством, как писал А.Г. Кузьмин, вызвала к жизни с середины XVI века практику Земских соборов, на утверждение которых выносились те или иные важные вопросы. Однако в итоге Иван Грозный в силу ряда причин попытался решить ситуацию категорически в пользу дворянства – именно на это была направлена политика опричнины. Но в годы Смутного времени, поставившего Московскую Русь на грань распада, Власти снова пришлось считаться с Землёй. По словам А.Г. Кузьмина, именно Земля и Земские соборы сыграли большую конструктивную роль, собрав и укрепив разрушенное государство. Земский собор 1613 года был наиболее представительным и правомочным. На нём присутствовали делегаты от черносошного крестьянства и казачества. Достаточно широко обсуждался и вопрос о пределах царской власти, да и вообще в течение ряда лет Земские соборы обсуждали все основные вопросы.

До конца XVII века Земля и Власть более или менее мирно взаимодействовали, соприкасаясь друг с другом только по самым важным случаям. К этому времени обозначился и другой мощный фактор, определивший дальнейшее государственное развитие – крепостное право. Процесс закрепощения крестьян начался, конечно, раньше и был связан со становлением дворянства, которое должно было стать опорой рождавшегося централизованного государства. Раздача земель военно-служилому сословию шла за счет натиска на свободные крестьянские земли (так называемые чёрные волости), до той поры платившие лишь государственные налоги.

Аполлон Григорьевич Кузьмин в МПГУ

Крепостное право породило в крестьянах инфантилизм, привычку, что о них думает и заботится добрый барин. Весьма примечательно, что когда по указу 1803 года о вольных хлебопашцах наиболее либерально настроенные помещики начали освобождать крестьян, то некоторые вольноотпущенники возмутились такому пренебрежению – а кто о нас заботиться станет? Такая тяга мужика к крепкому кулаку не раз давала о себе знать в русской истории и позволяла удерживаться на «престолах» тем, чья деятельность была далека от общественных интересов.

В целом же, по мнению Кузьмина, история России последних трёх веков, несмотря на различия в формах правления и политических институтах, представляет собой единый процесс, развивавшийся несколько по иной логике, чем в предшествующий период. Об этих трёх столетиях профессор высказывался в разное время и в связи с различными темами, но всегда его оценки были очень ёмкими и точными. Именно при Петре, по его словам, крепостное право в самом свирепом виде разольется по России, подавляя Землю в целом. С общиной теперь мало считался и помещик-крепостник, и государственный чиновник. После 1861 года Власть не нашла в себе сил решить крестьянский вопрос, который стал бомбой замедленного действия для страны. Не случайно значение этому вопросу придавали революционеры всех мастей: и Герцен, и «народники», и Ленин.

Если вкратце, то такими представлялись А.Г. Кузьмину закономерности тысячелетней российской истории. Он написал более двухсот научных трудов, статей и книг, которые посвящены самому широкому кругу проблем русской истории. Благодаря его усилиям в науку удалось вернуть наследие великого учёного первой половины XVIII века В.Н. Татищева, имя которого было незаслуженно забыто. Перу Кузьмина принадлежит проблемно-биографическая книга «Татищев», выпущенная в известной серии «Жизнь замечательных людей». К празднику тысячелетия крещения Руси в 1988 году А.Г. Кузьмин приурочил одну из своих важнейших научных монографий – «Падение Перуна: Становление христианства на Руси», высокий уровень которой сразу выделил её из многотысячной массы литературы, вышедшей по тому же поводу. Сегодня эта книга о своеобразном характере русского язычества и об особенностях раннего русского христианства считается настоящей классикой современной исторической мысли. Наиболее точно концепция А.Г. Кузьмина выразилась в изданиях, вышедших незадолго до его смерти – монографии «Начало Руси» и двухтомном учебнике для вузов «История России с древнейших времён до 1618 года».

Корпус гуманитарных факультетов МПГУ на Юго-Западной, где преподавал профессор А.Г. Кузьмин

Впрочем, Аполлон Григорьевич проявил себя во многих областях. Начиная со студенческой скамьи его увлечением были шахматы. «*Новым чемпионом России стал Аполлон Кузьмин, учитель средней школы из Рязанской области*», – писала в начале 50-х годов районная газета. Другой страстью была гитара. Коллеги и ученики профессора

прекрасно знают о его восхитительном переложении на музыку стихов Николая Рубцова.

Он ушёл 9 мая 2004 года. Похоронен в Москве, на Хованском кладбище…

* * *

11-12 декабря 2018 года в Московском педагогическом государственном университете состоялась Всероссийская научная конференция памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина «Земля и Власть в истории России».

Конференция была приурочена к юбилеям со дня рождения крупных отечественных историков, с именами которых связано становление и развитие отдельных направлений российской исторической науки и формирование научных школ исторического факультета (Института истории и политики) МПГУ.[*)]

Участники конференции обсудили широкий круг актуальных проблем отечественной истории, включая вклад в науку и перспективы развития научного наследия А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина, Э.М. Щагина; актуальные проблемы и направления исследования истории Древней Руси; проблему «Земли и Власти» в истории допетровской Руси; вопросы традиции и модернизации в российском историческом процессе; реформы и революции в России во взаимосвязи с их закономерностями и парадоксами политического и социально-экономического развития страны. По итогам конференции состоялся круглый стол на тему: «Актуальные проблемы истории России в современной историографии и учебной литературе».

* * *

Этот номер вышел в свет благодаря поддержке предпринимателя, члена Общественного Попечительского совета журнала «Исторический формат», члена Академии ДНК-генеалогии Якова Андреевича Цыганкова, за что редакция выражает ему сердечную благодарность и признательность.

С наилучшим пожеланиями,
Редакция журнала
«Исторический формат»

[*)] http://mpgu.su/anonsyi/konferentsiya-zemlya-i-vlast-v-istorii-rossii/

УДК 94 (470)

ВЯТИЧИ: ВОПРОСЫ РАССЕЛЕНИЯ, ЭТНОГЕНЕЗА, ПЕРИОДИЗАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

А.А. Майоров

Орловский государственный институт культуры
Россия, 302020, Орловская область, г. Орел, ул. Лескова, 15
e-mail: aamajorov@rambler.ru
SPIN-код: 7776-1436

Авторское резюме

Отдельные аспекты этногенеза и политической истории вятичского этнополитического объединения до настоящего времени не получили достойного отражения в исторической науке. До настоящего времени нет единства взглядов в вопросе определения места исхода и причин начала славянской колонизации территории бассейна Верхней Оки. Не решен вопрос о реальных взаимоотношениях Земли вятичей как единого этнополитического еномена с её крупными соседями-современниками, её месте на политической карте Восточной Европы. Настоящая статья посвящена, наряду с другими аспектами, поиску решений такого рода задач. Кроме того, в ней рассматривается проблема религиозных воззрений вятичей и предлагается периодизация истории вятичей с VIII по XIII вв.

Ключевые слова: вятичи, славянская колонизация, этногенез, политическая история, маршруты торговли и переселения, отдельные группировки, миграции, периодизация, присоединение к Руси.

VYATICHI: SOME ASPECTS OF THEIR SETTLEMENT, ETHNOGENESIS, PERIODIZATION, AND POLITICAL HISTORY

Anatoly Mayorov

Orel State Institute of Culture
15 The Ulitsa Leskova, Oryol, Oryol Oblast, 302020, Russia
e-mail: aamajorov@rambler.ru

Abstract

Certain aspects of the ethnogenesis and political history of the Vyatich ethnopolitical alliance have so far not been adequately described in historical science. Up to now there is no consensus in the scientific community on the origins of exodus and reasons for the beginning of Slavic colonization of the Upper Oka basin. No answer is presented to the question of the real relationship of the Vyatich tribes as an ethnopolitical unity with their major neighbors-coevals, as well as what their place was on the political map of Eastern Europe. The present article attempts to find solutions to these questions, along with some other problems. The author also discusses the Vyatich religious beliefs and proposes a periodization of the history of the Vyatichi from the 8th to the 13th centuries.

Keywords: Vyatichi, Slavic colonization, ethnogenesis, political history, trade and resettlement routes, separate groups, migrations, periodization, joining the Rus' state.

* * *

Историографический обзор

Вятичская проблематика представляет собой один из сложных, многогранных, противоречивых и, по мнению автора настоящей статьи, недооцененных аспектов отечественной истории. Долгое время она, вследствии ряда объективных и субъективных причин, находилась на переферии интересов исторической науки.

Отечественная историческая наука с момента своего зарождения в XVIII в. и фактически до начала XX в. весьма небольшое внимание уделяла вопросам возникновения и существования отдельных восточнославянских общностей, хронологически предшествовавших возникновению Древнерусского государства. Обусловлено это было двумя банальными причинами: малым количеством письменных сообщений вкупе с их малой информативностью, а также весьма четкой и акцентированной тенденциозностью монастырских летописцев в отношении языческого прошлого и, уж тем более, языческого настоящего территорий, относимых к землям, подчиненным Руси (реально или формально). А потому, несмотря на многочисленные попытки полного и объективного исторического исследования различных аспектов древнерусской жизни в её докиевском варианте, долгое время их можно было разделить на две категории: некритического изложения летописного повествования и (начиная со второй половины XIX в.) легкого критического анализа летописного нарратива.

Следует отметить, что упоминания о вятичах присутствуют в работах М.В.Ломоносова, В.Н.Татищева, Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, Д.И.Иловайского, А.Л.Погодина, П.В.Голубовского, В.О.Ключевского, многих других звезд русской исторической науки. Упоминания эти базировались на нескольких летописных сообщениях, воспринятых и проанализированных, даже крупными учеными, в целом, малокритично. Обусловлено это было, по всей видимостью, российскими монархическими традициями, нацеленными на защиту православия и самодержавия как формы монархического мироустройства. Традиции эти порождали интеллектуальные тенденции, а тенденции влияли на мировоззрение и мировосприятие даже выдающихся историков.

В то же время, помимо буквального цитирования и толкования, имелись и весьма продуктивные примеры анализа имевшейся информационной базы. В частности, следует упомянуть попытки установления мест прохождения границ, ограничивавших пределы территорий, контролировавшихся вятичами. Весьма продуктивными в этом отношении были изыскания одного из основоположников русской исторической географии Н.П.Барсова (Барсов 1865; 1885). На него же ссылался в своих исследованиях истории северов (северян) П.В.Голубовский (Голубовский 1881). А.А.Шахматов и М.К.Любавский подкорректировали выводы Н.П.Барсова о южной границе вятичского ареала, поместив их в междуречье Оки и Сейма (Шахматов 1919; Любавский 2000).

В советский период прежние “толкования тестов” получили серьёзную информационную подпитку, в результате чего появились новые исследования, позволившие несколько иначе взглянуть на ряд хорошо известных фактов. Это стало следствием активного развития ученой археологии, давшей в руки историкам новые, ранее неизвестные факты и материалы. Работой А.В.Арциховского “Курганы вятичей” в научный оборот было введено, систематизировано и прошло датировку огромное количество археологических находок, имеющих прямое отношение к рассматриваемой группировке восточных славян (Арциховский 1930). Именно им были выявлены и перечислены признаки, до настоящего времени являющиеся определяющими для отнесения обнаруженных артефактов к вятичскому этнокультурному ареалу. Была отмечена преемственность в различных способах практиковавшихся погребальных обрядов, установлены границы поселений и погребений, атрибутированных А.В.Арциховским в качестве вятичских (в целом совпавших с выкладками Н.П.Барсова и замечаниями А.А.Шахматова и М.К.Любавского).

До настоящего времени обязательной для историка, занимающегося изучением догосударственной русской истории, является монография П.Н.Третьякова «Восточнославянские племена» (Третьяков 1953). Её автор не только дал описание основных этнических группировок восточных славян, но и указал на наличие на территории бассейна Верхней Оки дославянских мощинских городищ.

Чрезвычайно продуктивная работа Верхнеокской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Т.Н.Никольской в 1960-80-х гг. стала важнейшим этапом в изучении материальной культуры и истории вятичей. Найденные в ходе раскопок городищ и селищ мастерские, плавильные печи, литейные формы, бытовые, хозяйственные и ювелирные изделия, предметы вооружения, конская сбруя и прочий богатый инвентарь дал представление о высоком уровне развития материальной культуры, наличии оживленных и дальних торговых связей с различными территориями. Итоговая работа Т.Н. Никольской «Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв.» до настоящего времени является наиболее полным и информативным трудом, посвященном вятичской материальной и духовной культуре (Никольская 1981).

Обязательными к упоминанию представляются работы академиков Б.Д.Грекова и Б.А.Рыбакова, посвященные истории древних славян и Древней Руси (Греков 1949; Рыбаков 1982). Исследования Б.А.Рыбакова, весьма широкие тематически и опирающиеся на многочисленные материальные свидетельства, вследствие глубокой патриотичности самого академика, убежденного в древности и сугубой автохтонности славян и возводившего их к скифам и трипольцам, до настоящего времени не утеряли своей значимости, но должны современным историком быть восприняты, по мнению автора настоящей работы, прежде всего, как источник конкретных сведений о конкретных находках. Вятичское племенное княжение описывалось Б.А.Рыбаковым, по сути, в качестве раннегосударственного образования со всеми его атрибутами.

Весьма информативны и крайне полезны исследования А.В.Григорьева, посвященные роменско-боршевской археологической культуре и северскому (северянскому) материальному и культурному наследию (Григорьев 2005; 2011; 2012). В них, наряду с прочим, содержится большой объем фактической информации о материальной культуре и ходе исторических процессов на землях бассейнов Верхней Оки, Верхнего Дона, Сейма, Десны и т.д. Нельзя не упомянуть и работы Е.А.Шинакова, помимо исследования материальной культуры восточных славян, глубоко затрагивающие вопросы древнерусского политогенеза, с рассмотрением его, в том числе, и касательно вятичей, радимичей и северов (северян) (Шинаков 2009).

Приведенный выше обзор ни в коем случае не является полноценным историографическим исследованием и не претендует на исчерпывающий характер. Вне его осталось несколько десятков серьёзных исследований, посвященных отдельным, порой очень важным, аспектам, имеющим отношение к заявленной тематике. В то же время, обязательность знакомства с работами перечисленных исследователей заставляет прибегнуть к их перечислению и упоминанию, ибо лишь «опираясь на плечи этих титанов» можно попытаться сложить картину, максимально приближенную к истинной.

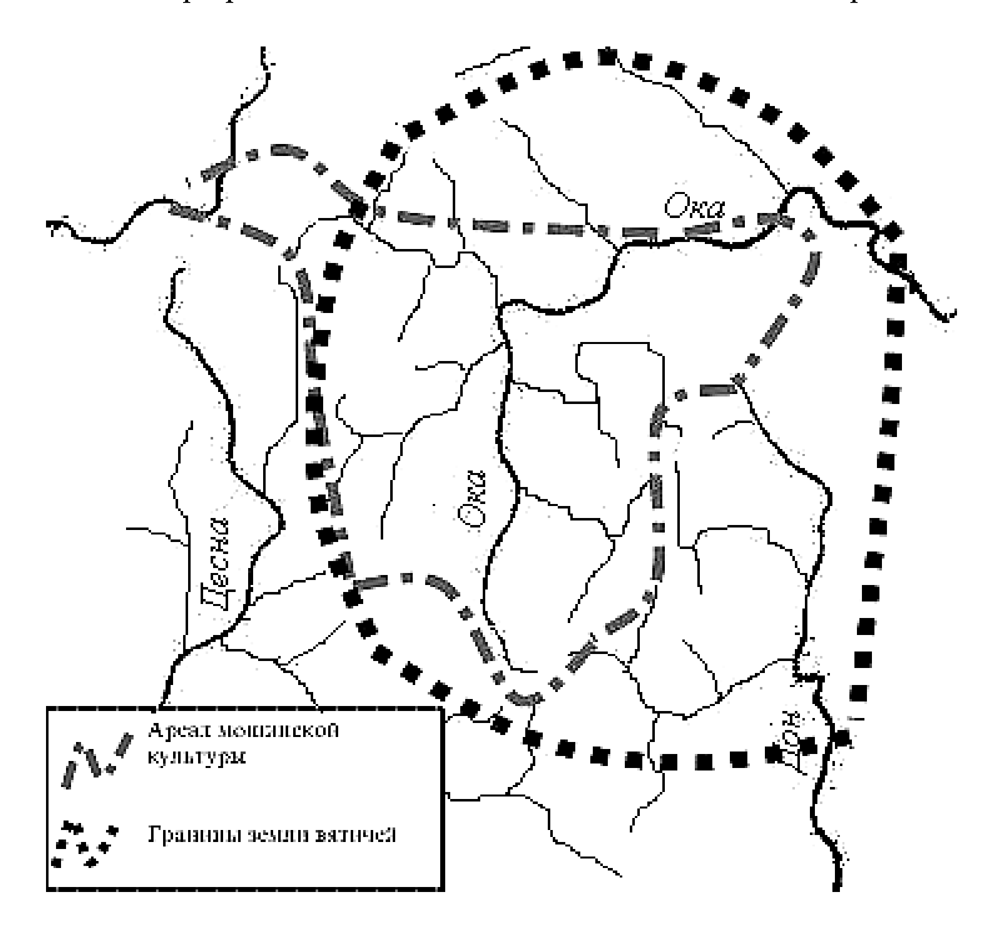
Излагаемая далее версия вятичской истории является, во многом, авторской и не претендует на полную и абсолютную истину. В тоже время, она опирается на большой и весомый пласт исследований множества ученых и её изложение не должно вступать в критическое противоречие с ранее известными достоверными фактами. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно развернуть всю систему аргументации, а потому заинтересованный читатель приглашается к рассмотрению ранее вышедших публикаций автора.

К вопросу об этнических компонентах этногенеза вятичей

Как известно, при формировании различных восточнославянских этнических групп немалое значение сыграл, наряду с другими факторами, аборигенный этнический субстрат, в разной степени влиявший как на антропологические, так и на культурный и, порой, даже их лингвистические особенности. Славянам на рассматриваемой территории (бассейн Верхней Оки и прилегающие к нему земли) предшествовал этнос (этносы), соотносимый современной исторической наукой с мощинской археологической культурой. Задача выявления масштабов и силы влияния их этнических особенностей (антропологических, лингвистические, религиозных, культурных и т.д.) представляется собой незаурядную исследовательскую задачу.

Мощинская археологическая культура считается последним неславянским предшественником вятичей на территории бассейна Верхней Оки. Географические границы распространения этой культуры и более позднего вятичского ареала во многом совпадают, как, впрочем, и ряда более древних археологических проявлений. Для выяснения вопросов возможности существования культурно-

генетической преемственности предшествующего и последующего этносов, населявших верхнеокские земли, необходимо обнаружить признаки, подтверждающие либо опровергающие подобное предположение. В зависимости от полученных ответов может быть несколько по-разному решен вопрос генезиса вятичей как этно-географического и социально-политического образования.

До настоящего времени исторической наукой не выработана единая точка зрения на место ранних вятичей по отношению к территориально и хронологически предшествующей им мощинской археологической культуре. В качестве основной долгое время выступала точка зрения, утверждавшая, что временной разрыв между роменской (боршевской) культурой вятичей и мощинской (по всей видимости, балтской) составлял не менее двух-трех столетий, а потому постановка вопроса о какой-либо преемственности представлялась необоснованной и ненаучной. Одним из крупнейших современных специалистов по этой археологической культуре Г.А.Массалитиной был вполне доказательно обоснован «тезис об отсутствии генетической преемственности между мощинской культурой и памятниками боршевского типа. К этому склоняет выявление ошибочности оснований для такого вывода и наличие более чем 300-летнего разрыва между древностями обеих культур» (Массалитина 1994: 17).

До недавнего времени почти доказанным считалось, что время существования мощинской археологической культуры в верховьях Оки было ограничено II-V вв., а

потому она не может быть никак связана с роменско-боршевской культурой вятичей. Хронологический разрыв между ними полагался непреодолимым. Особенно говорящим был ярко выраженный разрыв между археологическими находками мощинской культуры и первыми славянскими артефактами: развитое производство железа, характерные фибулы, лощеная керамика, бронзовое литье и неплохой уровень ювелирного дела мощинцев (их выемчатые эмали в XIX – начале XX вв. довольно часто принимали за готские и египетские изделия) явно не походили на поделки первых славянским поселенцев (Болдин и др. 1999: 197-200). Грубость и относительная примитивность славянских орудий, керамики, прочих находок наряду с отсутствием следов хронологически близких мощинских и роменско-боршевских поселений представлялись явными доказательствами отсутствия контактов и, тем более, какой-либо преемственности. Впрочем, к иным вывода, на фоне отсутствия необходимых материальных доказательств, прийти было, по всей видимости, нельзя.

В последние годы гипотеза о возможности прямого взаимодействия двух этносов, проживавших в разное время на одной территории, получила подкрепление новыми данными: после «обработки керамических коллекций с верхнеокских памятников роменской культуры IX-X вв, появились свидетельства о сохранении традиций мощинской культуры в их керамическом комплексе» (Воронцов 2011: 14). Конечная датировка ряда мощинских поселений отнесла их уже не к V в, а к VI-VII вв (Краснощекова, Красницкий 2006: 249-250). Такого рода находки стали косвенным аргументом, подтверждающие гипотезу «об участии носителей позднемощинских традиций в формировании славянского населения Верхнего Поочья» (Воронцов 2011: 15). Предположение о существовании «на памятниках мощинской культуры, расположенных на мелких притоках Оки, слоев, датирующихся вплоть до середины VII в.» получило реальные подтверждения (Воронцов 2011: 15).

Новыми красками заиграли косвенные данные, ранее представлявшиеся недостаточно весомыми. В пользу существования прямых контактов этих культур говорит близость зафиксированных погребальных обрядов и упоминание летописями в середине XII в. «люди Голядь верх Поротве» (ПСРЛ II: 151, 339). Показательным является то обстоятельство, что «ни на соседних, ни на отдаленных от ареала мощинской культуры территориях нет племен, в погребальном обряде которых сочетались бы те же признаки, что и у мощинцев» (Массалитина 1994: 15). Но они есть у вятичей: известные нам детали погребального обряда (кремация усопших и оградки курганов, типичные лишь для вятичей и мощинцев) выглядят явными заимствованиями, которые были возможны лишь при непосредственном контакте, а также определенной психологической близости, ибо прощание с умершим является одной из наиболее табуированных, традиционных и архаичных сфер человеческой культуры. На чужаков в таких вопросах не равняются.

Помимо прочего, лингвистические исследования позволили выявить здесь существование, практически до наших дней, ярко выраженного верхнеокского

субареала балтской гидронимии, что также является весомым доводом в пользу возможности межэтнических контактов вятичей и мощинцев, ибо передаваться иноязычные наименования водных объектов в те времена могли лишь изустно (ввиду отсутствия письменной фиксации). Дополнительным доводом может служить отсылающий к проживавшим там вятичам и мощинцам верхнедонской «локус балтийской гидронимии, обнаруженный в самое последнее время» (Топоров 2000: 373-374, 375).

Таким образом, значительно возросла вероятность продолжения существования небольших мощинских поселений вдали от разрушенных городищ, на берегах небольших рек и ручьев верхнеокского бассейна. Данная гипотеза позволяет дать достоверное объяснение факту отсутствия у вятичей традиций изготовления знаменитых мощинских лощеных керамических изделий и художественных украшений, сохранение которых было бы более вероятным внутри более крупных и населенных поселений. В то же время погребальные обряды, в отличие от приемов и навыков производства различных предметов культуры и быта, естественным образом сохранились гораздо лучше в силу своего широкого распространения в поселениях всех масштабов. Именно их могли частично позаимствовать и адаптировать пришедшие на эти земли славяне, позже ставшие вятичами.

В качестве аргумента, подтверждающего высокую вероятность симбиотического взаимодействия разных культур, перешедшего в ассимиляционное, можно рассматривать результаты исследования территориального размещения поселений в бассейне Верхней Оки. Как ранее указывалось, значительная доля вятичей состояла из носителей роменско-боршевской археологической культуры, весьма распространенной к югу и хорошо приспособившейся к обработке черноземных почв. Первичное славянское расселение тяготело к черноземным зонам. Балтские культуры здесь явно использовали подсечную систему земледелия, славянские – пашенную, о чем говорит отмеченное расположение археологических памятников: предположительно балтские «предпочитали песчаные ландшафты полесского типа», а славянские тяготели «в сторону преимущественного заселения ландшафтов с черноземами» (Давыдчук, Фролов 1976: 16). Обусловлено это было принципиальной разницей использования одинаковых агротехнических приемов при обработки лесных песчаных почв и чернозёмов: сжигание остатков растений повышает плодородие первых и уничтожает этот показатель у вторых.

Поселение на лесных почвах делало прежние навыки ненужными и малопродуктивными. Сопоставление информации о расселении дославянских и славянских племен на территории Верхней Оки приводит к выводу о различных способах освоения местных ландшафтов носителями предположительно балтских (верхнеокской, позднезарубинецкой (почепской), мощинской) и славянских (боршевско-роменской, древнерусской) культур.

Очень важным и значимым здесь является то обстоятельство, что способы и

варианты ведения хозяйственной деятельности, особенно такой важной, как сельскохозяйственное производство, являются чрезвычайно консервативными и статичными. Фактически не отмечено случаев, когда бы сельскохозяйственные приемы и навыки заимствовались у менее развитых либо побежденных (а уж тем более у вымерших) народов. Вятичи, для этнической группы, полностью пришедшей из иной почвенной зоны и не знакомой с местной агротехникой, слишком быстро перешли на балтские приёмы, чтобы предполагать что-то иное помимо прямого заимствования. Сопоставляя эти данные с прокламируемым летописями размещением их в лесистой зоне, следует признать высокую вероятность гипотезы о первичном вятичском этногенезе как результате ассимиляции славянами преимущественно «лесных» балтов, с усвоением балтских агротехнических приемов. Славянские переселенцы использовали другие типы почв и агротехнические приемы, а потому у них не было большой нужды заселять давно заброшенные и разрушенные мощинские поселения если в них уже не теплилась жизнь.

В этой связи определение вероятности прямой поселенческой преемственности между мощинскими и славянскими населенными пунктами в бассейне Верхней Оки может стать одним из весомых аргументов для определения возможности взаимодействия и влияния поздних носителей мощинской культуры на вятичей. Если размещение крупных поселений обуславливалось необходимостью соблюдения условий защищенности, в первую очередь, рельефом и реками, то мелкое сельское поселение нуждалось, прежде всего, в доступности полей и плодородии почв. В том случае, если между временами ухода мощинцев и прихода вятичей имелся бы интервал продолжительностью от двух до трех веков, то освоенные мощинцами поля и пастбища на залесённой территории бассейна Верхней Оки пришли бы в полное запустение. Последующая расчистка заросших лесом бывших сельскохозяйственных угодий для вятичей должна была стать крайне сложной и трудновыполнимой задачей. Если же допустить, что вятичи имели возможность непосредственно использования прежние мощинские поля и выкорчевки, хотя бы частично "дождавшиеся" их, то можно предположить, что технические сложности обработки земли могли быть значительно уменьшены.

Для ответа на вопрос о том, сменили ли вятичи представителей мощинской археологической культуры непосредственно на местах их проживания, или между этими этническими образованиями пролегал временной интервал в несколько веков, автором настоящей статьи были проанализированы имеющиеся данные о совпадении мест размещения поселений обеих культур. Сведения об известных поселениях мощинского и вятичского времени на территории Верховского исторического региона (провинции) опубликованы и нуждаются в систематизации. Для упорядочивания имеющихся в распоряжении исследователей материалов и облегчения дальнейшего анализа на основе серии «Археологическая карта России» (Тульской, Калужской, Орловской и Брянской областей) был составлен ряд однотипных рабочих таблиц. Подробности анализа полученных результатов и

ограничения, введенные по разным причинам автором, имеются в отдельной статье (Майоров 2016а). Здесь же достаточно привести результаты.

В целом, достоверно установленные предшественники, относимые к мощинской культуре, выявлены у 21 вятичского поселения из 65, выявленных на территориях трех субъектов РФ (32,3% их общего количества). Помимо того, 9 вятичских поселений имеют возможно предшествующее мощинское поселение (13,8% их общего количества). 2 поселения имеют предшественников в виде неопределенного поселения второй половины I тысячелетия нашей эры (3,1% их общего количества). Таким образом, с разной долей вероятности, возможных предшественников, относимых к мощинской археологической культуре, имеет 49,2% поселений роменской археологической культуры, расположенных в бассейне Верхней Оки и заселенных впоследствии вятичами (Майоров 2016а).

Особый интерес в перечне поселений представляют селища, имевшие мощинских предшественников, так как именно в селищах могли реально сохраниться физические носители мощинской археологической культуры, впоследствии ассимилированные славянами. Поскольку территории современной Брянской и Орловской областей по разным причинам выглядят явно нетипичными в плане рассматриваемого вероятного межэтнического взаимодействия, был проведен анализ данных с территорий современных Тульской и Калужской областей. Всего выявлено 40 поселений, не отнесенных к городищам, из которых от 30 до 53% имеют явные признаки дославянского (мощинского) существования (Майоров 2016а). Такого рода результаты представляются достаточно весомым косвенным аргументом в пользу рассматриваемой гипотезы.

Безусловно, никто не отрицает возможность случайных совпадений выбора места поселений, но столь высокая доля заставляет полагать о возможности наличия фактора вероятной преемственности. Таким образом, ряд прямых и большое количество косвенных данных свидетельствуют о реальной возможности участия части реликтового мощинского населения в формировании вятичской этнополитической общности на территории бассейна Верхней Оки.

Иной особенностью, указывающей на высокую вероятность полиэтнического характера этногенеза вятичей, является классификация печных сооружений, относящихся к различным восточнославянским племенным княжениям. Согласно ей, наиболее близки вятичам по способам сооружения печей были поляне и закарпатские хорваты, также использовавшие каменно-глиняные печи и каменные очаги для обогрева (Смиленко 1989: 111). Помимо этого, прослеживаются аналогии с прежней мощинской традицией. И вновь – весьма близкие вятичам культурно и территориально северы предпочитали печи, вырезанные в материковых останцах либо глиняные, а обогревались подбойными печами и очагами (Смиленко 1989: 111).

Косвенным аргументом в пользу возможного появления в этой местности и других организованных групп, может служить отмеченное учеными «многократное увеличение населения в первой половине IX в.» (Григорьев 2012: 99). Археологические данные говорят о появлении значительного числа новых жителей

на тех землях, которые уже были первоначально освоены славянами. И эта волна не была идентична первичным славянским поселенцам: изменились бытовые и хозяйственные приемы, появились новые типы украшений наряду с уже отмечавшимися ранее. Есть весьма серьезные основания «предполагать, что в начале IX в. новая мощная волна славянских переселенцев заполнила всю территорию от Днепра до Дона» (Григорьев 2012: 100). Таким образом, автор настоящей статьи, идя вслед за результатами, полученными рядом авторитетных исследователей, приходит к выводу о необходимости обязательного учета фактора полиэтничности в ходе вятичского этногенеза. Более того, уже упомянутое ранее присутствие ещё в XII в. «людей голядь» на территории Земли вятичей при почти полной идентичности местной археологической обстановки прочим вятичским землям, может говорить о частичной незавершенности этнической ассимиляции при наличии культурно-бытового единства. Таким образом, вятичи в данной ситуации предстают не столько как этническая, но именно как этнополитическая группировка.

Вероятные причины, маршруты и территории исхода славянских колонистов

Весьма важным и до конца нерешенным являются вопросы о времени славянской колонизации рассматриваемой территории, месте исхода переселенцев и их побудительных мотивах. Традиционная точка зрения говорит о приходе "первовятичей" с юго-запада – из днепровского славянского ареала. Этот подход насколько же общ, настолько и неточен. Днепровский бассейн столь обширен, что охватывает верхнеокскую территорию не только с юго-запада, но и с юга, и с запада, и даже немного шире. Потому определение точного места исхода первопоселенцев, передвигавшихся по главным транспортным артериям того времени – рекам, возможно только после анализа полного комплекса информационных источников, к числу которых следует отнести не только письменные сообщения, но и данные археологических изысканий.

Для понимания причин и направлений славянской колонизации бассейна Верхней Оки IX-X вв. следует указать на наличие нескольких важных обстоятельств, одним из которых следует назвать географические особенности региона в широком смысле, к которым, помимо характеристик расположения, следует отнести также гидрографические, почвенные, ботанические и ряд иных физических характеристик. Важнейшим представляется наличие в рассматриваемом регионе зоны смыкания и переплетения четырех крупнейших речных бассейнов: окского (как части волжского), донского, деснянского (как части днепровского) и западно-двинского (даугавского). Наличие гигантского потенциала транзитной торговли всегда было понятно исследователям. Уже в XIX в. выходили работы, весьма точно и графично демонстрировавшие особенности такого потенциала (Загоскин 1910). Тем не менее, реализация заложенного потенциала в предшествующий славянской экспансии период по разным причинам не состоялась.

Заинтересованный исследователь может рассматривать ряд признаков и свидетельств разнообразных событий расселения славян (и иных этносов на указанных территориях), но не менее важным являются другие вопросы – откуда вышли переселенцы и были побудительные причины, заставившие оседлых земледельцев внезапно подняться с насиженных мест и уйти за сотни километров со своей малой родины? Успешность в вопросах размножения (и как следствие – перенаселенность зон исхода) не может служить аргументом, так как именно в это время, обычной была высокая детской и материнская смертность, рост населения был очень неспешен – число выживших детей составляло 1,66 – 2,6 ребенка на 1 женщину (Риер 2006: 75-76). Остаются (по мнению автора статьи) насильственное переселение, добровольное с заинтересованностью и бегство от некой внешней угрозы, либо разные сочетания указанных обстоятельств.

Факторы, приведшие к активизации славянского расселения на просторах Восточной Европы, многочисленны и до настоящего времени являются предметом активной дискуссии. Задача историка, исследующего возникновение и ход вятичского этнического формирования, облегчается тем, что место его зарождения весьма четко локализовано и хорошо известно – территории бассейна Верхней Оки и прилегающих земель бассейнов Десны и Верхнего Дона.

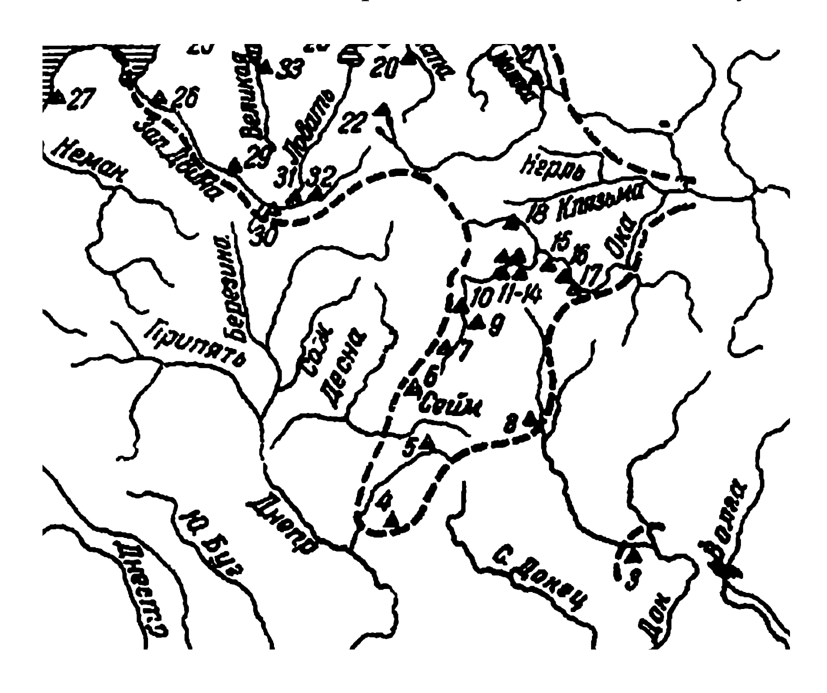
Согласно современным представлениям, вятичи являлись носителями одной из ветвей роменской (ромено-боршевской) славянской археологической культуры, научно выделенной в середине XX в. (Ляпушкин 1947: 121-136). К числу её носителей также относятся другие восточнославянские группировки – радимичи и северы (северяне). Истоки собственно роменской культуры по разному трактуются разными специалистами.

Наиболее древней из участников этого триединого культурного сообщества общепризнанно считаются северы (северяне), что подтверждается явно более высокой плотностью их населения и многочисленностью археологических памятников. Были и иные мнения, обосновывающие общее движение славян-колонистов с севера на юг, что в настоящее время не является ведущим трендом, хотя данные о наличии “неюжных” признаков у различных географически южных восточнославянских группировок ценны и должна быть отмечены (Третьяков 1970: 103). Таким образом, данные, полученные археологами, наводят на мысль о существовании южных и западных маршрутов первоначального расселения славян в бассейне Верхней Оки.

Для понимания других причин заселения именно этих земель славянами следует упомянуть, что упомянутый выше транзитно-транспортный потенциал рассматриваемой территории не был интересен и почти не использовался до VII-VIII вв. В этот период «балтийская система коммуникаций приобретает новое содержание: из региональной она преобразуется в общеевропейскую и затем – в трансконтинентальную. Резкий рост значения Балтики был обусловлен радикальными переменами, происходившими в Средиземноморье, где арабские завоеватели перекрыли традиционные пути, связывавшие его с Востоком… Центр

тяжести в поисках новых путей на Восток был перенесен с юга Европы на север» (Мельникова 2010: 51). Поиски новых удобных торговых маршрутов привели к установлению прочных связей между европейскими территориями в бассейнах Северного и Балтийского морей, с одной стороны, и Волжской Булгарией, Хазарией и рядом других стран к востоку и югу от мест расселения славян, с другой стороны. Каспийско-волжско-балтийский, черноморско-окско-балтийский и ряд иных маршрутов, проходящих по рассматриваемой территории, наконец-то стали востребованными.

Решение вопроса о масштабах товарооборота и причинах меньшего использования дунайской речной сети выходят далеко за пределы статьи, а здесь следует сосредоточиться на местных признаках активизации внешней торговли. Одним из такого рода признаков следует считать достаточно многочисленные клады куфических монет, обнаруженные в данной местности. Обычно выделяют два периода обращения куфических монет IX в. (связывая с ними выпадение кладов): первую треть столетия и последующие две трети того же века, несколько различавшихся по территориям охвата (Кропоткин 1978: 115-116). Согласно имеющимся данным, Ока, Верхний Дон, Десна и Двина четко попадали в зону нахождения кладов с такими монетами и, по всей видимости, являлись местом прохождения весьма активных торговых маршрутов. «Очень значительная часть восточной монеты уходила… по Окскому пути… …Становление так называемого Пути из Варяг в Греки произошло… несколько позже» (Янин 2009: 122). Приведенная тем же автором карта распространения дирхемов во втором периоде обращения (начиная с середины 30-х гг. IX в. и до его завершения) также демонстрирует их находки вдоль Западной Двины, но почему-то не связывает именно их с Окой и Верхним Доном, хотя уже упоминавшиеся историко-географические исследования демонстрируют возможность и вероятность транспортировки из окской и донской речных системы в двинскую (Янин 2009: 119).

В последующий период – первые десятилетия X в. – отмечается значительный количественный прилив монетарного серебра: «Значительное расширение торговли... привело и к усилению насыщенности восточноевропейского денежного обращения серебряной монетой. ...Усиление торговых связей Восточной Европы с Востоком сопровождается в это время и значительным усилением балтийской торговли» (Янин 2009: 137). Зона распространения дирхема в 900-970 гг. относительно бассейна Верхней Оки и верховьев Дона фактически осталась такой же как и в предшествующий периоды, а вот на западе в нее полностью попал бассейн Десны, Сожа, Припяти и других днепровских притоков как на запад, так и на север, немного не дотягиваясь до польских земель, отмеченных выпадением кладов такого же типа (Янин 2009: 138). Это подтверждает факт установления в это время более тесных связей вдоль старого широтноо речного торгового пути.

Здесь следует сделать небольшое отступление, посвященное летописным упоминаниям о вятичах. Они хорошо известны и относительно немногочисленны. Первое же цитата приводит каноническую версию возникновения вятичей: «Радимичи бо и Вятичи от Ляховъ. бяста бо. 2. брата в Лясех. Радимъ. а другому Вятко и пришедъша. седоста Радимъ на Съжю. [и] прозв[а]шася Радимичи. а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце. от негоже прозвашася Вятичи» (ПСРЛ I: 12). Приведенная версия вполне подтверждается различными данными, но, безусловно, нуждается в уточнениях.

Крайне важным является понимание – является ли выражение «от Ляхов» этническим либо географическим? Поскольку IX в. является временем начала ляшской экспансии на земли, относившиеся к сфере великоморавского влияния, постольку географическое указание представляется предпочтительным. В пользу подобной гипотезы говорит свидетельство так называемой «Минейной редакции» жития чешского святителя святого Вячеслава, которая начинается следующими словами: «Месяца септемврия в 28 день Житие блаженного князя Вячеслава бывшего в Лясех» (Сказания 1970: 60). То есть, для автора, по всей видимости, несмотря на то, что события жития происходят «в Чехех» и с чешским князем, всё равно местность располагается «в Лясех». Это тем более интересно, что возникновение именно этой редакций считается связанным с Русью и содержит отсылки к сказанию о Борисе и Глебе. Существуют иные варианты того же повествования, которые с Русью не связаны, к примеру – так называемая «Востоковская легенда», являющаяся более поздним кириллическим вариантом сохранившихся глаголических бревиариаев XIV – XV вв. (Сказания 1970: 35) В ней о «Лясех» не упоминается, здесь чётко обозначено место : «Бе бо князь велик славою, в Чехах живыи…» (Сказания 1970: 36). Несложно заметить разницу восприятия: там, где для русских направление обобщено понятием «в Лясех», для местных существует конкретная локализация «в Чехах».

Важным является указание на приход «***Вятко с родом своим***», а не на переселение на Оку всех вятичей. Освоение гигантской территории силой всего лишь «рода», насколько бы велик он не был, в течение столетия является задачей нерешаемой. Кроме того, бытовая культура многочисленных пришельцев должна

была количественно и качественно выделятся в аборигенной среде и чётко отграничиваться археологически. Мы же можем наблюдать лишь появление большого числа новых элементов, но не смену культур, что означает, по меньшей мере, относительный численный паритет, относительную близость и, вероятно, существование более раннего опыта их взаимодействия, что смягчило последующее воздействие пришлых. Потому более вероятным представляется приход по уже давно отработанному и освоенному речному торговому маршруту ограниченной вооруженной группы, взявшей земли и маршрут под свой контроль. Затем уже последовало переселение несколько более многочисленных групп, относимых скорее к гражданскому населению.

Интересно, что косвенно этот порядок отмечен в летописных сообщениях, где приход Вятко и Радима в последовательном повествовании отнесен ко времени более раннему, нежели фиксация факта уплаты вятичами дани хазарскому каганату в 859 г. (ПСРЛ I: 8). Данное сообщение летописи никаким образом не опровергает высокой вероятности более ранней уплаты дани хазарам, так же как и факта возможности более раннего возникновения территориальных структур вятичей. Взаимоотношения с хазарами представляют собой отдельную обширную тему, которая не может быть подробно затронута в формате статьи, но, тем не менее, несколько суждений в этой связи будут приведены далее.

Крайне любопытно, что форма летописного сообщение в некоторых своих аспектах позволяется провести параллель с другим известным летописным сообщением: «и изъбрашася. трие брата. ***с роды своими.*** и пояша по собе всю Русь. ***и придоша*** къ Словеномъ первее. и срубиша город Ладогу. ***и седе*** стареишии в Ладозе Рюрикъ. а другии Синеоусъ на Белеозере. а третеи Труворъ въ Изборьсце. и от техъ Варягь. ***прозвася*** Рускаа земля» [курсив мой – М.А.] (ПСРЛ II: 14). Нетрудно заметить почти буквально совпадение последовательности и терминологии в текстах двух различных рассказов. Применение в средневековом сообщении даже усеченного варианта формулы призвания правителя (буквальное воспроизведение важных элементов стандартной формулы призвания вождя), адресуясь к неопределённому по своему статусу персонажу, сразу же переводит его в непростую категорию полноправных легитимных вождей и не может быть случайным. Кстати, данное указание на роды Рюрика, Трувора и Синеуса также практически никем из историков не трактуется как перемещение крупной этнической группы.

Само имя Вятко дает основу для проведения широкого и плодотворного анализа. Его обычно трактуют как сокращенную форму имени Вячеслав (Фасмер 1986: 376, 378). Оно явно необычно для простого переселенца, которым пытается подать его летопись. Интересно, что в Фульдских анналах прослеживается упоминание созвучных княжеских имен в виде Witislan под 872 г. и Witizla (Вячеслав) под 895 г. (Annales 1891: 126). Более того, наблюдается полное совпадение реконструированной полной формы имени Вятко с именем канонизированного христианской церковью чешского князя Вячеслава (ст.-слав. «Вяцеслав», чеш. Václav, лат. Venceslaus, dux Wratizlaus), жившего в начале X в., что, в свою очередь, приводит

к мысли о возможной принадлежности «первовятича» к числу высокопоставленных представителей западнославянского общества (Bretholz 1923: 253).

Ещё более драматическим выглядит совпадение имен двух братских пар, сыгравших значительную роль в славянской истории – восточнославянских Вятко и Радима и западнославянских братьев-епископов святых Войцеха (Вацлава) и Радима, в крещении Адальберта и Гаудентиуса. Характерно, что западнославянские святые братья были сыновьями князя Славика, прямо наследовавшего и правившего рядом коренных земель Великоморавской державы (Berend 2007: 282).

Любопытно, что только вятичи и радимичи (о радимичах и их происхождении см.: Жих 2017: 12-63) удостоились летописной фиксации имен своих основателей. Лингвистические исследования показали, что «летописный текст мог бы служить вполне аутентичным доказательством их реального существования. ...В родословных легендах радимичей и вятичей в качестве эпонимов использованы подлинные имена... племенное название является производным от реального антропонима». Летописный источник являясь, во многом, повествовательным произведением «…оказывается вполне надежным ономастически» (Назаренко 2009: 388).

В связи с вышеизложенным, гипотезы, возводящие этноним «вятичи» к индоевроейскому корню «*ven-t» (мокрый, влажный) через праславянский *vet либо праславянскому *vęt (большой, значительный) выглядят несколько искусственными, поскольку никому до настоящего времени не удалось обнаружить особенно выдающуюся увлажненность места их расселения или чрезмерную величину этой этнической группы относительно таких же характеристик, присущих другим славянам.

Безусловно, большая часть указаний на тесную связь с Великой Моравией является косвенной. Также как и указывающее на её наличие начало применение в русском княжеском имянаречении, вместо прежних скандинавских форм, традиционных моравских двукорневых славянских имен, произошедшее после падения этого государства. Тем не менее, столь значительное количество косвенных признаков, наряду с данными археологических исследований позволяют выстроить гипотезу о большой степени влияния на верхнеокские дела процессов, имевших место на территориях, позже обозначенных летописями «в Лясех».

Великая Моравия в IX в. представляла собой своеобразную «сверхдержаву» Восточной Европы, так что границы только её ядра определяются: «на юге – течением Дуная (после 858 г. – включая нагорье Пилиш на правом берегу Дуная), далее южное побережье Матры до Токайских холмов, далее – возможно, по течению реки Уг; на севере граница совпадала с гребнями Карпат, а на западе – с Чешско-Моравской возвышенностью и р.Камп до Дуная» (Раткош 1985: 84). В ходе экспансии правителя державы Святополка I, действовавшего, по всей видимости, при поддержке католического Рима, под его властью оказались Силезия, южная Польша, сорбское Полабье, Чехия, Потисье, часть Паннонии (Гавлик 1985: 99). Таким образом, в момент наибольшего расширения данное государство занимало территории

современных Словакии, Чехии, Венгрии, Румынии, южной части Польши, северной Болгарии, украинское Закарпатье, северную Сербию и часть Хорватии.

В этой связи следует обязательно упомянуть относительно небольшие работы А.В.Майорова и Л.В.Войтовича, которые позволили автору весьма четко проследить наличие многочисленных хронологических параллелей между политическими событиями в Центральной Европе конца I тысячелетия н.э. и появлением значительного числа славянских переселенцев, изменениями в бытовой культуре и общественной организации на территории бассейна Верхней Оки (Майоров 2006; Войтович 2006: 6-39). Появление Вятко и переселенцев могло быть как результатом некой разведки, так и следствие ухода групп, недовольных подчеркнуто христианским характером моравской экспансии либо бегством от внешней агрессии (мадьярской, польской, чешской, германской и т.д.).

В настоящей статье очень мало внимания уделено роли Хазарского каганата в истории становления Земли вятичей не потому, что эта роль была невелика. Просто количество исследований, затрагивающих и описывающих данную тему, весьма велико и простое их перечисление займет весьма много места (Новосельцев 1990; Назаренко 2001). В то же время следует указать, что без, как минимум, согласования с Хазарским каганатом, державшим под своим контролем практически все маршруты в направлении восточных стран (волжский, донской, северо-кавказский и.д.) поселение большой группы нового населения в зоне пересечения нескольких важных транспортно-торговых путей представляется абсолютно невозможным.

В IX-X вв. только Хазарский каганат, представлявший собой сложное мультикультурное и мультирелигиозное государственное образование, мог реально обеспечить безопасность волжского, донского и окского участков широтного трансевразийского торгового пути. Этому весьма благоприятствовала внутренняя обстановка в каганате: процессы внутренней «притирки» уже завершились и внутри единых этнических групп к тому времени вполне уживались различные религиозные системы. Хазары равно принадлежали к четырем религиозным традициям: исламской, христианской, иудейской и языческой. Столь необычная внутриполитическая ситуация позволяла им выступать в качестве абсолютно уникального торгового посредника в межэтнических, межрелигиозных и межгосударственных отношениях до тех пор, пока их услуги были нужны их соседям (Новосельцев 1990: 153-154).

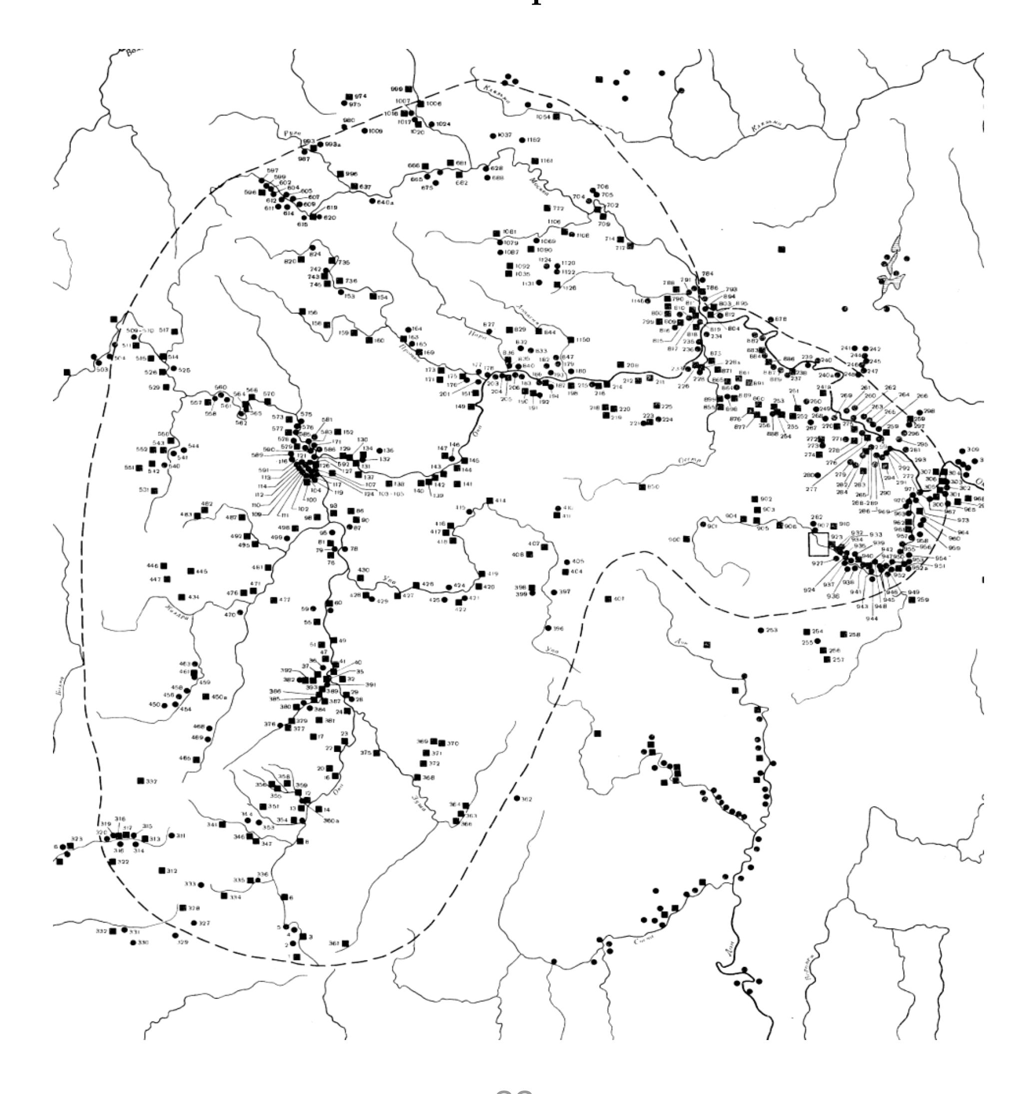
Расселение славян по окской речной системе, в случае предварительнго согласования, не должно было встречать препятствий со стороны хазарских властей. Напротив, хазары могли рассчитывать на включение переселенцев (к числу которых, помимо вятичей, относят ещё и культурно близких им радимичей и северян), в местную хозяйственную деятельность (Григорьев 2005: 153). Археологические данные позволяют отследить связь роменской археологической культуры трех этих славянских группировок с предшествовавшей волынцевской и салто-маяцкой культурой, явно распространенных на территориях каганата.

Культурные, бытовые и военно-политические особенности вятичского этнополитического объединения

Рассмотрение особенностей сложившегося на рубеже IX-X вв. вятичского этнополитического объединения заставляет обратиться к результатам археологических исследований указанных территорий. Как уже упоминалось, большой объем археологических исследований на данной территории был проведен в XX в. И если Арциховский занимался, в первую очередь, инвентарём курганов, то последующие ученые значительную часть своих изысканий посвятили исследованию остатков поселений и бытовой культуры разного рода.

До настоящего времени исследованием, наиболее полно описывающим всю совокупность культурных, поселенческих, бытовых и других характеристик вятичского этноса является работа Никольской «Земля вятичей», а потому использование карт, в ней приведенных позволяет весьма точно отобразить зону его расселения.

Места археологических находок достоверных свидетельств проживания вятичей в бассейне верхнего течения Оки

Несложно заметить, что четко очерченная зона, относящаяся к бассейну дона (собственно Дон, Сосна и Меча), не были включены в территорию Земли вятичей, что выглядит, как минимум, необоснованным. Известные к настоящему моменту характеристики так называемых «донских славян» чрезвычайно близки вятичам и их выделение в отдельную этническую группу представляется условным и весьма спорным. По мнению автора статьи, этот подход должен быть обязательно скорректирован. Несложно заметить ранее и уже отмеченную четкую привязку всех видов археологических свидетельств к речной системе.

Хозяйственная деятельность и бытовая культура

Говоря об организации хозяйственной деятельности и бытовой культуре вятичей, следует указать на абсолютную «обычность» вятичей, ведших типичный восточнославянский образ жизни. Местные жители занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством и бортничеством. Мед и воск из вятичских лесов были широко известны на других территориях и являлись хорошим товаром. Женщины активно занимались прядением и ткачеством. В качестве сырья применялись лен, конопля и овечья шерсть. Для окраски тканей вятичи использовали растительные красители. Были распространены одноцветные и пестрые клетчатые ткани с геометрическим узором.

На Верхней Оке чаще преобладал крупный рогатый скот, затем шли лошади, свиньи, мелкий рогатый скот. Зверя, птицы и рыбы в лесах было много. Бобров, белок и куниц били на меха. Активно ловили рыбу неводами и на крючок. Кроме того, били рыбу острогой, ловили на блесну, очевидно, применяли «кошки» для зимнего подледного лова.

Вятичи были хорошо знакомы с металлургией. Использовались болотные и луговые руды. Раскопки показывают наличие большого количества ремесленных мастерских – гончарных, металлургических, слесарных, камнерезных, ювелирных. Само их присутствие подтверждает предположения о сравнительно зажиточном быте населения, так как только наличие «лишних» доходов могло объяснить такое количество ремесленников. Очевидно, что в тех случаях, когда домохозяйства еле-еле сводят концы с концами, они не будут тратиться на украшения и покупную посуду – проще самим изготовить необходимые предметы. Такой подход к организации быта хорошо виден по славянским находкам более ранних периодов, когда практически все – орудия труда, посуда, одежда, бытовой инвентарь – изготовлялось на месте, кустарным образом. Как известно, среди нищего народа профессиональным ремесленникам прокормиться невозможно.

Обстоятельством, весьма затрудняющим оценку реального уровня развития вятичей, является банальное смешение этнически маркированных археологических находок разных периодов. К вятичским часто относят предметы как ранней, так и более поздней датировки, фактически синхронные древнерусским, относящиеся к черниговскому периоду. Это изрядно искажает общую картину.

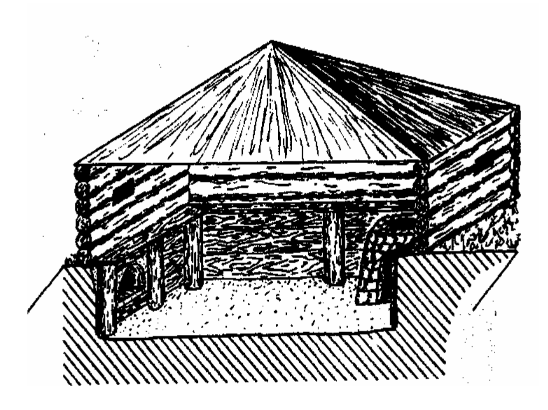
Безусловно, началу строительства постоянных построек предшествовал подробная разведка территорий. Об этом периоде археология сведений не имеет. В то же время, «…наиболее вероятной датой построек начального этапа заселения региона может считаться рубеж VIII-IX – 1-я пол. IX вв.» (Григорьев 2005: 134-135). Одним из наиболее крупных и интересных ранних славянских поселений на рассматриваемой территории является Супрутское городище. В некоторой степени его можно полагать древней вятичской протостолицей, своеобразным аналогом Ладоги, Темирево, Гнездово, Шестовицы и др., не достигшего их масштабов, хотя и основанного в то же время.

Впрочем, рассуждать о столице данного этнополитического объединения крайне сложно. Иногда создается впечатление, что единой столицы не существовало. К примеру, крайне многочисленные поселения у р.Упа сопровождаются относительно малым числом выявленных в качестве захоронения курганов, а относительно многочисленные, хотя и (в значительной части) разграбленные курганные могильники, расположенные вдоль Оки и её крупных притоков, не имеют поблизости сравнимого количества жилой застройки. Создаётся впечатление, что усопшие после смерти увозились из дому и заметная доля захоронений осуществлялась вдали от места проживания в специальных местах упокоения.

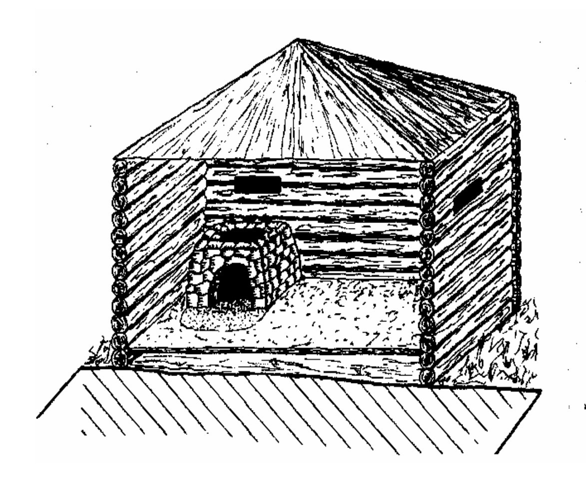
Супруты интересны еще и тем, что это поселение, основанное как вероятный опорный пункт вятичской колонизации не позднее рубежа VIII-IX вв. на месте сгоревшего мощинского городища IV-VII вв., было уничтожено в результате вражеского набега, что даёт возможность исследовать четкий «срез» состояния местного общества в самом начале X в. (АКР Тульская. Ч.1: 236-239) Помимо Супрут, неподалёку наличествуют и иные городища вятичей эпохи первоначального расселения, значительно большие по площади (Торхово, Уткино, Тимофеевка), к сожалению недостаточно изученных виду вековой хозяйственной деятельности на их месте, а потому не столь информативных. Хотя плотность размещения поселений вятичской эпохи вдоль Оки и её притоков (Упы, Зуши, Жиздры, Угры и др.) крайне высока.

Жилые постройки в Земле вятичей, по данным Никольской, подразделялись на несколько типов. Жилища в двух вариантах – наземные (жилые стены-клети либо срубные с подпольем или без подполья или с углубленным полом) и углубленные в землю (срубного типа и столбового), похожие на традиционные славянские полуземлянки (Никольская 1981: 185). Хозяйственные постройки также подразделялись на наземные (срубные и столбовые) и углубленные (внутридомовые подпольные и подпечные ямы, погреба, внедомовые ямы для хранения).

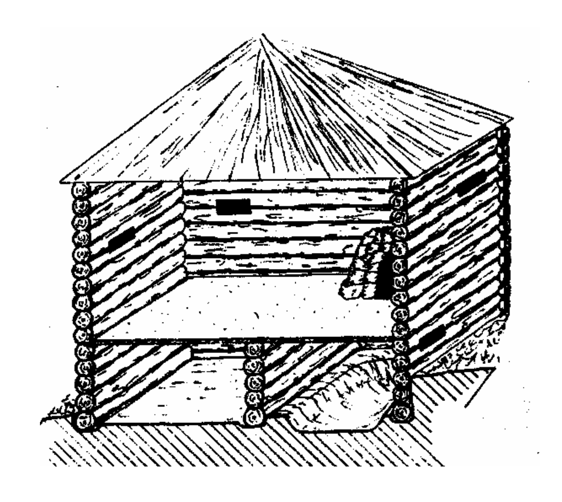
Далее приведы примерные изображения реконструкции описанных жилищ. Более ранние жилища характеризуются углубленной жилой частью и полностью соответствуют «классическим» славянским «полуземлянкам» (с различными местными вариациями), известным археологам на протяжение нескольких веков (Григорьев 2005: 35-51).

Изображения жилых помещений размещены в предполагаемой хронологической последовательности их появления. Безусловно, приведенные здесь данные конспективны и неполны. Тем не менее, представление о направлении развития домостроения они дают.

Археологам удалось весьма наглядно изучить и продемонстрировать общий ход изменений в ранний период расселения славян: «…Жилища… с углубленной жилой частью характерны для начального этапа раннего периода славянского заселения региона. К концу этого периода они полностью сменяются наземными постройками с углубленным подклетом или без такового. …Наиболее поздними из наземных жилищ были постройки с подпечной ямой» (Григорьев 2005: 51).

Наглядность «выкапывания из земли» позволила сделать вывод о приходе славянских первопоселенцев из более теплого и менее лесистого региона, а также о возможном участии реликтовых аборигенов в стремительном изменении в традициях домостроения: «…тенденция быстрого перехода от углубленных жилищ к наземным может объясняться прежде всего особенностями природных условий региона… Не исключено, что определенное влияние на смену типов жилищ оказали традиции местного неславянского населения» (Григорьев 2005: 52).

Позднейший этап вятичского домостроения, относящийся уже к XII-XIII вв. исследован Т.Н.Никольской на примере городища Слободка. Согласно её заключению, «наиболее распространенным и простым типом жилищ… была наземная, однокамерная срубная изба» (Никольская 1987: 54). Обычно присутствовали и другие, более архаичные типы индивидуальных жилых построек, но, судя по всему, они постепенно срубными избами вытеснялись.

Особенности хозяйственного домостроения и использования зерновых ям, равно как и технологические детали других ремесленных производств могут чрезмерно расширить настоящую статью. Следует, пожалуй, отметить две важные местные отрасли, дающие массу информации об уровне и направления развития вятичей – производстве керамики и ювелирном деле.

Т.Н.Никольская выделила три хронологических группы вятичской керамики: «группа А – VIII – X вв., группа Б – конец X – первая половина XII в., группа В – вторая половина XII – середина XIII в» (Никольская 1981: 56). В целом данная классификация актуальна до настоящего времени.

Керамика первой группы идинтична классической роменской посуде, в подавляющем большинстве своём (до 90%) лепная (безкруговая), с добавлением органики, шамота, дресвы, обожженая печным способом при относительно низких температурах. Основная доля – горшки, сформированные методом круговых налепов. Небольшая доля керамики произведена на гончарном круге. Среди них попадаются образцы относимые к предметам волынцевского и салтовского типов. Керамика, произведенная на круге, по всей видимости прошли обработку в обжигных горнах (печах), равномерно и более правильно обожжена (Григорьев 2005: 123-127; Никольская 1981: 56).

Активное распространение гончарного круга Т.Н.Никольская относит к концу X в. Состав глиняного теста, из которого была изготовлена посуда этого периода близок первоначальному, но более равномерно перемешан, отстоян, в большинстве обработан на круге и обожжен на специализированной печи.

Третья группа датируется XII-XIII вв. и почти полностью соответсвует древнерусской керамике – хорошо выдержанное («отмученное») глиняное тесто без примесей, правильно обработанное на круге и правильно обожженое в горне (Никольская 1981: 60). Изменения были не одномоментны. Процесс эти шли по нарастающей, но, тем не менее, несмотря на постоянное присутствие всех традиций на рассматриваемой территории, число носителей старых навыков постоянно сокращалось. Результатом стал окончательный переход к общерусским приемам в

XIII в.

Весьма наглядное изменение в производстве керамики является весьма удобным маркером, используемым для датировки времени существования того или иного поселения. В то же время, как и всякая культурно-производственная традиция, она не может служит единственным показателем.

Эволюция керамики хорошо показывает дрейф и изменение направленности экономических и демографических контактов: от старых роменско-волынцевских – к новым древнерусским. Помимо прочего, обращение к новым производственным приемам могло быть вызвано как большим количеством древесного топлива для обжига (которого у культурно близких северов, живших в лесостепи, было просто меньше), так и простым переселением ремесленников из других мест, являвшихся носителями той традиции, что распространилась тогда же на территории приднепровской Руси.

Относительно ювелирного дела вятичей существует обширная и качественная литература, позволяющая весьма точно и четко проследить его эволюцию (Никольская 1981; 1987; Зайцева Сарачева 2011). Достаточно упомянуть, что количество инструментов, форм, заготовок и иных атрибутов ювелирного дела обнаруженных на вятичской земле того периода чрезвычайно велико и может быть сравнимо только с количеством аналогичных находок столичнго Киева. Крайне интересно, что местом, ставшим фактически центром ювелирного производства земли вятичей, был город Серенск, расположенный на старых мощинских территориях, относительно недалеко от мест проживания летописных «людей Голядь». Распространение различных ювелирных изделей, а также мастеров ювелирного дела в Змеле вятичей и вятичских волостях Черниговского княжества было весьма высоко.

Религиозные особенности

Весьма интересен вопрос о религиозной стороне жизни вятичей. Судя по всему, их никак не затронул языческий реформизм князя Владимира, попытавшегося объединить в едином пантеоне славянских, аланских, тюркски, балтских и прочих богов, которым поклонялись его разноэтничные подданные. А потому реконструировать отдельные черты религиозных воззрений вятичей приходится с использованием разнообразных источников.

Пожалуй, самым известным из них является летописное свидетельство: «И Радимичи, и Вятичи, и Северъ одинъ обычай имяху: живяху въ лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, срамословье въ них҃ъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовьская игрища, и ту умыкаху жены собе, съ нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызно надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, и посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпе на путехъ. еже

творятъ Вятичи и ныне. Си же творяху обычая Кривичи, прочии погании не ведуще закона Божья, но творяще сами собе законъ» (ПСРЛ I: 6). Учитывая предположительное время письменной фиксации данного рассказа, следует отнести весьма широкое распространение язычества, как минимум, не позднее начала XII в.

Анализ содержания сообщения дает весьма точную картину обычного язычества, не отягощенного какими-либо экстремальными крайностями. Библейские пищевые ограничения, обязательные для монахов-летописцев, вятичам неведомы («ядуще все нечисто» - козленок в молоке, раки, мясо в постный день и т.д. и т.п.), питаются они разнообразно и относительно обильно, поскольку отсутствует необходимость экономить продукты в нормальной ситуации. Часто прибегают к бытовой магии и заговорам – «срамословье въ них̂ъ предъ отьци и предъ снохами». Силами нескольких, а может многих поселений проводят различные празднества и ритуалы – «схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовьская игрища», в ходе которых производятся бракосочетания.

В целях облегчения жизни женщин, вследствие более высокой мужской смертности «имяху же по две и по три жены», причем, по всей видимости, только по взаимному согласию, что особо оговаривается – «умыкаху жены собе, съ нею же кто съвещашеся». Не совсем ясно, что больше возмутило монаха-летописца – полигамия или необходимость взаимного согласия при заключении брака.

Весьма прозрачны черты культа предков. Кремация тел покойных сопровождается последующим перенесением праха в «судине» и установку погребальных сосудов на перекрестках путей, которые согласно всем славянским взглядам являются местом «…контакта с потусторонним миром» (Славянские 1995: 687).

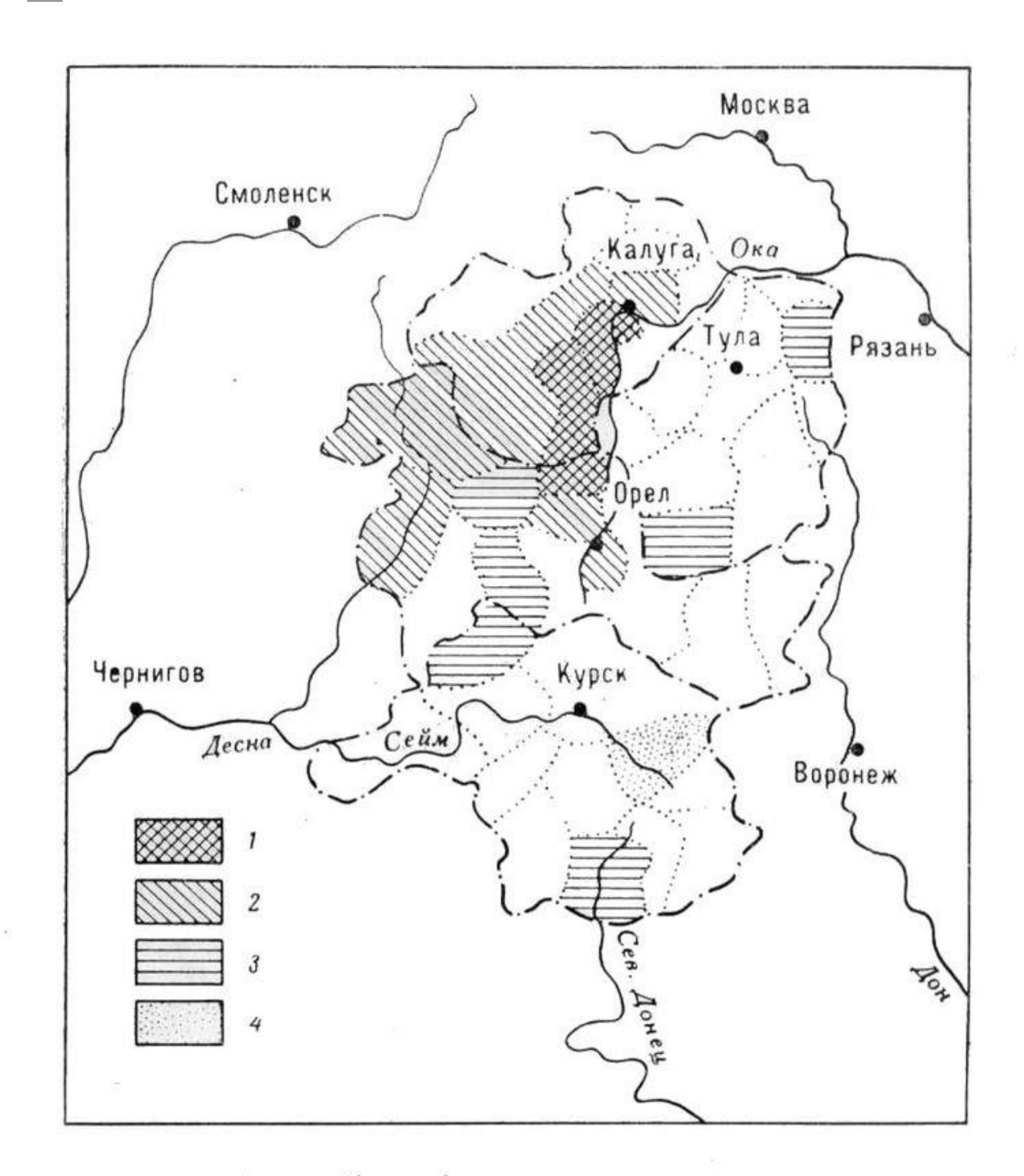
Кстати, в связи с этими особенностями захоронения, которые в целом подтверждены результатами археологических исследований вятичских курганов, становится понятным удаленность поселений и собственно мест захоронения, размещённых «на путехъ».

Вятичские кладбища представляли собой группы курганов (обычно от 5 до 40, есть и значительно б*о*льшие по количеству) полусферической формы высотой от 0,3 до 2-3 метров, диаметром от 5 до 12-16 метров (Никольская 1981: 100). Ранние захоронения вятичей тщательно соблюдают описанный летописцем обряд кремации (сожжения на погребальном костре), а потому находки инвентаря в них очень бедны. Позднее, вероятно под влиянием христианства, началось захоронение тел усопших, что позволило археологам создать более полную картину материальной жизни окских и донских славян. В женских погребениях обычно находят много украшений. Мужские захоронения на находки бедны.

Очень редко удается обнаружить в позднейших захоронениях крестики, иконки, другие признаки христианства. Тысячи раскопанных курганов Подмосковья дали только несколько десятков таких находок. Хотя среди украшений на подвесках маленькие иконки и крестики попадаются. Предполагается, что это свидетельствует о двоеверии вятичей (Никольская 1981: 106).

Помимо прочих общеславянских ритуалов, до настоящего времени довольно неплохо прослеживаются сохранившиеся элементы нескольких специфических вятичских языческих обрядов. Речь идет, в частности, о обрядах «похорон кукушки» и т.н. «солнекараула».

К счастью фиксация и локализация мест распространения обряда «похорон кукушки» научно уже проведена и можно воспользоваться готовыми результатами. Ареалом обряда являются верховья Оки и Десны. Он «…представляет собой территорию, которую… занимали племена вятичей» (Бернштам 1981: 190). Наилучшая сохранность и «…наиболее полно обряд был представлен в компактной зоне, расположенной в верховьях Оки и частично Десны, что в административном отношении соответствовало четырем юго-западным уездам Калужской губ., двум западным и двум центральным уездам Орловской губ.» (Бернштам 1981: 182).

Ареал обряда «крещение и похороны кукушки».

1 — похороны, вырывание «кукушки», кумление; 2 — похороны «кукушки», кумление; 3 — кумление; 4 — гулянье молодежи, связанное с кукушкой.

Суть обряда восходит к каким-то чрезвычайно архаичным ритуалам девушек-молодиц, «вступающих в ритуальную связь между собой и в сакральную – с тайной, высшей силой, предстающей в образе кукушки» (Бернштам 1981: 197). Традиционно кукушка представлялась в славянской мифологии птицей, осуществляющей связь с иным миром. В данном же случае особую роль играет «кукушкина кума», в качестве которой выступало «…высшее, скорее всего, женское божество, имевшее в языческую пору название «кукушки» – птицы, представлявшейся её земной ипостасью и обладающей пророческой и могущественной силой, в первую очередь в женских сферах бытия» (Бернштам 1981: 200). Кстати, автору настоящей статьи доводилось встречать в селениях на границе современных Орловской, Брянской и Калужской областей упоминания об обряде похорон не кукушки, но «кукуна».

Обряд «солнцекараула» до настоящего времени существует на Верхней Оки и

ассоциируется с Петровым днем (12 июля). В этот день «молодежь обоего пола проводила вместе всю ночь в канун праздника, наблюдала как при восходе солнце «играет», переливаясь разными цветами, устраивала в складчину трапезу, веселилась, рядилась… бесчинствовала» (Славянские 2009: 24).

Целью подобных действий было, по всей видимости, ограждение своего селения от потустороннего, в определенные дни получавшего допуск в мир людей. Бесчинствам «…придавалось магическое и подуцирующее значение: потерпевшие не только не обижались на молодежь, но, напротив, сочли бы себя оскорбленными, если бы их обошли. Наутро… хозяева собирали похищенные вещи по всему селу или извлекали их из кучи нагроможденных предметов» (Славянские 1995: 172).

Для понимания характера значительной части вятичских религиозных воззрений достаточно упомянуть название из вероятного организационного центра – Дедославль, роль и значение кукушки как птицы связующей с иным миром, особую значимость курганов предков и ряд иных указаний, чтобы отметить высокую значимость культа предков. На это также указывает значительное число населенных пунктов с корнем «-дед-» на территории, прежде относившейся к вятичскому ареалу. Тема эта большая, сложная, нуждается в дополнительной подробной проработке. По всей видимости, значительная доля многочисленных местных обрядов поминовения, получивших позднее православную окраску, явно восходит к дохристианским временам. Напоминание о прочих общеславянских празднованиях и ритуалах не входит в число вопросов, нуждающихся в освещения данной статьи.

Распространение распространения христианства в бассейне Верхней Оки до настоящего времени не получило подробного и специального освещения. Находясь на перекрестье торговых путей, они должны были получить некоторые сведения о христианстве как с Запада, так и с Востока (некоторая часть хазар, согласно византийским источникам, была крещена православными просветителями). Впрочем, это не повлекло его распространения ввиду изрядной удаленности от повседневных нужд и чаяний местных жителей. Существовавшие к тому моменту языческие религиозные практики, по-видимому, вполне удовлетворяли как рядовое население, так и власть имущих.

Об отношении церкви к существующим местным религиозным практикам хорошо говорит тон уже цитировавшегося летописного отрывка. В то же время некие сдерживающие факторы не давали начать внутренний русский «крестовый поход» за душами язычников. Ситуация изменилась после завершения феодальных войн XII в.

Интересен рассказ о мученическом подвиге печерского иеромонаха Кукши. В своих прежних работах автор настоящей статьи уже обращал внимание на большое количество странностей и логических нестыковок внутри дошедшего до нашего времени рассказа (Майоров 2013: 107-110). Весьма интересно другое обстоятельство. Нигде не встречается даже упоминаний о наказании язычников, убивших монаха-проповедника и его ученика. Местная столица Чернигов и его представители на местах никак не отреагировали на горестное известие, дошедшее до Киево-

Печерского монастыря сразу в день его совершения (после чего вестник немедленно скончался) (Патерики 1999: 27). Подобное положение наводит на мысль о явной вторичности распространения христианства для гражданской администрации в числе важнейших целей. По всей видимости, оно долго продолжало носить оттенок некой элитарной особенности, показывающей близость к правящей верхушке, а не стремительно распространяющейся доминирующей религиозной системы.

Вполне актуальными остаются выводы, сделанные на основании данных археологических исследований вятичских захоронений: «смена сожжений трупоположениями на горизонте [в конце XI в. – А.М.] с полным сохранением всех деталей языческой обрядности… говорит… лишь о зарождении двоеверия… Лишь во второй половине XII в. и особенно на рубеже XII и XIII вв. наблюдается переход … к ямным захоронениям, для которых характерно почти полное отсутствие языческих деталей обряда и наличие христианских признаков» (Недошивина 1976: 49).

Христианская церковь в первые столетия своего официального существования на Руси была слишком слаба и зависима от княжеской власти, чтобы всерьёз пытаться изменить сложившееся положение. Чрезмерная активизация христиан в борьбе с местным язычеством была в известной мере просто невыгодна княжеской администрации, так как была способна нарушить то равновесие, которое сложилось между поставленной черниговскими князьями властью и местными «лучшими людьми».

Раскопки Т.Н.Никольской на Верхней Оке (Слободка и т.д.) не смогли идентифицировать ни одно из найденных строений в качестве христианского храмового сооружения (Никольская 1981). Между тем, разного рода малых предметов, относящихся к сфере индивидуального отправления христианских обрядов (иконок, нательных крестиков и т.п.), также найдено весьма немного.

Найденные предметы, отнесенные к христианским религиозным атрибутам (обломок глиняной иконки, лампада и т.д.) локализуются в пристройке к остаткам «…жилого комплекса, принадлежавшего феодалу» (Никольская 1987: 60-61). Характерно, что возле обнаруженных костяков погибших во время гибели городища простых его обитателей крестики, иконки, иные характерные принадлежности не обнаружены, в то время как украшения из драгоценных металлов выявлены были (Никольская 1987: 82).

Отсутствие знаков принадлежности к христианскому миру на земле вятичей просматривается постоянно. Так, коллекция «крестов и иконок», собранная примерно из тысячи вскрытых курганов Подмосковья, носящих признаки принадлежности к вятичской культурной традиции, состоит всего лишь из 42 предметов (Беленькая 1976: 88).

По всей видимости, даже в XIII в. христиане были весьма малочисленны. Это объяснить лишь немногочисленность и фрагментарность находок православной символики. По нашему мнению, процесс распространения христианства среди населения Верховской историко-географической провинции происходил достаточно медленно и был затруднен длительным господством языческих верований.

Политическая история вятичей

Для реконструкции и описания отдельных событий вятичской истории, по мнению автора, ценными могут быть, в первую очередь, источники письменные. Таковых существует четыре вида: русские летописи; восточные, под которыми понимается весь комплекс мусульманских авторов; западные в виде латиноязычных хронистов; византийские. Известные ныне западные и византийские могут быть полезны лишь для общей характеристики событий на территории Древней Руси.

Весьма сложен вопрос использование восточных источников. Традиция составления географических компиляций на основе различных сообщений вела, с одной стороны, к сохранению их для будущих исследователей, с другой – к их некритическому синтезу. Возникала ситуация, когда описание, относившееся к этносу одной эпохи переносилось на иной этнос другого времени. Особую сложность вызывает манера повествования, которая разворачивает его в соответствии с последовательностью шествия того или иного каравана по торговому пути. Учитывая многовариантность конкретных маршрутов (как в пространстве, так и во времени), возникает ситуация, когда не вполне ясно – идет ли речь в повествовании о Волге, Оке, Доне, Днестре или даже Дунае? Каждый из этих конкретных маршрутов может быть отнесен к описанию путешествия через хазар или их данников на запад.

Также, откровенно говоря, не вполне понятно какая этническая группа описывается в том или ином сообщении – вятичи, северы, хорваты, легендарные именьковцы или какие-то иные вероятные кандидаты на эту роль (“сакалиба” и др.). В связи с этим, несмотря на крайне интересные детали и подробности, способные побудить по-новому оценить уровень развития различных групп славян, их использование для объективного анализа, без чёткой и однозначной территориальной и хронологической привязки, представляется весьма затруднительным. Рамки одной статьи слишком тесны для описания различных аспектов и деталей, необходимых при использовании этого рода источников. А потому, в целях сокращения объема работы, преимущество здесь отдано летописям и археологии.

Как и всякий официальный текст, русские летописи должны были соответствовать официальной картине мироустройства, а также (как тексты, составленные духовными лицами) добиваться прославлению Бога и распространению христианства. В каждом конкретном случае, факторы, воздействовавшие на летописца, различались в зависимости от места, времени написания и личности летописца. Таким образом, всякая летопись изначально была тенденциозна и субъективна, что не умаляет её информационного значения для исследователя.

Упоминание вятичей в связи с их вассальными отношениями по отношению к хазарам присутствует в летописях в таком виде: «Въ лето 6367 (859) Имаху дань

Варязи изъ заморіа на Чюди, и на Словенехъ, и на Мери. и на всехъ Кривичехъ, отх мужа по беле веверице. А въ тоже время Козари имаху дань на Полянех, и на Северянехъ и на Вятичехъ» (ПСРЛ I: 29). По всей видимости, дата принятия зависимости от хазар взята летописцем условно и приведена лишь для того, чтобы обосновать, как минимум, ***равные права*** руси и хазар на славянскую дань вследствие, то есть подразумевается факт уплаты дани в каганат вятичами и северами *не позднее* 860 г. Откровенная политизированность вопроса не позволяет понять – носили ли вятичи уже свой этноним в то время или нет.

Следующим событием вятичской истории, имеющим собственную относительно точную датировку стало «хожение Олгово на греки». Как сообщает Лаврентьевская летопись: «Въ лето 6415 (907 - М.А.). Иде Олегъ на Грекы съ множествомъ вой, а Игоря остави въ Киеве; понемъ же съ собою множество Варягъ, и Словяни, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, Поляны, и Северу, и Древляны, и Радимичи, и Вятичи, и Хорваты, и Доулебы, и Тиверици, иже суть толкованы: сии вси звахуся отъ Грекъ Великаа Скифиа. Съ ними съ всеми поиде Олегъ въ кораблихъ и на конехъ»(ПСРЛ I: 37). Радимичи, в отличии от предшествующего сообщения, упоминаются, следовательно, уже существуют как политический субъект. Таким образом, приход «первовождей» обоих этнополитических объединений, скорее всего, уже произошел официально.

Другим событием вятичской истории имеющим относительно точную датировку, следует полагать разгром Супрутского городища и вятичских селищ в его окрестностях в результате набега некоего варяжского отряда, о чем говорит огромное количество наконечников стрел, имеющих явно северное происхождение, следы нескольких штурмов и финального пожара, многочисленные и не до конца ограбленные останки защитников крепости, женщин и детей (Григорьев 2005: 162-164). Найденные монеты определяют время пожара периодом не ранее первого десятилетия X в., что снимает с киевских князей подозрения в разгроме Супрут – в это время они активно осваивали бассейн Днепра и, как упоминалось ранее, организовывали совместный поход на Константинополь. Вполне возможно, что разгром стал местью какой-то волжской варяжской группировки за «хазарское коварство».

Именно в этот период в 912 г. либо 913 г. русы совершили грандиозный набег на прикаспийские города. По договоренности с властями Хазарского каганата они были пропущены по Волге на Каспий и обратно за половину добычи. На обратном пути у них возникли серьезные проблемы, так как христианская и мусульманская общины Хазарии не смогли спокойно смотреть на проплывающие мимо богатства. Кроме того, христиане и мусульмане в этот период времени являлись основными религиозными конфессиями на территории современного Азербайджана, Ирана и Дагестана, а потому грабеж обидчиков единоверцев представлялся хазарским мусульманам и христианам делом богоугодным. К ним охотно присоединились булгары, буртасы и хазары-язычники (учитывая малочисленность иудейской верхушки, непосредственно участвовать в грабеже русов собралось почти все

активное население Хазарии). Каган через посланников предупредил русов об угрозе (вероятно, даже лицемерно пожаловался на невозможность обуздать своих златолюбивых подданных), но потери норманнов, по всей видимости, были очень велики (Коновалова 1999: 116-117).

Существует большая вероятность, что разгром Супрут был осуществлен участниками каспийского похода, основной целью которых был не традиционный грабеж и угон населения в рабство (о чём говорят многочисленные находки украшений, а также женские и детские трупы, которые не были полностью ограблены и захоронены – археологами найдены 104 тела), а стремление отомстить хотя бы союзникам своих обидчиков. Разгром был полный и окончательный.

Во второй половине X в. вятичами занялся князь Святослав Ольгович, в стремлении разгромить хазар начавший с их официальных данников. Основным побудительным мотивом для этой активности была, вероятно, попытка овладеть значимыми и доходными торговыми путями, проходившими по руслам рек. Первый поход 964 г. князя Святослава на вятичей, по всей видимости, закончился явно неудачно. Летописному сообщению о разбирательстве с вятичами четко предшествует его знаменитая фраза «иду на вы», из чего становиться понятно, что обращена она была именно в сторону вятичей: «И посылаше къ странамъ, глаголя: хощу на вы ити. Иде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи, и рече Вятичемъ: кому да нь даете? Они же реша: Козаромъ по щлягу отъ рала даемъ» (ПСРЛ I: 65). Вряд ли Олег предпринял большой поход, чтобы просто получить справочную информацию по поводу адресата налоговых платежей. Кроме того, в случае успеха похода летописец обязательно упомянул бы этот факт.

Через год, удовлетворивший своё любопытство князь, предварительно разгромив Хазарию, вновь пошёл на Оку: «Въ лето 6474 (966) Победи Святославъ Вятичи и дань на нихъ положи» (ПСРЛ I: 65). Весьма похоже, что гибель многочисленных поселений донских славян также была обусловлена деятельностью именно этого выдающегося русского князя (Енуков 2005: 269). Через территорию разгромленного Святославом Хазарского каганата на славянские земли хлынул огромный поток различных кочевых народов, первыми из которых стали печенеги. С падением каганата значительно сократился мощный поток восточного серебра, ради контроля за которым военные действия, собственно, и затевались, результатом чего стало последующее падение в Европе интереса к волжскому торговому пути.

Киевский князь Владимир Святославич осуществил против вятичей, по меньшей мере, два похода – в 981г.: «Иде Володимеръ. к Ляхомъ, и зая грады ихъ…. Того же лета и Вятичи победи, и възложи на нихъ дань. От плуга, якожє и отецъ имаше». На следующий год «…заратишася Вятичи. и иде на ня Володимеръ, и победи я второе» (ПСРЛ I: 75). Вполне возможно, что пока торговый маршрут работал, дань, наложенная хазарами на вятичей, являлась вполне адекватной и посильной – доходы значительно перекрывали расходы. После разрушения маршрута Святославом и его потомками величина обязательных платежей, вероятно, стала чрезмерно высокой.

Результатом военного похода того же князя против родственных вятичам северов стал их полный разгром, уничтожение большей части их городов и крепостей, а также конец роменской археологической культуры. В результате этого завоевания и последующей колонизации восточно-северское славянское сообщество Посемья погибло (Енуков 2005: 275). Количество «живых» поселений, по данным археологии, на этой территории сократилось вдвое. Часть северского населения была уничтожена, часть, вероятно, превращена в рабов, часть помещена в своеобразные «резервации», часть бежала в другие регионы, какая-то часть, несомненно, уцелела и вошла в состав единой древнерусской народности. Именно в это время среди вятичских находок появляются вещи, указывающие на появление в вятичских землях значительного числа северов с их роменскими традициями (Енуков 2005: 288, 305).

Таким образом, одним из реальных фактов вятичской истории можно считать прием в конце X в. множества беженцев и переселенцев из разгромленной земли северян. Примерно в 400 км к северу от своей прежней родины формируется общность потомков северских беженцев, сохранивших свои обычаи и привычки (Енуков 2005: 305-306). Удивительная для тех времен высокая плотность населения отдельных вятичских территорий была, возможно, вызвана размещением на них северских беженцев с территории Посеймья, разгромленного киевскими князьями. Об этом говорят многочисленные находки предметов материальной культуры, более характерных для Посеймья, обнаруженные во время археологических исследований.

Помимо прочего, походы киевских князей, по всей видимости, стали одним из значимых факторов, стимулировавших активность вятичской колонизации будущей Рязанской земли. Именно в X в., согласно А.Л.Монгайту, происходила бурное расселение вятичами территории Средней Оки, что, учитывая высокую вероятность вынужденного характера данной миграции, прекрасно хронологически сочетается с походами Святослава и Владимира против донских славян. Более того, становится понятен достаточно быстрый (менее чем, через сто лет от появления первых поселенцев) «…расцвет городской культуры, ярким примером которого является развитие Старой Рязани» (Монгайт 1961: 255). История Рязанской земли представляет собой отдельную тему и не будет здесь расмотрена, поскольку, несмотря на признание рязанцами своего вятичского происхождения, в их генезисе огромную роль, судя по всему, сыграли носители финской культурной традиции, что значительно усложняет анализ местных этнополитических процессов.

Освоение территории Посеймья и Подонья, очищенной от значительной части местного населения, последовало достаточно быстро. Под 988 г. идет информация летописи о том, что Владимир «…нача ставити городы по Десне, и по Въстри, по Требежу, и по Суле, и по Востугне; нача нарубати мужи лучшими отъ Словянъ и отъ Кривичъ, отъ Чюди и от Вятичь. и отъ сихъ насели градъі» (ПСРЛ I: 113).

Следующим упоминание вятичей есть у Владимира Мономаха. В «Поучении» он повествует об эпизодах своей жизни, имевших отношение к вятичам, что, очевидно, должно было характеризовать твердость его характера и полководческий

талант. Он вспоминает, что «…к Ростову идохъ, сквозе Вятиче, посла мя отець», подчеркивая, что стремился исполнить отцовское поручение и не побоялся пойти былинной прямоезжей дорогой, опасной для князей и их дружин (Поучение 1969: 156). Очень похоже, что вятичские земли находились под собственным управлением и явочным порядком не подчинялись киевским «высшим менеджерам».

Под 1092-1093 гг. указывает, что «…въ Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму» (Поучение 1969: 158). Похоже, что речь идет о собственной вятичской управленческой структуре, вероятно, наследственной и не связанной с киевским княжеским начальством. Напрашивается вывод, что после первого похода против князя (как минимум, военного вождя) Ходоты, в результате которого Ходота был выведен из строя – ранен или убит, во главе вятичских вооруженных сил стал его сын-наследник, что намекает на наличие местной династии правителей и собственной столицы, о взятии которой не сообщается.

Современные данные археологических исследований свидетельствуют о начале активного освоения славянами бассейна Москвы-реки именно во второй половине XI в. В этот период долина среднего течения Москвы-реки и долина ее правого притока р. Пахры (нижнее течение) были колонизованы населением, пришедшим туда с юга, из-за Оки. Отдаленной исходной точкой колонизационного движения являлся ареал проживания северян и вятичей. Первая волна переселенцев, согласно оценке, равнялась 2-3 тысячам человек, причем эта группа подразделялась на довольно крупные коллективы, не менее нескольких десятков человек в каждом (Кренке 2014: 31). Активизация русской экспансии в верховьях Оки и Десны заставила большие группы населения искать убежище на севере. Кстати, территории вокруг современной Москвы ещё долго (около столетия) не контролировались ни одним из древнерусских княжеств, что стало одной из причин высокой концентрации здесь знаменитых вятичских курганов.

В связи с этим, предложенная Г.Ф.Соловьевой классификация курганных групп XII-XIII вв. вряд ли соотносится с различными административными или этническими субгруппировками вятичей, поскольку половина этих особых захоронений относится к бассейну Москвы-реки (Соловьева 1956: 165). Групп, группировок и формирований вятичей, несомненно, было много больше, поскольку здесь не были учтены захоронения и поселения всех территорий, занимаемых вятичами на Верхней Оке и Верхнем Дону.

По всей видимости, весьма независимое существование вятичей продолжалось достаточно долго, так как даже в конце XI в. их безуспешно пытались заставить подчиняться Рюриковичам. Кстати, былинный рассакз о прямоезжей дороге из Мурома в Киев, очевидно был навеян именно этими мотивами. Учитывая, что населенный пункт Солова, расположенный неподалеку от сердца вятичских земель, и напоминающий об имени былинного же Соловья (разбойника?) существовал уже в то время, есть основания полагать наличие реальных предпосылок для сложения легенды, не обязательно в виде именно «разбойника». Для подданных Рюриковичей всякое местное должностное лицо, будучи не связано с их господином,

представлялось разбойником…

Черниговская земля, в состав которой по результатам Любечского съезда Рюриковичей 1097 г. попали земли вятичского этнополитического объединения, подразделялась на волости. В ней были волости собственно черниговские (здесь – Вщиж, Ормина и Росусь в Подесенье) и волости новгород-северские (среди которых «Вятичи» и Лесная земля на верхней Оке) (Зайцев 2009: 98). Центры этих волостей, как и всякие центры территорий, присоединенных недобровольно, находились на их окраинах: Карачев в качестве центра Лесной земли и Козельск как центр волости Вятичи. Отношения с вышестоящими ограничивались, по-видимому, своевременной уплатой дани.

Окончательное политико-административное покорение верхнеокских вятичей (как и их московских сородичей) произошло уже ближе к середине XII в. и было тесно связано с борьбой за первенство на черниговском столе между Давыдовичами и Ольговичами, а также активным вмешательством в неё со стороны внешних сил. Междоусобная война 1146-1154 гг. нарушила многие договоренности и старые порядки. Она же выявила до того времени не зафиксированные города на прежних вятичских землях: Карачев, Мценск, Козельск, Дедославль, Колтеск, Лобынь, Серенск, Девягорск, Кром, Воротынск, Лопасна, Коломна и др. В принципе, сообщения обычно выглядели как «побеже Святославъ из Новагорода Корачеву» (ПСРЛ II: 334). Или так: «бежа за лесъ оу Вятиче» (ПСРЛ II: 334).

Единственным эпизодом, который характеризует особую позицию вятичских вождей, является их съезд, прошедший в Дедославле в 1147 г.: «Святославъ же перебравъ дроужиноу. и хоте ехати …к Дедославлю. и в то веремя поча изнемагати Иванко Гюргевичь. и был боленъ велми. Святославъ же не еха от него. ни дроужины поусти. она же слышавша оже Гюрги прислалъ к немоу в помочь и не сместа ити, но съзвавша Вятиче и реша имъ. се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его на поль вама. и тако възъвратистася ис Дедославля в то же веремя поидоста Гюргевича Ростиславъ» (ПСРЛ II: 338).

Вятичи заняли нейтральную позицию на этом съезде, которую В.Н.Татищев передал в своей «Истории российской» таким образом: «Кто нами владеет, тому мы верны и покорны... И не без ума, по Апостолу, меч в наказание винным, а отмщение злым носите. А руку на господина своего и никогда такого в нас и в праотцах наших не бывало» (Татищев 2003: 204-205). Принимая во внимание абсолютное равнодушие местного населения к христианству, форма ответа выглядит неестественной и надуманной.

Последнее упоминание вятичей в летописях относится к 1197 г.: «Князь же великый внида въ волость, поима городы Вятьскые и землю ихъ пусту створи…» (ПСРЛ I: 174). После сожжения городов и полного разгрома территории («землю ихъ пусту створи») владимирским князем вятичи полностью исчезают из политического контекста, хотя, безусловно, основную часть местного населения всё также составляли их прямые потомки.

Территориальные группировки и периодизация истории вятичей

Совокупность имеющихся в распоряжении исследователей данных позволяет сделать вывод о существовании не менее четырех устойчивых группировок славянского населения, осознававших себя как вятичи и относимых соседями к вятичам: верхнеокская, донская (верхнедонская), среднеокская (рязанская) и московская (подмосковная). Каждая из них имела собственную историю образования: особую территорию, этнический субстрат, исторический и политический контекст.

Обстоятельства, приведшие к их образованию, были описаны ранее, а потому здесь содеожится лишь их краткое перечисление. Первоначальный ареал расселения вятичей был сформирован на Верхней Оке и Верхнем Дону на основе ассимиляции пришлыми славянами реликтового местного балтского населения.

Этнический субстрат донской славянской группировки, культурно идентичных вятичам, по всей видимости, несколько отличался. Кроме того, раннее насильственное прекращение функционирование этого сообщества стало начальным пунктом возникновения среднеокской вятичской группировки, впитавшей в себя местные финно-угорские этносы и в скором времени ставшей основой формирования населения Рязанской земли. Нечто подобно имело место и в современных Москве и Подмосковье, когда группа вятичей с Верхней Оки, наряду с другими носителями роменской культуры и вероятным аборигенным неславянским субстратом, дали начало особой подмосковной группировке, продолжив свое собственной существование на прежней территории.

Предлагаемая периодизация истории верхнеокской «Земли вятичей», составляющей основной предмет профессиональных интересов автора настоящей статьи и являвшейся базовой для всех их территориальных группировок, состоит из четырех последовательных периодов.

Первый период охватывает время с VIII в. по X в. и характеризуется фактом зарождения независимого вятичского этнополитического объединения, бывшего, по мнению ряда исследователей, протогосударственным образованием (Шинаков 2009: 150). Своим началом данный период восходит к событиям первичного расселения славян, носителей роменской археологической культура. Наиболее ярким характерным признаком этого периода можно считать существование так называемого «северянско-вятичского» межплеменного объединения. По всей видимости, эта структура находилась в даннических либо союзных отношениях с Хазарским каганатом и входила в систему обеспечения безопасности донского и окского торговых путей меридиональной направленности «из хазар в немцы».

Первоначальное становление его характеризуется ассимиляцией аборигенных носителей балтской мощинской археологической культуры. Завершением первого периода следует полагать факт (легендарного либо реального) прихода летописного Вятко, что, по всей видимости, привело к большей персонализации власти и

завершению процесса консолидации вятичского племенного княжения (Майоров 2015).

Вятичский племенной союз как отдельная территориальная, этническая и культурная единица существовал в IX в. и в двух первых третях X в. В экономическом плане его укрепляла возможность контроля над важным путем международной торговли того времени. В военно-стратегическом отношении его характеризовала относительная отдаленность от враждебных народов и наличие естественной защиты в виде обширных лесных массивов. Его политическое положение отличала независимость от соседей, наличие внутреннего родо-племенного управления, даннические отношения с неславянским государством – Хазарским каганатом.

В силу известных тенденций исторического развития вятичский племенной союз не мог оказаться в составе любого другого государства, кроме русского. Тем не менее, вятичи долгое время сохраняли особенность своего положения и противодействовали стремлению киевских властителей включить их в состав своего государства. Вятичский этнополитическое объединение оставалось полностью независимым от Киева политическим образованием до 960-х гг.

Второй период истории «Земли вятичей» начался в последней трети X в. с попыток установления контроля киевских князей над вятичскими территориями. Его началом следует полагать поход киевского князя Святослава на вятичей в 964 г. Контроль киевской администрации не был полным, вятичи сохраняли внутреннюю автономию и упорно сопротивлялись власти центральной древнерусской администрации. Последнюю треть X в. следует считать началом процесса постепенной ликвидация вятичского племенного княжения, началом широкого распространения древнерусской археологической культуры, включившей вятичские элементы как составные локальные особенности.

Во второй половине XI в. вятичи продолжали демонстрировать самостоятельность и непокорность центральной власти, о чем говорит контекст их упоминания в «Поучении» Владимира Мономаха. в своем упомянул военный поход «сквозь вятичи», как серьезное военное мероприятие. Включение «Земли вятичей» в состав единого государства было осуществлено в ходе нескольких последовательных силовых акций. Подтверждением летописному рассказу служат данные археологии, утверждающие, что к настоящему времени в пределах рассматриваемого региона археологам известно 61 вятичское городище и селище, возникшее ранее второй половины XI в. В XII в. продолжили свое существование только 49 поселений славянских городищ и селищ из названных 61 (Прошкин 2001: 63-64). Остальные перестали существовать – не все местные населенные пункты и жители сумели пережить присоединение к большому государству.

Третий период истории «Земли вятичей» относится к концу XI – первой трети XIII вв. Его содержанием является завершение процесса оформления вхождения данной территории в состав Черниговского княжества, её административно-культурная ассимиляция и создание на ней отдельных волостей.

Как известно, в условиях политического разделения Руси, окончательно

ставшего реальностью после 1132 г., земли вятичей всё же были введены в состав Черниговского княжества. Так же как и в прежнем Древнерусском государстве, эта территория оставалась далекой окраиной государственного формирования и рассматривалась его руководителями как зона второстепенных интересов и источник материальных ресурсов.

Крупная политическая структура (первоначально – Древнерусское государство, а затем – выделившееся Черниговское княжество) не смогла окончательно унифицировать верхнеокские земли, сделать их похожими на другие свои части, растворить их жителей в общей массе своего населения. По-видимому, силовое подчинение «Земли вятичей», отсутствие у князей интереса к судьбам проживавших там людей и следование личным политическим амбициям обусловило сохранение в местном общественном сознании особого отношения к центральной власти и желание возродить некоторые элементы своей прежней автономии.

Четвертым периодом вятичской истории можно полагать начало процесса окончательной ассимиляции внутри черниговского княжества в результате утраты элементов самоуправления вследствии княжеских междоусобиц середины XII в., а также последовавшего опустошения и разгрома территории внешними участниками противостояния. Вятичские земли под властью древнерусских князей в XII в. и в первой трети XIII в. политически и территориально стали безусловной частью Руси, сохранив, в то же время, ряд специфических особенностей в сфере материальной культуры, этнического самосознания, социальной психологии и общественных настроений, заметно повлиявшие на выбор направления их регионального развития в последующие века русской истории.

ЛИТЕРАТУРА

АКР Тульская 1999 - Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 1. Ред. Ю.А. Краснова. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.

Арциховский 1930 - *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 224 с.

Барсов 1865 - *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. I. Географический словарь русской земли (IX-XIV ст.). Вильна: Типография А. Сыркина, 1865. 220 с.

Барсов 1885 - *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Второе издание, исправленное и дополненное. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1885. 374 с.

Беленькая 1976 - *Беленькая Д.А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья // Советская археология. 1976. № 4. С. 88-99.

Бернштам 1981 - *Бернштам Т.А.* Обряд «крещение и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. XXXVII. Л.: Наука, 1981. С. 179-203.

Болдин и др. 1999 - *Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М.* Археология Калужской области. Калуга, 1999. 376 с.

Войтович 2006 - *Войтович Л.В.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э.: Начальные этапы формирования государственности // ROSSICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 6-39.

Воронцов 2011 - *Воронцов М.А.* К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 14-15.

Гавлик 1985 - *Гавлик Г.* Государство и держава мораван (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы) // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М.: Наука, 1985.

Голубовский 1881 - *Голубовский П.И.* История Северской Земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография И.И.Завадского, 1881. 209 с.

Греков 1949 - *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. 509 с.

Григорьев 2005 - *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула: Репроникс, 2005. 207 с.

Григорьев 2011 - *Григорьев А.В.* Торговый путь по реке Дон в IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2011. С. 67-71.

Григорьев 2012 - *Григорьев А.В.* О «второй волне» славянской колонизации // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб.: СОЛО, 2012. С. 99-100.

Давыдчук, Фролов 1976 - *Давыдчук В.С., Фролов И.К.* К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н.э. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 146. 1976. С. 11-18.

Енуков 2005 - *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Жих 2017 - *Жих М.И.* Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 12-63.

Загоскин 1910 - *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в до-петровской России. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1910. 506 с.

Зайцев 1975 - *Зайцев А.К.* Домагощ и границы «Вятичей» XII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М.: Наука, 1975. С. 21-31.

Зайцев 2009 - *Зайцев А.К.* Черниговское княжество X-XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 237 с.

Зайцева, Сарачева 2011 - *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI-XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.

Коновалова 1999 - *Коновалова И.Г.* Походы руссов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М.: 1999. С.111-120.

Краснощекова, Красницкий 2006 - *Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н.* Археология Орловской области // Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Вешние воды, 2006. 320 с.

Кренке 2014 - *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2014. 51 с.

Кропоткин 1978 - *Кропоткин В.В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.

Любавский 2000 - *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.

Ляпушкин 1947 - *Ляпушкин И.И.* О датировке городищ ромено-боршевской культуры // Советская археология. 1947. Т. IX. С.121-136.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. 209 с.

Майоров 2013 - *Майоров А.А.* История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века. Издание второе. Орел: Картуш, 2013. 376 с.

Майоров 2015 - *Майоров А.А.* Призвание Вятко (к вопросу о создании вятичского племенного союза) // Вестник Брянского государственного Университета. Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. № 3 (26). С.101-104.

Майоров 2016а - *Майоров А.А.* К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историко-географической провинции в VII-VIII веках // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 55-62.

Майоров 2016b - *Майоров А.А.* Миграционные процессы в Верховском (Верхнеокском) регионе в VIII-XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2016. С. 8-13.

Массалитина 1994 - *Массалитина Г.А.* Мощинская культура. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1994. 17 с.

Мельникова 2010 - *Мельникова Е.А.* Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э. // Древнейшие государства Восточной Европы. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С. 43-57.

Монгайт 1961 - *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М.: Издательство АН СССР, 1961. 400 с.

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Назаренко 2009 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 528 с.

Недошивина 1976 - *Недошивина Н.Г.* О религиозных представлениях вятичей XI-XIII вв. // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 49-52.

Никольская 1981 - *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

Никольская 1987 - *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII-XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 184 с.

Новосельцев 1990 - *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Новосельцев 1998 - *Новосельцев А.П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдье) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М.: Восточная литература, 2000. С. 399-403.

Патерики 1999 - Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. 496 с.

Поучение 1969 - Поучение Владимира Мономаха // Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). Сост. и ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1969. 800 с.

Прошкин 2001 - *Прошкин О.Л.* Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001. 374 с.

ПСРЛ I - Полное собрание русских летописей, Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Типография Э. Праца, 1846. 285 с.

ПСРЛ II - Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 574 с.

Раткош 1985 - *Раткош П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М.: Наука, 1985. С. 81-95.

Риер 2006 - *Риер Я.Г.* Историческая демография: учебное пособие. Второе издание, дополненное. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. 160 с.

Рыбаков 1982 - *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков. М.: Наука, 1982. 599 с.

Седов 2002 - *Седов В.В.* Освоение славянами Восточноевропейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. Второе издание. М.: Научный мир, 2002. С. 153-159.

Семенченко 1989 - *Семенченко Г.В.* Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 42. Л.: Издательство АН СССР, 1989. С. 241-254.

Сказания 1970 - Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М.: Наука, 1970. 128 с.

Славянские 1995 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.

Славянские 2004 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. 704 с.

Славянские 2009 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

Смиленко 1989 - *Смиленко А.Т.* К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII-X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев: Наукова думка, 1989. С. 105-114.

Соловьева 1956 - *Соловьева Г.Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Т. XXV. 1956. С. 138-170.

Татищев 2003 - *Татищев В.Н.* История Российская. В 3 томах. Т. 2. М.: АСТ, 2003. 732 с.

Тимощук 2015 - *Тимощук Б.О.* Восточные славяне в VII-X вв. – полюдье, язычество и начало государства. Львов, 2015. 80 с.

Топоров 2000 - *Топоров В.Н.* О балтийском слое русской истории // Florilegium. К 60-летию Б.Н. Флори. М.: Языки русской словесности, 2000. С. 349-411.

Третьяков 1953 - *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: Издательство АН СССР, 1953. 312 с.

Третьяков 1970 - *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности. Ленинград: Наука, 1970. 160 с.

Фасмер 1986 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I (А-Д): пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

Шахматов 1907 - *Шахматов А.А.* Южные поселения Вятичей // Известия Императорской Академии Наук. VI серия. Т. 1. Вып. 16. СПб., 1907. С. 715-729.

Шахматов 1919 - *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Петроград: Вторая государственная типография, 1919. 64 с.

Шинаков 2009 - *Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Второе издание. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.

Щапов 1989 - *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси. М.: Наука, 1989. 233 с.

Янин 2009 - *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 423 с.

Annales 1891 - Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales / Ed. G.H. Pertzii. Hannoverae: Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891.

Bretholz 1923 - *Bretholz B.* Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Monumenta Germaniae Historica. T. II. Berlin, 1923.

Christianization 2007 - Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' C. 900-1200 / Edited by Nora Berend. Cambridge University Press, 2007.

REFERENCES

AKR Tula 1999 - Arkheologicheskaya karta Rossii. Tul'skaya oblast' [Archaeological map of Russia. Tula region], Section 1 / Red. Yu.A. Krasnova. M., Ins-t arkheologii RAN Publ., 1999, 304 p. [in Russian].

Annales 1891 - Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales / Ed. G.H. Pertzii [Annals of Fulda], Hannoverae, Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891 [in Latin].

Artsikhovskiy 1930 - *Artsikhovskiy A.V.* Kurgany vyatichey [Kurgans of the Vyatichi], Moscow, RANION Publ., 1930, 224 p. [in Russian].

Barsov 1865 - *Barsov N.P.* Materialy dlya istoriko-geograficheskogo slovarya Rossii. I. Geograficheskiy slovar' russkoy zemli (IX-XIV st.) [Materials for historical and geographical dictionary of Russia. I. Geographical dictionary of the Russian land (IX-XIV century)], Vilnius, Printing house A. Syrkina Publ., 1865, 220 p. [in Russian].

Barsov 1885 - *Barsov N.P.* Ocherki russkoy istoricheskoy geografii. Geografiya Nachal'noy (Nestorovoy) letopisi. 2-e izd., ispr. i dop. [Essays of Russian historical geography. Elementary geography of (Nestor) chronicle. 2nd ed., corrected and updated], Warsaw, Printing house K. Kovalevskogo Publ., 1885, 374 p. [in

Russian].

Belen'kaya 1976 - *Belen'kaya D.A.* Kresty i ikonki iz kurganov Podmoskov'ya [Crosses and icons of the mounds near Moscow], in: Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 1976, № 4, pp. 88-99 [in Russian].

Bernshtam 1981 - *Bernshtam T.A.* Obryad «kreshchenie i pokhorony kukushki» [Rite of passage "baptism and funeral cuckoo's"], in: Material'naya kul'tura i Mifologiya. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. XXXVII [Material culture and Mythology. Collection of the Museum of anthropology and Ethnography. XXXVII], Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 179-203 [in Russian].

Boldin, Grudinkin, Efimov, Massalitina, Proshkin, Khokhlova 1999 - *Boldin I.V., Grudinkin B.V., Efimov A.E., Massalitina G.A., Proshkin O.L., Khokhlova T.M.* Arkheologiya Kaluzhskoy oblasti [Archeology of Kaluga region], Kaluga, 1999, 376 p. [in Russian].

Bretholz 1923 - *Bretholz B.* Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Monumenta Germaniae Historica. T. II [The chronicle of the Czechs of Cosmas of Prague. Volume II], Berlin, 1923 [in German].

Christianization 2007 - Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' C. 900-1200 / Edited by Nora Berend, Cambridge University Press, 2007 [in English].

Davydchuk, Frolov 1976 - *Davydchuk V.S., Frolov I.K.* K istorii zaseleniya orlovskogo techeniya Oki v I tysyacheletii n.e. [The history of the settlement of Orlovsky reaches of the Oka in the first Millennium B.C.], in: Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii. Slavyano-russkie drevnosti. Vyp. 146 [Short messages of Institute of archeology. Slavic-Russian antiquities. Vol. 146], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 11-18 [in Russian].

Drevnerusskie pateriki: Kievo-Pecherskiy paterik. Volokolamskiy paterik [Ancient Paterik: the Kievo-Pechersk Paterikon. The Volokolamsk Paterikon], Moscow, Nauka Publ., 1999, 496 p. [in Russian].

Enukov 2005 - *Enukov V.V.* Slavyane do Ryurikovichey [Slavs to Rurikovich], Kursk, Uchitel' Publ., 2005, 352 p. [in Russian].

Fasmer 1986 - *Fasmer M.* Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. I (A-D): per. s nem. i dop. O.N.Trubacheva / pod red. i predisl. B.A. Larina. 2-e izd., ster. [Etymological dictionary of the Russian language. T. I (A-D): per. s nem. and additional O.N. Trubachev / ed. and Preface B.A. Larin. 2nd ed.], Moscow, Progress Publ., 1986, 576 p. [in Russian].

Gavlik 1985 - *Gavlik G.* Gosudarstvo i derzhava moravan (K voprosu o meste Velikoy Moravii v politicheskom i sotsial'nom razvitii Evropy) [The state and the power Moravan (To the question about the location of great Moravia in the political and social development of Europe)], in: Velikaya Moraviya, ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie [Great Moravia, its historical and cultural significance], Moscow, Nauka Publ., 1985 [in Russian].

Golubovskiy 1881 - *Golubovskiy P.I.* Istoriya Severskoy Zemli do poloviny XIV stoletiya [History of the Severskaya Land until the middle of the 14th century], Kiev, Universitetskaya tip-ya I.I. Zavadskogo Publ., 1881, 209 p. [in Russian].

Grekov 1949 - *Grekov B.D.* Kievskaya Rus' [Kievan Rus], Moscow: Uchpedgiz Publ., 1949, 509 p. [in Russian].

Grigor'ev 2005 - *Grigor'ev A.V.* Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I — nachale II tys. n.e. [The Slavic population of the watershed of the Oka and the don at the end of I – beginning of II Millennium BC], Tula, Reproniks Publ., 2005, 207 p. [in Russian].

Grigor'ev 2011 - *Grigor'ev A.V.* Torgovyy put' po reke Don v IX v. [The trade route along the don river in the IX century], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza. XXIII chteniya pamyati chl.-kor. AN SSSR V.T. Pashuto. Materialy konferentsii [Eastern Europe in antiquity and the middle ages. Early European and Asian States: problems of political Genesis. XXIII the memory member.-cor. USSR Academy of Sciences V.T. Pachuto. Conference proceedings], Moscow, 2011, pp. 67-71 [in Russian].

Grigor'ev 2012 - *Grigor'ev A.V.* O «vtoroy volne» slavyanskoy kolonizatsii [About the" second wave " of Slavic colonization], in: Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the old Russian state], St. Petersburg, SOLO Publ., 2012, pp. 99-100 [in Russian].

Konovalova 1999 - *Konovalova I.G.* Pokhody russov na Kaspiy i russko-khazarskie otnosheniya [The campaigns of the Rus in the Caspian sea and the Russian-Khazar relations], in: Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive [Eastern Europe in historical perspective], Moscow, 1999, pp. 111-120 [in Russian].

Krasnoshchekova, Krasnitskiy 2006 - *Krasnoshchekova S.D., Krasnitskiy L.N.* Arkheologiya Orlovskoy oblasti [Archaeology of Orel region], in: Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 5 [Notes about the local history. Vol. 5], Oryol, Veshnie vody Publ., 2006, 320 p. [in Russian].

Krenke 2014 - *Krenke N.A.* Drevnosti basseyna Moskvy-reki ot neolita do srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta: avtoref. dis. … d-ra ist. nauk [Antiquities of the Moscow river basin from the Neolithic to the middle ages: stages of cultural development, the formation of the producing economy and man-made landscape: dissertation summary in history sciences], Moscow, 2014, 51 p. [in Russian].

Kropotkin 1978 - *Kropotkin V.V.* O topografii kladov kuficheskikh monet IX v. v Vostochnoy Evrope [On the topography of hoards of Kufic coins of the IX century in Eastern Europe], in: Drevnyaya Rus' i slavyane [The Ancient Rus and the Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1978 [in Russian].

Lyapushkin 1947 - *Lyapushkin I.I.* O datirovke gorodishch romeno-borshevskoy kul'tury [About Dating of settlements of romeno-borschevsky culture], in: Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 1947, IX, pp. 121-136 [in Russian].

Lyubavskiy 2000 - *Lyubavskiy M.K.* Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiey [Historical geography of Russia in connection with colonization], St. Petersburg, Lan' Publ., 2000, 304 p. [in Russian].

Massalitina 1994 - *Massalitina G.A.* Moshchinskaya kul'tura. avtoref. kand. ist. nauk [Moshchinskii culture. Dissertation summary in history sciences], Moscow, 1994, 17 p. [in Russian].

Mayorov 2006 - *Mayorov A.V.* Velikaya Khorvatiya: etnogenez i rannyaya istoriya slavyan Prikarpatskogo regiona [Great Croatia: the ethnogenesis and the early history of the Slavs of the Carpathian region], St. Petersburg, Publishing house St. Petersburg university, 2006, 209 p. [in Russian].

Mayorov 2013 - *Mayorov A.A.* Istoriya orlovskaya. Slavyanskaya istoriya s drevnikh vremen do kontsa XVII veka. Izd. vtoroe [The story of Oryol region. Slavic history from ancient times to the late seventeenth century. Ed. second], Oryol, Kartush Publ., 2013, 376 p. [in Russian].

Mayorov 2015 - *Mayorov A.A.* Prizvanie Vyatko (k voprosu o sozdanii vyatichskogo plemennogo soyuza) [Calling Vyatko (to the question about creating vyatichi tribal Alliance)], in: Vestnik Bryanskogo gos. Universiteta. Pedagogika. Psikhologiya. Istoriya. Pravo. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Ekonomika. Tochnye i estestvennye nauki [Bulletin of Bryansk University. Pedagogy. Psychology. History. Right. Literary study. Linguistics. Economy. Exact and natural Sciences], 2015, № 3 (26), pp. 101-104 [in Russian].

Mayorov 2016a - *Mayorov A.A.* K voprosu ob assimilyatsii vyatichami nositeley moshchinskoy kul'tury na territorii Verkhovskoy istoriko-geograficheskoy provintsii v VII-VIII vekakh [The question of assimilation Vyatichi media moshenskoy culture on the territory verhovskoy historical-geographical province in the VII-VIII centuries], in: Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyy zhurnal [Scientific notes of Oryol state University. Scientific journal], 2016, № 3 (72), pp. 55-62 [in Russian].

Mayorov 2016b - *Mayorov A.A.* Migratsionnye protsessy v Verkhovskom (Verkhneokskom) regione v VIII-XII vv. [Migration processes in verkhivs'ke (Verhnekam) the region in the VIII-XII centuries], in: Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma state University], 2016, pp. 8-13 [in Russian].

Mel'nikova 2009 - *Mel'nikova E.A.* Baltiyskaya sistema kommunikatsiy v I tysyacheletii n.e. [Baltic communication system in the first Millennium BC], in: Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2009. Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyy fenomen [Ancient States of East Europe. 2009. Transcontinental and local ways as a socio-cultural phenomenon], Moscow, Indrik Publ., 2010, pp. 43-57 [in Russian].

Mongayt 1961 - *Mongayt A.L.* Ryazanskaya zemlya [Ryazan land], Moscow, Publishing house AN SSSR, 1961, 400 p. [in Russian].

Nazarenko 2001 - *Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX-XII vv. [Ancient Russia on international routes: Interdisciplinary essays on cultural, trade and political ties IX-XII centuries], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].

Nazarenko 2009 - *Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' i slavyane. Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2007 [Ancient Russia and Slavs. The most ancient states of Eastern Europe. 2007]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009, 528 p. [in Russian].

Nedoshivina 1976 - *Nedoshivina N.G.* O religioznykh predstavleniyakh vyatichey XI-XIII vv. [On the religious ideas of the Vyatichi of the XI-XIII centuries], in: Srednevekovaya Rus' [Medieval Rus], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 49-52 [in Russian].

Nikol'skaya 1981 - *Nikol'skaya T.N.* Zemlya vyatichey. K istorii naseleniya basseyna verkhney i sredney Oki v IX-XIII vv. [The land of the Vyatichi. To the history of the population of the upper and middle Oka basin in IX-XIII centuries], Moscow, Nauka, 1981, 296 p. [in Russian].

Nikol'skaya 1987 - *Nikol'skaya T.N.* Gorodishche Slobodka XII-XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroitel'stva v Zemle vyatichey [Settlement of XII-XIII centuries To the history of ancient urban planning in the Land Vyatichi], Moscow, Nauka Publ., 1987, 184 p. [in Russian].

Novosel'tsev 1990 - *Novosel'tsev A.P.* Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].

Novosel'tsev 2000 - *Novosel'tsev A.P.* Arabskie istochniki ob obshchestvennom stroe vostochnykh slavyan IX – pervoy poloviny X v. (polyud'e) [Arab sources about the social system of the Eastern Slavs in IX – first half of X century (polyuddya)], in: Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1998 [Ancient States of East Europe. 1998], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 399-403 [in Russian].

Pouchenie 1969 - Pouchenie Vladimira Monomakha [Teaching Vladimir Monomakh], in: Izbornik (sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi). Sost. i red. L.A. Dmitrieva i D.S. Likhachev [Izbornik (collection of works of literature of Ancient Russia). Comp. and edited by L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev], Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1969, 800 p. [in Russian].

Proshkin 2001 - *Proshkin O.L.* Osvoenie territorii Verkhnego Pooch'ya v drevnerusskiy period. Diss… na soisk. uch.st.kand.ist. nauk [Conquest and development of the Upper Oka in the Old Russian era. Dissertation summary in history sciences], Moscow, 2001, 374 p. [in Russian].

PSRL I - Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1. Lavrent'evskaya i Troitskaya letopisi [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Laurentian and Trinity Chronicles], St. Petersburg, Printing house E. Pratsa Publ., 1846, 285 p. [in Russian].

PSRL II - Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 2. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 2. The Ipatiev chronicle], St. Petersburg, Printing house M.A. Aleksandrova Publ., 1908, 574 p. [in Russian].

Ratkosh 1985 - *Ratkosh P.* Velikaya Moraviya – territoriya i obshchestvo [Great Moravia-territory and society], in: Velikaya Moraviya, ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie [Great Moravia, its historical and cultural significance], Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 81-95 [in Russian].

Rier 2006 - Rier Ya.G. Istoricheskaya demografiya: uchebnoe posobie. 2-oe izd. dop. [Historical demography: textbook. 2nd ed.], Mogilev, MGU im. A.A. Kuleshova Publ., 2006, 160 p. [in Russian].

Rybakov 1982 - *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vekov [Kievan Rus and the Russian principalities XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 599 p. [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Osvoenie slavyanami Vostochnoevropeyskoy ravniny [The development of the Slavs of the East European plain], in: Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya. 2-e izd. [Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history. 2nd ed.], Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2002, pp. 153-159 [in Russian].

Semenchenko 1989 - *Semenchenko G.V.* Drevneyshie redaktsii zhitiya Leontiya Rostovskogo [The oldest edition of the life of Leontius of Rostov], in: Trudy otdela drevnerusskoy literatury. T. 42 [Proceedings of the Department of old Russian literature. Vol. 42], Leningrad, Publishing house AN SSSR, 1989, pp. 241-254 [in

Russian].

Shakhmatov 1907 - *Shakhmatov A.A.* Yuzhnye poseleniya Vyatichey [The southern settlements of Vyatichi], in: Izvestiya Imperatorskoy Akademii Nauk. VI seriya. T. 1. Vypusk 16 [Information proceedings of the Imperial Academy of Sciences. Series VI. Vol. 1, issue 16], St. Petersburg, 1907, pp. 715-729 [in Russian].

Shakhmatov 1919 - *Shakhmatov A.A.* Drevneyshie sud'by russkogo plemeni [The oldest destinies of the Russian tribe], Petrograd, 2 gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1919, 64 p. [in Russian].

Shchapov 1989 - *Shchapov Ya.N.* Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi [The state and the Church of Ancient Rus], Moscow, Nauka, 1989, 233 p. [in Russian].

Shinakov 1989 - *Shinakov E.A.* Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskiy aspekt. 2-e izd. [The formation of the old Russian state: comparative-historical aspect. 2nd ed.], Moscow, Vostostochnaya literatura Publ., 2009, 477 p. [in Russian].

Skazaniya o nachale Cheshskogo gosudarstva v drevnerusskoy pis'mennosti [Tales of the beginning of the Czech state in ancient Russian writing], Moscow, Nauka Publ., 1970, 128 p. [in Russian].

Slavyanskie 1995 - Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' pod red. N.I. Tolstogo. T. 1 [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, ed. And.Tolstoy. Vol. 1], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, 584 p. [in Russian].

Slavyanskie 2004 - Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' pod red. N.I. Tolstogo. T. 3 [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, ed. And.Tolstoy. Vol. 3], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, 704 p. [in Russian].

Slavyanskie 2004 - Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' pod red. N.I. Tolstogo. T. 3 [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, ed. And.Tolstoy. Vol. 3], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, 656 p. [in Russian].

Smilenko 1989 - *Smilenko A.T.* K izucheniyu lokal'nykh osobennostey kul'tury soyuzov vostochnoslavyanskikh plemen VIII-X vv. [To study local features of culture of unions of East Slavic tribes VIII-X centuries], in: Drevnie slavyane i Kievskaya Rus [Ancient Slavs and Kievan Russ], Kiev, Naukova Dumka Publ., 1989, pp. 105-114 [in Russian].

Solov'eva 1956 - *Solov'eva G.F.* Slavyanskie soyuzy plemen po arkheologicheskim materialam VIII-XIV vv. n.e. (vyatichi, radimichi, severyane) [Slavic tribal unions on the archaeological materials of the VIII-XIV centuries ad (Vyatichi, Radimichi northerners)], in: Sovetskaya arkheologiya. XXV [Soviet archeology. XXV], Moscow, Publishing house Akademii nauk SSSR, 1956, pp. 138-170 [in Russian].

Tatishchev 2003 - *Tatishchev V.N.* Istoriya Rossiyskaya v 3 t. T. 2 [The History of Russia. In 3 t. T. 2], Moscow: AST Publ., 2003, 732 p. [in Russian].

Timoshchuk 2015 - *Timoshchuk B.O.* Vostochnye slavyane v VII-X vv. – polyud'e, yazychestvo i nachalo gosudarstva [Eastern Slavs in VII-X centuries – polyuddya, paganism and the beginning of state], Lviv, 2015, 80 s. [in Russian].

Toporov 2000 - *Toporov V.N.* O baltiyskom sloe russkoy istorii [About the Baltic layer of Russian history], in: Florilegium. K 60-letiyu B.N. Flori [Florilegium. To the 60th anniversary of B.N. Flory], Moscow Yazyki russkoy slovesnosti Publ., 2000, pp. 349-411 [in Russian].

Tret'yakov 1953 - *Tret'yakov P.N.* Vostochnoslavyanskie plemena [East Slavic tribes], Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953, 312 p. [in Russian].

Tret'yakov 1970 - *Tret'yakov P.N.* U istokov drevnerusskoy narodnosti [At the origins of the ancient Russian people], Leningrad, Nauka Publ., 1970, 160 p. [in Russian].

Vorontsov 2011 - *Vorontsov M.A.* K voprosu o pozdney date moshchinskoy kul'tury [The question of late date moshenskoy culture], in: Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda. T. II [Materials of III (XIX) Russian archaeological Congress. T. II], St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, 2011, pp. 14-15 [in Russian].

Voytovich 2006 - *Voytovich L.V.* Vostochnoe Prikarpat'e vo vtoroy polovine I tys. n.e.: Nachal'nye etapy formirovaniya gosudarstvennosti [The Eastern Carpathians during the second half of the first Millennium ad: the Initial stages of formation of the state], in: ROSSICA ANTIQUA: Issledovaniya i materialy. 2006

[ROSSICA ANTIQUA: Studies and materials. 2006], St. Petersburg: Publishing house St. Petersburg university, 2006, pp. 6-39 [in Russian].

Yanin 2009 - *Yanin V.L.* Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda [Monetary systems of pre-Mongol Russia and essays on the history of the monetary system of medieval Novgorod], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 423 p. [in Russian].

Zagoskin 1910 - *Zagoskin N.P.* Russkie vodnye puti i sudovoe delo v do-petrovskoy Rossii [Russian waterways and the marine business in pre-Petrine Russia], Kazan, Printing house I.N. Kharitonova Publ., 1910, 506 p. [in Russian].

Zaytsev 1975 - *Zaytsev A.K.* Domagoshch i granitsy «Vyatichey» XII v. [Domagoshch and the border "Vyatichi" XIIth century], in: Istoricheskaya geografiya Rossii. XII – nachalo XX v. [Historical geography of Russia. XII – beginning of XX century], Moscow, Nauka, 1975. pp. 21-31 [in Russian].

Zaytsev 2009 - *Zaytsev A.K.* Chernigovskoe knyazhestvo X-XIII vv. [Chernihiv principality of the 10-13th centuries], Moscow, Kvadriga Publ., 2009, 237 p. [in Russian].

Zaytseva, Saracheva 2011 - *Zaytseva I.E., Saracheva T.G.* Yuvelirnoe delo «Zemli vyatichey» vtoroy poloviny XI-XIII v. [Jewelry case "the land of the Vyatichi" in the second half of the XI-XIII century], Moscow, Indrik Publ., 2011, 404 p. [in Russian].

Zhih 2017 - *Zhih M.I.* Radimichi (lokalizaciya, proiskhozhdenie, social'no-politicheskaya istoriya) [The Radimichi: their habitat, origin, and socio-political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 12-63 [in Russian].

Майоров Анатолий Александрович – Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музейного дела Орловского государственного института культуры (Орёл, Россия).
Anatoly Mayorov – Candidate of historical sciences, Associate Professor of History and Museum business of the Oryol state institute of culture (Oryol, Russia).
E-mail: aamajorov@rambler.ru

УДК 94 (367)

СЛАВЯНСКИЕ СУПЕР-ВЕТВИ: Y-ДНК КАК МАРКЕР РАННИХ МИГРАЦИЙ СЛАВЯН

И.Л. Рожанский

Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com
SPIN-код: 9823-3659
Scopus Author ID: 6602811767
Researcher ID: M-8875-2018
http://orcid.org/0000-0002-7571-7626

Авторское резюме

По результатам анализа представительной выборки Y-ДНК из Восточной и Центральной Европы было выделено 5 линий, характеризующих славянские народы. Ввиду своей численности (от 10 до 35 миллионов носителей каждая) они получили название «супер-ветви». Начало роста супер-ветвей (IX-II века до н.э.) указывает на время выделения славянских народов как отдельной этнической группы. В соответствии с их географическим распределением было реконструировано существование 3 групп славян, сложившихся к началу новой эры: западной, юго-восточной и северной. Для ряда супер-ветвей были выявлены корреляции с расселением славянских племен дописьменной эпохи.

Ключевые слова: славяне, этногенез, миграции, супер-ветви, Y-ДНК.

SLAV SUPER-BRANCHES: Y-DNA AS A PROBE OF EARLY SLAV MIGRATIONS

Igor Rozhanskii

Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com

Abstract

Analysis of the representative Y-DNA dataset from Eastern and Central Europe reveals 5 lines, which have been proved to characterize Slav peoples. Considering their huge size (from 10 to 35 millions men each), they have been coined as «super-branches». An onset of the growth of super-branches (9th to 2nd centuries BCE) is suggested to mark timelines for the formation of early Slavs as a distinct ethnic entity. Their geographical distribution is consistent with the existence of Western, South-Eastern and Northern Slavic groups, which have been formed by the beginning of the Common Era. Several super-branches also show apparent correlations with settling patterns of Slav tribes in the pre-literate period.

Keywords: Slavs, ethnogenesis, migration, super-branches, Y-DNA

* * *

Понятия «славянин», «славяне», «славянство» чрезвычайно многозначны. Формально определяемые в терминах языкового родства, они включают в себя много

других аспектов, среди которых не последнее место занимает интуитивно понимаемая общность происхождения славянских народов. Данный вопрос занимал историков, политиков и деятелей культуры, начиная с раннего Средневековья. Представления о прародине и дописьменной истории славян проделали путь от адаптации библейских текстов до фундаментальных работ чешских славистов, подведших итог этапу, основанному на изучении письменных источников (Шафарик 1847; Нидерле 1956). С конца XIX века все больший вклад начинает вносить археология, и в настоящее время ранняя история славян фактически стала ее разделом. Из других подходов можно выделить работы по славянской акцентологии и диалектологии, которые позволили очертить границы славянских племен дописьменной эпохи и выявить языковые связи, о существовании которых было ранее неизвестно (Дыбо и др. 1990; Николаев 1994). В частности, особенности древненовгородского диалекта XI-XV веков поставили под сомнение казавшуюся самоочевидной схему расхождения славянских языков на западные, восточные и южные. Данные, собранные археологами и лингвистами, дополняют исследования антропологов, по которым неоднократно издавались обзоры и монографии (Алексеева 2002).

По мере совершенствования экспериментальных методов, все больший вклад в изучение ранней истории славян вносит исследование ДНК. Данные по митохондриальной ДНК, наследуемой по женской линии, не выявили существенных различий между славянами и другими народами Европы, но в первом же масштабном исследовании Y-ДНК, наследуемой от отца к сыну, такое отличие было найдено. У чехов, словаков, хорватов, поляков, македонцев, украинцев, а также венгров обнаружили высокую, от 25% до 60%, долю гаплогруппы R1a-M17 (Eu-19 в тексте статьи), тогда как в 19 остальных, не славянских популяциях она не превышала 12% (Semino 2000). Однако тогда это не привлекло внимания коллектива авторов во главе с одним из основоположников геногеографии человека Л. Кавалли-Сфорца, и они сделали вывод, что эта гаплогруппа восходит к населению Европы эпохи палеолита. Данные ДНК людей с палеолитических стоянок в Чехии, Румынии и России показали, что вывод был ошибочным (Fu 2016; Sikora 2017). Численный рост и распространение гаплогруппы R1a в Европе начались намного позже, во времена ранней бронзы, что коррелирует с распространением индоевропейских языков вплоть до Индии и Ирана (Клёсов 2016).

Как следует из статистики по современным популяциям, потомки носителей гаплогруппы R1a той эпохи (в частности, из культуры шнуровой керамики) внесли основной вклад в этногенез ранних славян, но пока мало ясности, каким образом можно использовать эти данные в качестве материала, дополняющего исследования историков, археологов, антропологов и лингвистов. В настоящей работе поставлена задача дать исходные пункты и методологию для взаимодействия ДНК-генеалогии славян с этими дисциплинами.

ИСКОПАЕМАЯ ДНК СЛАВЯН И БАЛТОВ

Прямую информацию по Y-хромосомным линиям предков современных славян можно получить из ископаемых образцов, и использовать ее далее для проверки существующих гипотез. Необходимое условие – археологический контекст образца и его отнесение к конкретной линии Y-ДНК должны быть надежно установлены, чтобы избежать двусмысленности. В генетических базах данных и научных публикациях в настоящее время имеются сведения более, чем о 700 образцах ископаемой Y-ДНК, но абсолютное их большинство принадлежит людям каменного и бронзового веков, что делает их малопригодными для решения поставленной задачи (Рожанский 2017). Систематического исследования славян Средних Веков и их непосредственных предков эпохи железа пока не проводили, и данные по единичным образцам, как правило, публиковались в малоизвестных изданиях или диссертациях. Исключение составляет недавно опубликованная работа, в которой всесторонне исследовали ДНК людей, живших в Прибалтике между 8600 и 2200 годами назад (Mittnik 2018). Образцы, датируемые I тысячелетием до н.э., включены в список, хотя формально они расположены за пределами славянской территории. Информация по ископаемой ДНК, принадлежащей (доказано или гипотетически) славянам или балтам, суммирована в Табл. 1 и на карте (Рис. 1).

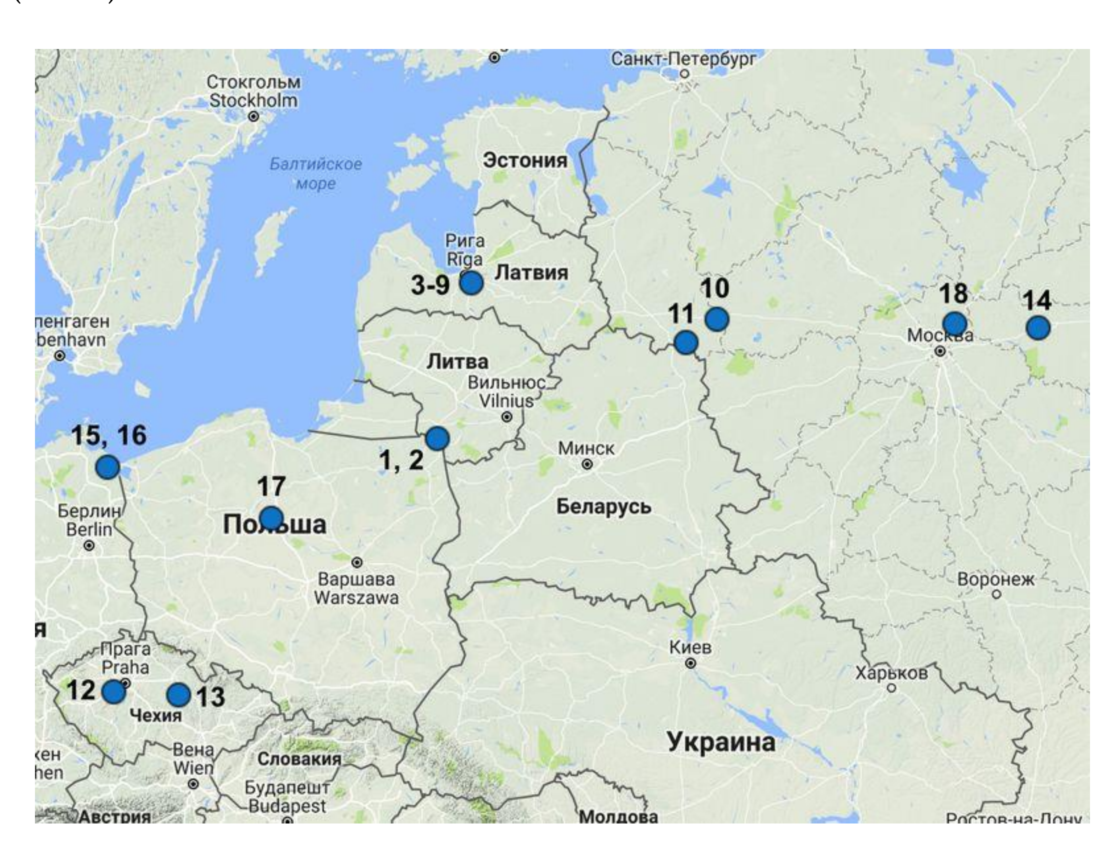

Рис. 1. Карта находок ископаемой ДНК с датировками от X века до н.э. по XVII век н.э. Обозначения соответствуют номерам в Табл. 1

Таблица 1. Образцы ископаемой Y-ДНК, связанные со славянами

№	Местонахождение	Датировка	Гаплогруппа	Примечания
1	Литва, Турлоишке	1010–800 до н.э.	R1a-Z645[а] R1a-YP617[б]	
2	Литва, Турлоишке	930–810 до н.э.	R1a-Z645[а]	
3	Латвия, Кивуткайнс	800–545 до н.э.	R1b-V88[а] R1a-YP1370[б]	
4	Латвия, Кивуткайнс	800–545 до н.э.	R1a-Z645[а] R1a-CTS1211[б]	
5	Латвия, Кивуткайнс	800–545 до н.э.	R1a-M198[а]	
6	Латвия, Кивуткайнс	805–515 до н.э.	R1a-M459[а] R1a-Y13467[б]	
7	Латвия, Кивуткайнс	730–390 до н.э.	R1a-M459[а]	
8	Латвия, Кивуткайнс	730–400 до н.э.	R1a-Z645[а] R1a-Y13467[б]	
9	Латвия, Кивуткайнс	405–230 до н.э.	R1a-M198[а] R1a-Y13467[б]	
10	Россия, Анашкино	800-500 до н.э.	R1a-M17[в]	
11	Россия, Девичьи Горы	700-1000 н.э.	N1a-M46[в]	Культура длинных курганов
12	Чехия, Тетин	870-950 н.э.	G-M201[г]	
13	Чехия, Подлажице	~ 1180 н.э.	R1b-Z2103[д]	
14	Россия, Владимир	1100-1220 н.э.	I2a1-CTS10228[е]	
15	Германия, Узедом	~ 1200 н.э.	R1a-M458[ж]	
16	Германия, Узедом	~ 1200 н.э.	E1b-V13[ж]	
17	Польша, Торунь	1543 н.э.	R1b-M269[з]	Н. Коперник
18	Россия, Радонеж	1580-1617 н.э.	R1a-M198[и]	

а) Mittnik 2018; б) Y-SNP 2018; в) Чекунова 2014; г) Kubalek 2008; д) Vanek; е) Sikora 2017; ж) Freder 2010; з) Bogdanowicz 2009; и) Мустафин 2017.

Малый объем выборки пока не дает возможности задействовать данные палеогенетики славян в сколько-нибудь значительной мере. Из имеющихся результатов следует отметить образцы из Прибалтики позднего бронзового века, отнесение которых было проведено блогером, публикующимся под именем Genetiker. В оригинальной статье анализ Y-ДНК был менее детальным (Mittnik 2018). Авторы ограничились информацией о гаплогруппе, без уточнения ветви, но разместили геномные данные в открытой базе данных, что дало возможность

провести независимую экспертизу. Все 9 образцов принадлежат к гаплогруппе R1a, причем 3 из них (№№ 3, 6 и 9) – к ныне малочисленной ветви Y13467, найденной у современных уроженцев Латвии, Литвы, Польши и Швеции (https://www.yfull.com/tree/R-Y13467/), а один (№ 1) – к ветви YP617 (https://www.yfull.com/tree/R-YP617/), предковой для супер-ветви YP569, одной из наиболее распространенных у восточных славян, а также у литовцев (см. ниже). Преемственность генеалогических линий балтийского региона в течение последних 3000 лет можно считать одним из оснований к выводу, что современная география Y-ДНК в Восточной Европе должна отображать времена, намного предшествовавшие возникновению нынешних государственных границ и началу миграций индустриальной эпохи.

СОВРЕМЕННАЯ СТАТИСТИКА Y-ДНК ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Сформулированный выше вывод вряд ли можно назвать самоочевидным, а потому его необходимо обосновать на фактическом материале. В этом качестве были взяты этнические группы немцев, до 1945 года населявших Восточную Пруссию и территорию современного Поморского воеводства Польши. Их потомки в настоящее время рассеяны по всему миру, но многие участники проектов FTDNA указали свои корни в этом регионе, а их гаплотипы длиной 37 маркеров и более были занесены в базу данных IRAKAZ-2017 (http://dna-academy.ru/irakaz/). Статистика по их гаплогруппам приведена в графическом виде на карте (Рис. 2).

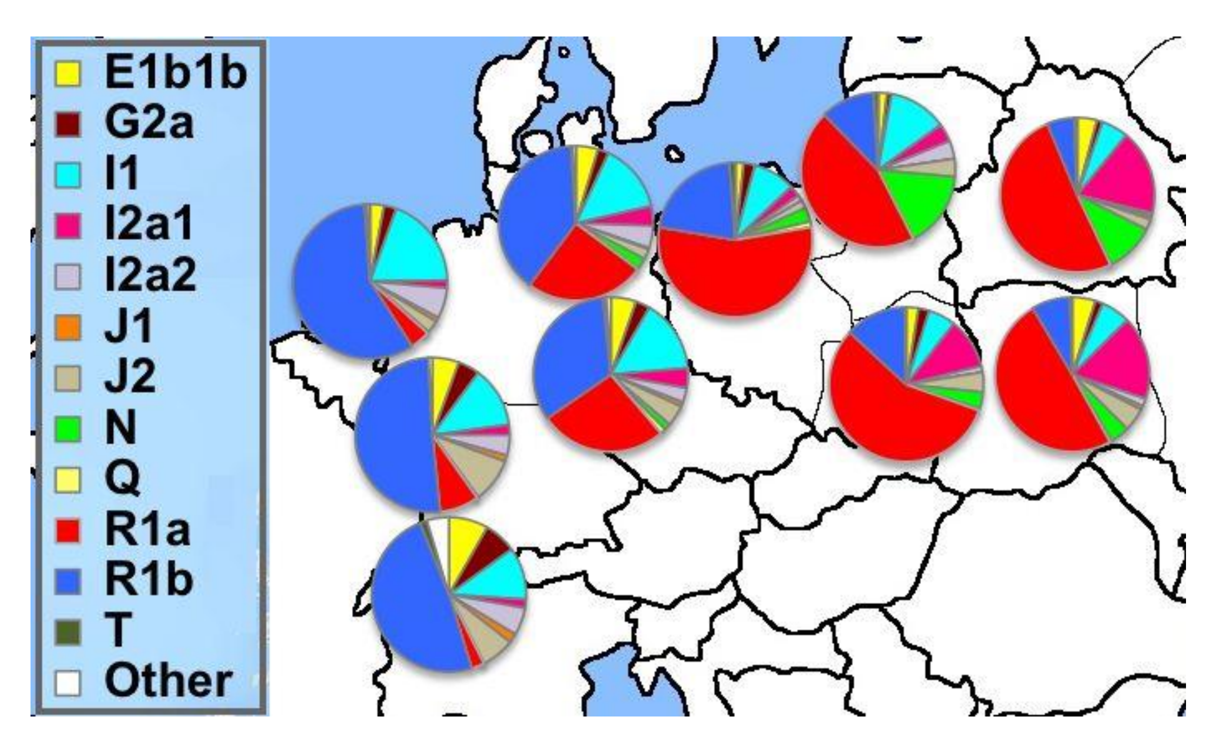

Рис. 2. Распределение основных европейских Y-хромосомных гаплогрупп среди германоговорящих и славянских (Белоруссия, Малая Польша, Западная Украина) популяций, согласно проектам FTDNA и полевым выборкам (Purps 2014)

Основной гаплогруппой у немцев Померании и Восточной Пруссии является R1a, охватывающая около 50% участников (94 из 170 и 48 из 106, соответственно). В референсных выборках из Нидерландов, Баден-Вюртемберга и Базеля эта доля составляет от 4% до 8%, что можно считать характерной величиной для германских народов континентальной Европы. Если сопоставить эти цифры, то можно сделать вывод, что доля прямых потомков немецких колонистов в предвоенном населении Померании и Восточной Пруссии не превышала 10%, а основная часть приходилась на потомков онемеченных местных жителей – славян-поморян и пруссов. Следовательно, статистика по генеалогическим линиям этих этнических групп фактически отображает ситуацию середины XIII века, когда началась немецкая колонизация региона. Многовековое немецкое присутствие, а затем включение в состав Королевства Пруссия почти не сказалось на родословных местных жителей, которые вплоть до промышленной революции в основном жили в сельской местности. В землях Мекленбург, Бранденбург и Саксония, населенных в Раннем Средневековье славянскими племенными союзами ободритов и лютичей, доля гаплогруппы R1a также превышает уровень, характерный для бассейна Рейна. Германская колонизация этой территории началась раньше, чем в Померании и Восточной Пруссии, и была более интенсивной, но вклад прежнего славянского населения хорошо различим и по сей день.

Территории, ныне населенные славянами, в историческое время не знали миграций масштаба немецкой колонизации, насколько можно заключить из хроник и архивных материалов. Исключение составляют только южные и восточные рубежи Киевской и Московской Руси, население которых то отходило под давлением степных народов, то возвращалось и продвигалось на новые земли по мере усиления государства. Следовательно, соотношение генеалогических линий на той или иной территории славянского мира в основном складывалось в дописьменную эпоху и мало менялось впоследствии в силу традиций и хозяйственного уклада крестьянства – наиболее многочисленной социальной группы Средних Веков и Нового Времени. Однако возникает вопрос, могут ли быть объективными данные, полученные от наших современников, живущих, как правило, в мегаполисах или даже других странах? На него можно ответить положительно, и вот почему. По правилам, принятым в FTDNA, клиентам, сдавшим тест на Y-хромосому, предоставляется возможность опубликовать сведения о своих предках по прямой мужской линии, поскольку одна из главных задач этого сервиса – помочь в поиске родственников и составлении родословных. За редкими исключениями, клиенты серьезно подходят к этому вопросу, и предоставляют результаты генеалогических исследований, уходящие иногда до XV-XVI веков. Таких глубоких родословных у участников из Восточной Европы немного, но до XIX – начала XX века свой род прослеживают почти все, кто заполняет графу «сведения о предках». Вопреки распространенному заблуждению, что генеалогией интересуются только потомки аристократов, абсолютное большинство участников ДНК-проектов происходит из крестьян и других низших сословий. Если собрать все сведения вместе, то они отображают

демографическую ситуацию Первой (и единственной) Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., зафиксировавшей высокую долю сельского населения (http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php): 87% в Европейской России и 77% в Польше. Таким образом, данные по 8238 гаплотипам из списка IRAKAZ-2017 дают возможность восстановить картину расселения генеалогических линий славянского населения, сложившуюся к времени становления первых государственных образований славян. Обсуждавшийся выше пример с немцами Померании, Восточной Пруссии, Мекленбурга и Саксонии подтверждает этот вывод.

Статистика из IRAKAZ выглядит масштабной, но гаплотипы в нем распределены по славянскому миру очень неравномерно, что создает проблему с репрезентативностью данных. В первую очередь это касается южных славян, не проявляющих пока высокой активности в проектах FTDNA. Чтобы важный для славянской истории балканский регион не выпадал из рассмотрения, для него привлекалась также статистика из научных публикаций, для которых тестирование проводили на анонимной основе (Karachanak 2013; Purps 2014). В качестве дополнительного источника по Белоруссии использовались ранее опубликованные данные (Рожанский 2013). Вопросами репрезентативности данных продиктовано также разделение славянского мира на регионы. Для больших по площади России, Украины, Польши и Белоруссии было бы желательно давать отдельную статистику по каждой области или воеводству, но из-за недостатка данных это привело бы к неоправданно большим погрешностям. С другой стороны, если рассматривать каждую из этих стран как единое целое, то географическое разрешение окажется неоправданно низким для поставленной задачи. В качестве компромиссного варианта разделение было проведено следующим образом. Статистика по Польше дается по четырем историческим регионам: Поморью, Великой Польше (включая Силезию и Куявию), Мазовии (включая Мазурию и Подляшье) и Малой Польше. Польско- и немецкоязычные уроженцы Поморья рассматривалась как единое целое. Для статистики по Калининградской области России и прилегающей к ней части Варминско-Мазурского воеводства Польши использовались данные немцев Восточной Пруссии (*de facto* онемеченных пруссов). В Белоруссии бассейн Днепра (Полесье и Поднепровье) рассматривался отдельно от других регионов. Украина была поделена на западную и восточную части по восточной границе Житомирской и Винницкой областей. Разделение России на северную, центральную и южную части следовало диалектологической карте русского языка (Захарова, Орлова 2004; Карта: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/df/Russian_dialects.jpg). Согласно недавним исследованиям, существующие диалектные различия русского языка восходят к временам существования разных восточнославянских племен (Николаев 1994), а потому разделение по языковому признаку предпочтительнее, чем следование современным административным границам. Территории, присоединенные к Московскому царству в XVI-XVII веках, не учитывались, поскольку отсутствуют надежные данные, из каких частей России переселились предки их современного русского населения.

СУПЕР-ВЕТВИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Как уже отмечалось во вводной части, гаплогруппа R1a в Европе в значительно степени маркирует славянские народы. Однако, если брать статистику по гаплогруппе в целом, то она дает крайне размытую картину, из которой невозможно извлечь информацию о происхождении славянских народов. Кроме того, на карте с портала Eupedia учтены также скандинавский (Z284) и азиатский (Z93) субклады, не имеющие отношения к славянам (Рис. 3).

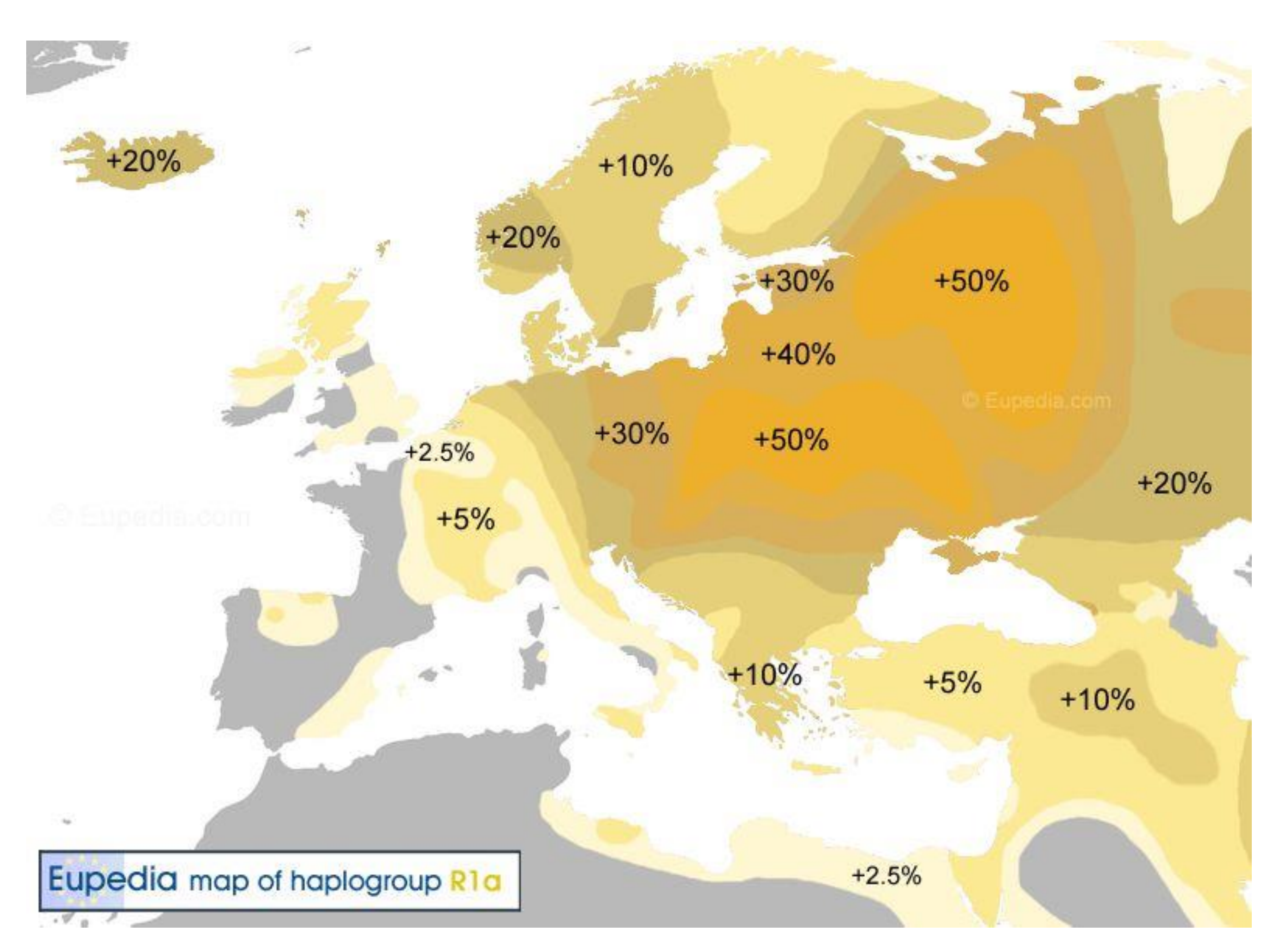

Рис. 3. Доля носителей гаплогруппы R1a от общего населения Европы и Ближнего Востока (https://www.eupedia.com/europe/Haplogroup_R1a_Y-DNA.shtml)

Чтобы найти решение поставленной задачи, необходимы данные по ветвям гаплогруппы R1a, имеющим более компактную географию и этнический состав. В текущей версии наиболее детального дерева R1a (YTree v6.01 от 4 января 2018 г.: https://www.yfull.com/tree/R1a/) насчитывается 878 дочерних ветвей разного иерархического уровня. Если располагать представительными выборками по каждой из них, то это дало бы возможность выявить исторические детали с высокой точностью, вплоть до происхождения отдельных семейных линий. Поскольку к настоящему времени многие ветви насчитывают всего по 2-3 подтвержденных

представителя, это делает такую задачу практически не выполнимой. Чтобы избежать неопределенности из-за недостаточной статистики, следует временно отказаться от работы с каждой ветвью и перейти к рассмотрению тех, что удовлетворяли бы следующим критериям:

1) они должны быть достаточно крупными, чтобы об их распространенности в том или ином регионе иметь статистически достоверную информацию;

2) они должны встречаться в основном у славянских народов или народов, в этногенез которых славяне внесли значительный вклад (например, венгров);

3) их дочерние ветви должны образовывать однородную структуру (см. ниже), которая свидетельствует о стабильном, без существенных разрывов, росте генеалогической линии, начиная с времени рождения ее самого недавнего общего предка.

При анализе базы данных IRAKAZ было найдено 5 таких генеалогических линий, которые из-за своей численности получили название супер-ветвей. Самой большой из них оказалась ветвь, представляющая не гаплогруппу R1a, а редкую за пределами славянского мира гаплогруппу I2a1. В популярной литературе и на Интернет-ресурсах эта ветвь известна как «динарская» (Dinaric), по Динарскому нагорью на Балканах, где ее доля от всего населения достигает 40 %. Характеристики славянских супер-ветвей суммированы в табл. 2, а их карты представлены на рис. 4-8. Чтобы избежать неоправданной детализации карт, не соответствующей уровню статистической достоверности, при их построении применялся алгоритм сглаживания.

Таблица 2. Основные характеристики славянских супер-ветвей

Название[а]	Время жизни предка (лет назад)[б]		Численность	
	IRAKAZ[в]	YFull[г]	IRAKAZ	В мире (оценка)
I-CTS10228	2450-1950	2600-1950	425	30-35 млн
R-CTS11962	2900-2300	3900-2600	472	18-22 млн
R-L260	2800-2300	3000-2100	420	10-12 млн
R-Y2902	2450-1950	3200-1800	268	16-19 млн
R-YP569	2350-1900	2300-1700	261	15-18 млн

а) Конвенция FTDNA; б) нижний и верхний пределы с 95 % вероятностью; в) расчет по 111-маркерным гаплотипам; г) расчет по снипам в Y-хромосоме.

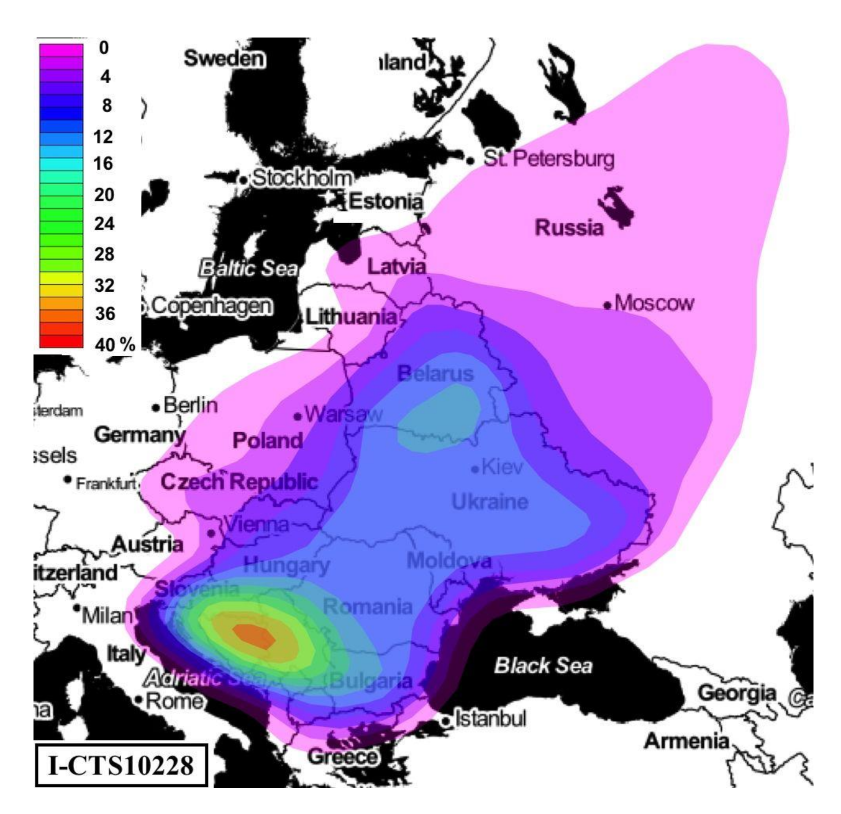

Рис. 4. Доля носителей ветви I-CTS10228 (динарская) в процентах от общего населения регионов Европы

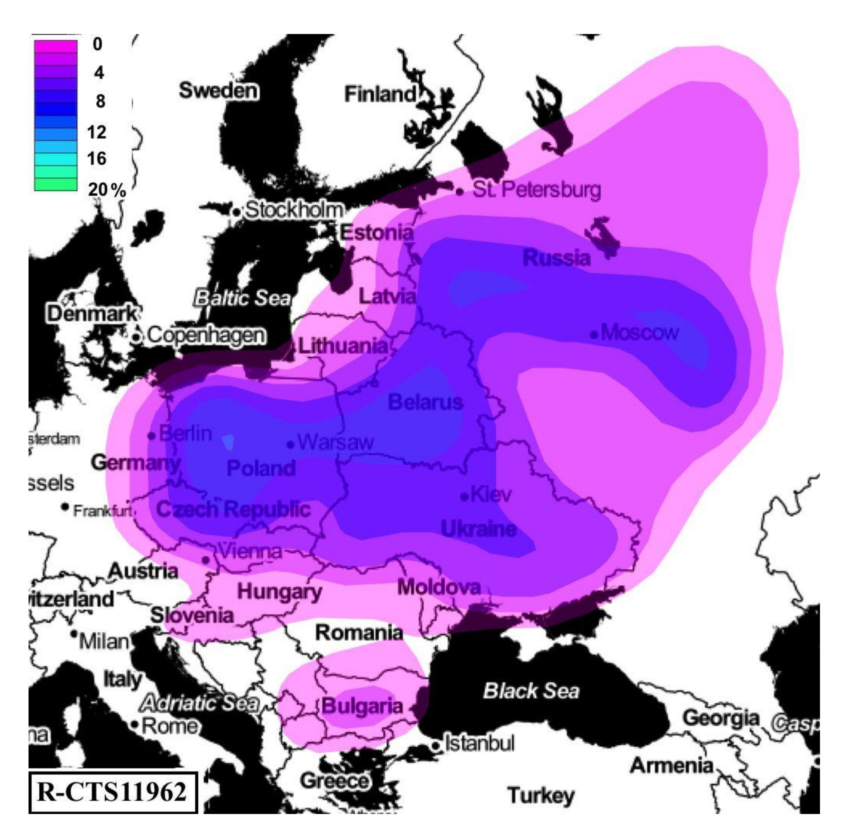

Рис. 5. Доля носителей ветви R-CTS11962 (центрально-европейская) в процентах от общего населения регионов Европы

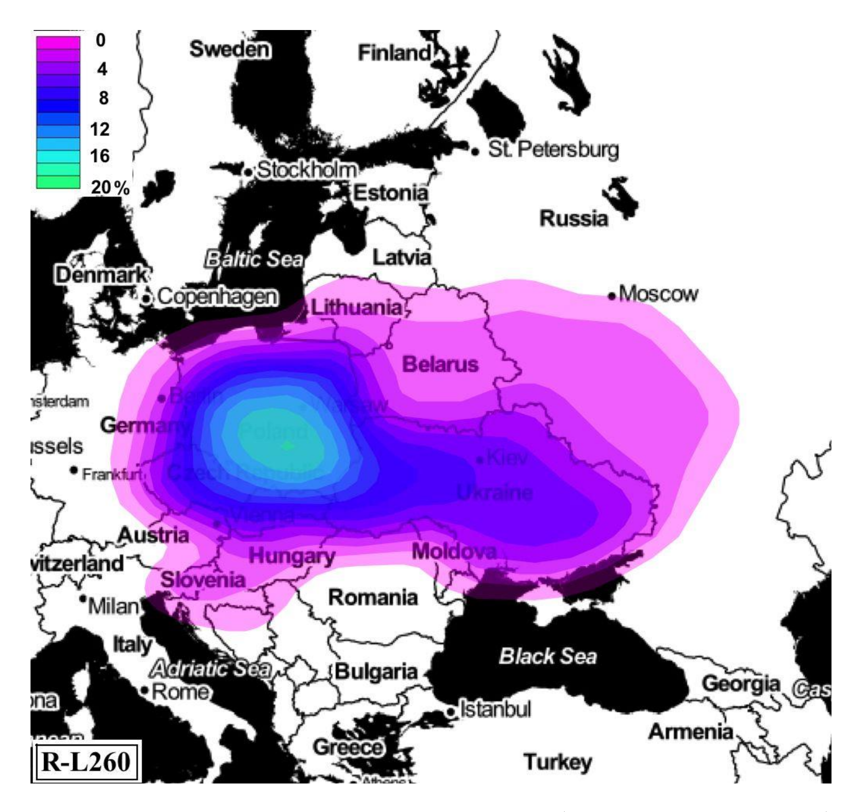

Рис. 6. Доля носителей ветви R-L260 (западнославянская) в процентах от общего населения регионов Европы

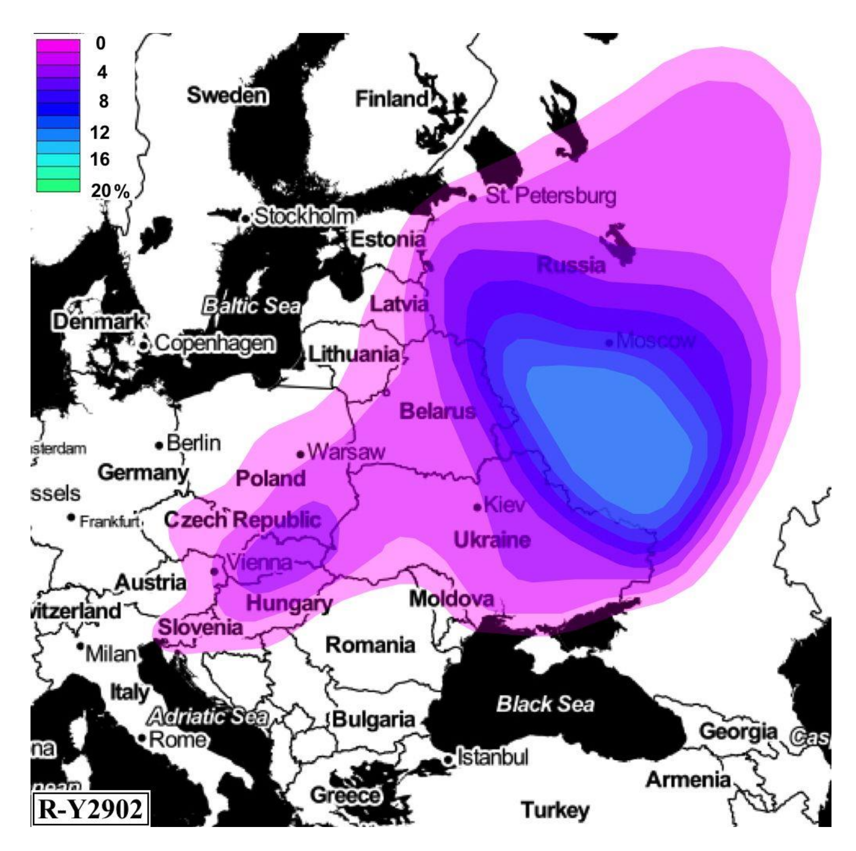

Рис. 7. Доля носителей ветви R-Y2902 (восточная карпатская) в процентах от общего населения регионов Европы

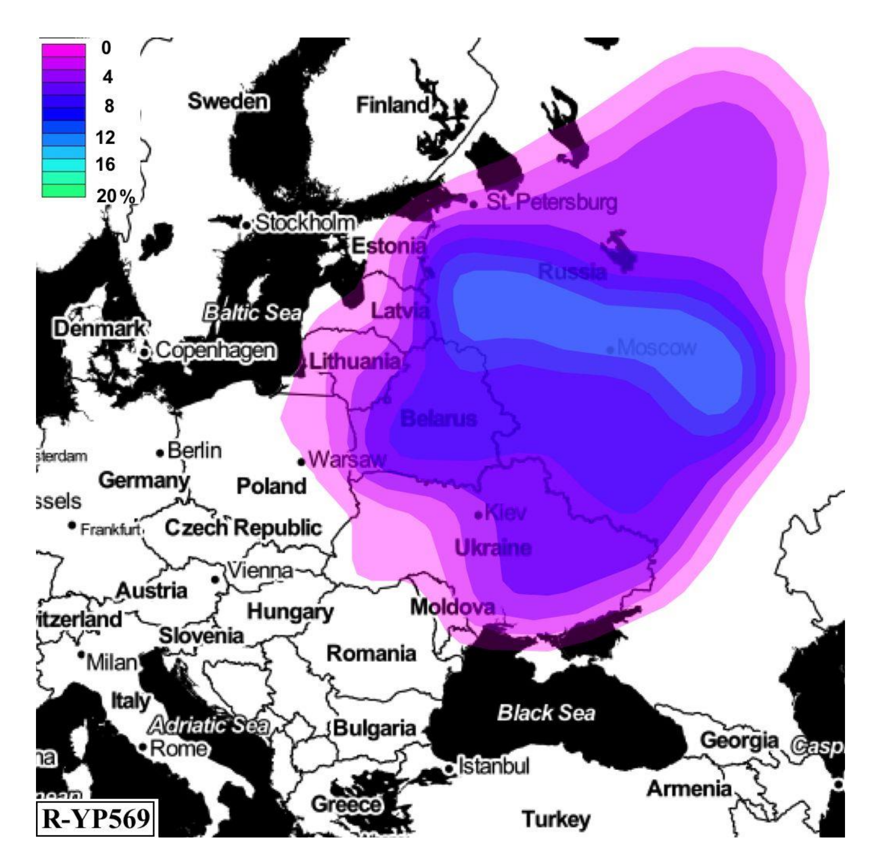

Рис. 8. Доля носителей ветви R-YP569 (северная евразийская-1) в процентах от общего населения регионов Европы

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Согласно статистике из базы данных IRAKAZ, охарактеризованные выше 5 супер-ветвей охватывают от 40 (сербы) до 53 (белорусы Поднепровья) процентов славянских народов, за исключением чехов (33%), болгар (28%) и русских с севера России (22%). У находящихся в том же ареале неславянских народов (эстонцы, латыши, литовцы, немцы, румыны, албанцы, греки) эта доля не превышает 20%, за исключением венгров (27%). Статистические данные приводятся здесь без погрешностей, которые варьируют в зависимости от размера выборки, а потому их следует рассматривать как полуколичественные. Однако даже на этом уровне концепция супер-ветвей согласуется с историческими данными о формировании славянских народов, выпадающих из закономерности. Все 3 этнические группы находятся на периферии славянского мира, и в их формирование значительный вклад внесло дославянское население: кельтские, германские, фракийские и финно-угорские племена, соответственно. Промежуточное положение венгров также согласуется с историческими данным. Мадьяризация славянского населения Подунавья началась в X веке и продолжалась вплоть до 1918 года, когда венгерский был государственным языком восточной части Австро-Венгерской империи.

Датировки супер-ветвей дают возможность выяснить время, начиная с которого можно говорить о возникновении славян как отдельной группы народов

Европы. Разные исследователи помещали его от ранней бронзы до начала новой эры, но супер-ветви дают более узкий интервал между IX и II веками до н.э. Это соответствует завершающему этапу лужицкой археологической культуры и времени существования культур железного века: поморской, милоградской и подклёшевых погребений (Седов 1994, сс. 120-148). В тот же самый интервал попадают датировки других значительных ветвей гаплогруппы R1a (в частности, R-Y2609: https://www.yfull.com/tree/R-Y2609/; R-L1280: https://www.yfull.com/tree/R-L1280/; R-S18681: https://www.yfull.com/tree/R-S18681/; R-YP578: https://www.yfull.com/tree/R-YP578/), также специфических для славян, но уступающих в численности супер-ветвям, что не позволило составить для них карты, сопоставимые по статистической достоверности. В контексте демографии это означает, что в среде населения из перечисленных выше культур начался численный рост генеалогических линий, с момента своего возникновения находившихся в среде славянских народов. Археологические, лингвистические и демографические трактовки этногенеза славян не обязаны совпадать, но в случае, если их выводы оказываются диаметрально противоположными, последняя дает более объективные результаты, поскольку опирается на статистические данные и математический аппарат ДНК-генеалогии, а не на субъективное мнение или (нередко мнимый) консенсус специалистов. Из проведенного выше анализа можно заключить, что во времена зрелой античности (при жизни Геродота, в частности) славяне уже существовали как отдельная этническая группа, связанная, помимо языка, представлением об общности своего происхождения. Где тогда жили славянские племена, и под какими названиями они были известны античным авторам, ДНК-генеалогия сама по себе ответа дать не может без помощи других дисциплин, из которых палеогенетика сейчас становится одной из наиболее важных.

Каждая из 5 супер-ветвей имеет собственную, отличную от других географию, которая, к прогнозируемому разочарованию историков, не дает однозначных совпадений с археологическими культурами или летописными сведениями о местах проживания славянских племен. Причина подобного расхождения кроется, в первую очередь, во временно́м разрыве между началом численного роста ветви и расселением славян со своей исторической родины. За несколько столетий до начала массовых миграций супер-ветви набрали достаточно большую численность, чтобы быть представленными не в каком-то одном, а в нескольких племенах, пути которых впоследствии разошлись. О стадии быстрого начального роста каждой их этих линий можно судить по характерной структуре их ветвления. Дочерние ветви, идентифицированные при анализе снипов, оказываются неразличимыми, если сравнивать гаплотипы их носителей даже в самом высоком разрешении. Образно говоря, расхождение по маркерам в STR (повторяющихся сегментах) «не поспевало» за возникновением новых дочерних ветвей. Характерный пример подобной структуры – дерево центрально-европейской ветви (R-CTS11962), в котором гаплотипы из разных ветвей перемешаны в произвольном порядке (Рис. 9).

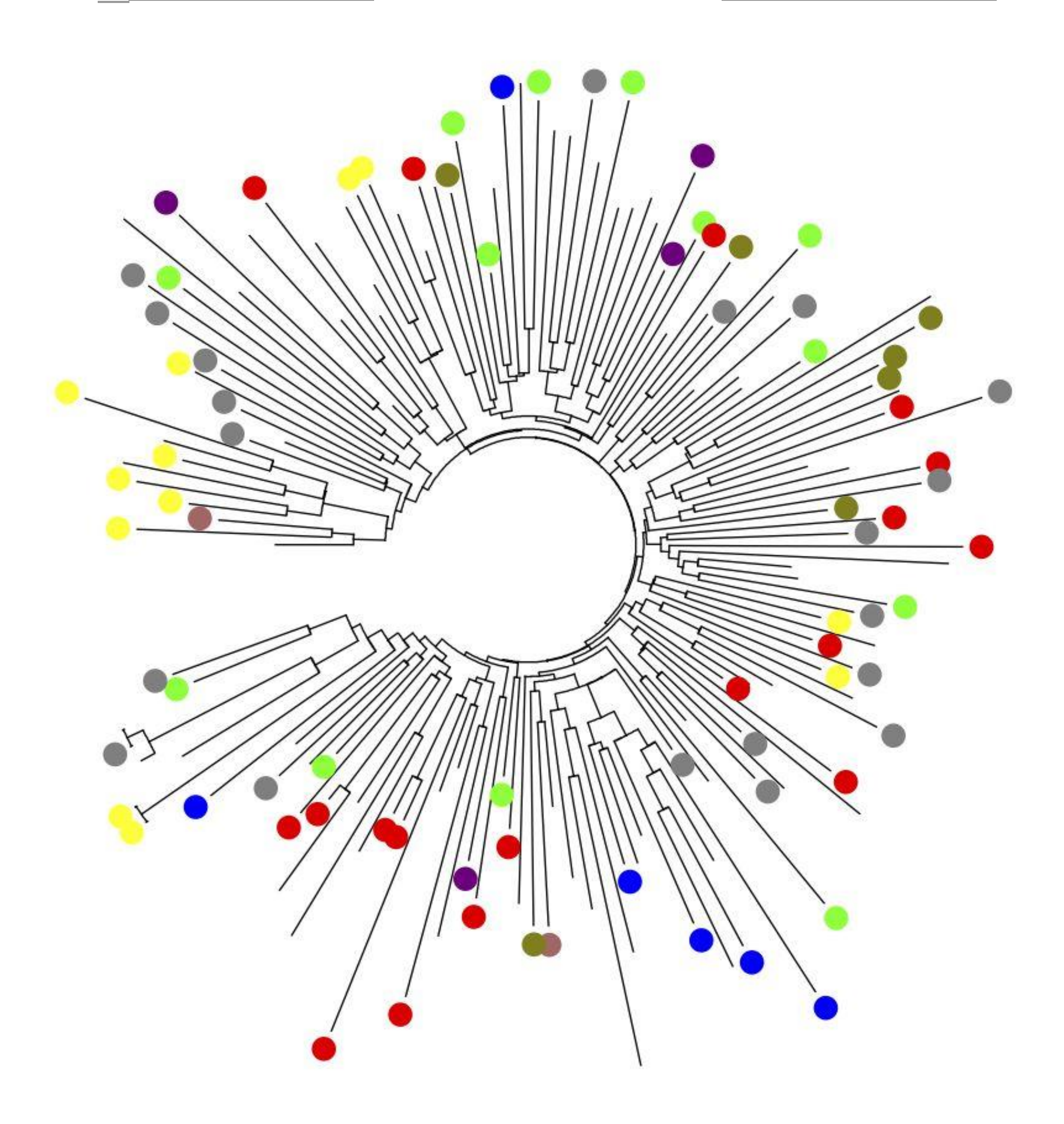

Рис. 9. Дерево 111-маркерных гаплотипов ветви R- CTS11962.
Цветными кружками отмечены гаплотипы, принадлежащие той или иной дочерней ветви, согласно анализу на снипы

Поскольку карты супер-ветвей не совпадают одна с другой, можно сделать вывод, что эти линии были распределены в пределах исходного славянского ареала неравномерно, а сложившиеся к началу миграций соотношения в значительной мере сохранились среди сельского населения вплоть до конца XIX века. Тонкие детали начального распределения пока реконструировать не удается, но есть возможность выделить в славянском мире (включая венгров и восточных немцев славянского происхождения) 3 группы, каждая со своим характерным набором супер-ветвей (рис. 10).

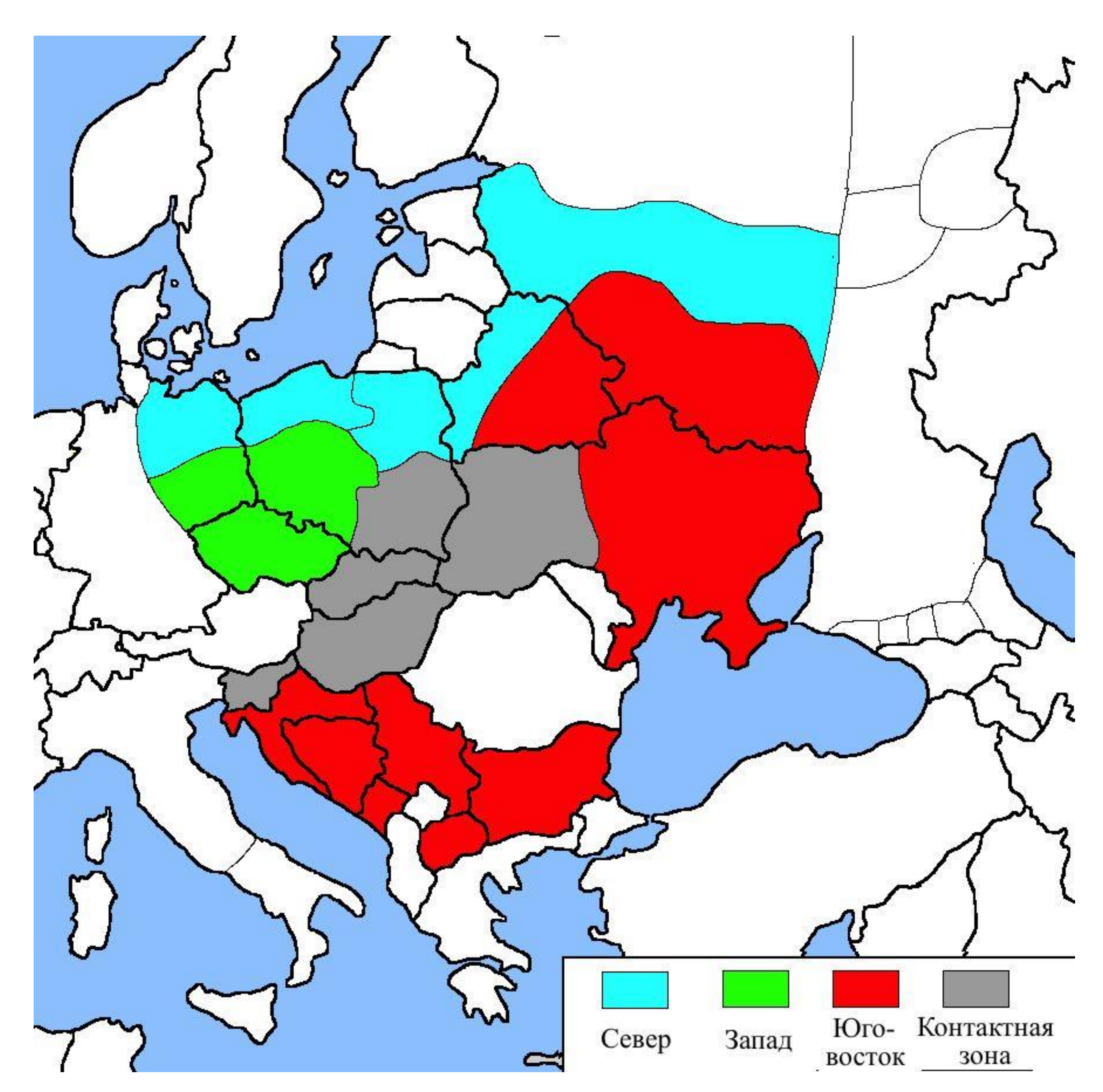

Рис. 10. Регионы славянского мира, реконструированные по данным Y-ДНК

Наиболее заметно из этих регионов выделяется западный, в котором на значимом уровне распространены только 2 супер-ветви из 5, а именно центрально-европейская (R-CTS11962) и западнославянская (R-L260). Их суммарная доля достигает абсолютного максимума в 48-66 % (70 из 123) в выборке лужицких сербов на востоке Германии (Rębała 2013). Обе ветви являются частью субклада R-M458, зародившегося 5600-3800 лет назад (https://www.yfull.com/tree/R-M458/). Юго-восточный регион характеризуется, прежде всего, высокой долей «динарской» ветви I-CTS10228, к которой в его северной части добавляется восточная карпатская ветвь (R-Y2902). Северный регион выделяется благодаря центрально-европейской (R-CTS11962) и северной евразийской-1 (R-YP569) ветвям. Хотя последняя почти

отсутствует в Поморье и Мекленбурге, они также были включены в северный регион, поскольку на их территории резко падает доля западнославянской ветви, что предполагает для их жителей времен раннего Средневековья историю, отличную от соседей из западного региона. Границы между регионами довольно размыты в силу естественных причин, а потому на карте на рис. 10 отмечена также контактная зона от Прикарпатья до Словении, где смешаны линии, характерные для западного и юго-восточного регионов. Автор не ставит целью дать немедленную историко-лингвистическую интерпретацию выявленного деления славянского мира, и на данный момент ограничится краткими характеристиками каждой из супер-ветвей.

«Динарская» ветвь I-CTS10228 (рис. 4) выделяется среди остальных как своей численностью, так и принадлежностью к гаплогруппе I2, наиболее распространенной в Европе эпохи мезолита, но затем уступившей свое положение ныне доминирующим гаплогруппам R1a и R1b. Начиная с времени обнаружения (Semino 2000), ее носителей принято было относить к потомкам древнейшего населения Балканского полуострова, поскольку в его западной части их доля была максимальной. Применительно к славянским миграциям, географическое распространение ветви I-CTS10228 рассматривалось как одно из доказательств переселения славян с Дуная, упомянутого в «Повести временных лет». Однако, при анализе ископаемой ДНК на Балканах не было обнаружено ветвей гаплогруппы I2, к которым могла бы восходить CTS10228. Сообщается о других ветвях, не находящихся с ней в прямом родстве и ныне практически исчезнувших на юго-востоке Европы (Рожанский 2017). Ветвь I2a1b-M423, родительская для «динарской», обнаружена в основном в ископаемых образцах с севера Европы (Англия, Швеция, Германия, Латвия). Современные носители наиболее близкой к ней родительской ветви I-L621 (https://www.yfull.com/tree/I-L621/) также живут далеко от Балканского полуострова - на Британских Островах, во Франции (Эльзас), Германии и Польше. Если к этим данным добавить низкую долю ветви CTS10228 у албанцев (https://www.familytreedna.com/public/AlbanianBloodlines?iframe=yresults), то ее балканское происхождение представляется маловероятным. Современный пик на Динарском нагорье – это, очевидно, следствие недавних демографических событий (например, ухода дославянского населения Иллирии во время Великого Переселения Народов), а не места рождения предка. Если второй пик в Полесье маркирует место, где начался ее рост, то для заселения юго-восточного региона славянского мира реконструируется путь с северо-востока на юго-запад. Находка ископаемого гаплотипа во Владимире домонгольского времени (табл. 1, № 14) пока остается единственной, и для дальнейшей работы по выяснению истории этой ветви необходимы новые данные палеогенетики.

Центрально-европейская ветвь R-CTS11962 (рис. 5) единственная из 5 супер-ветвей представлена на значимом уровне во всех регионах. За пределами славянского мира центрально-европейская ветвь встречается также у датчан, шведов с юга Швеции, татар и евреев-ашкенази. У последних это линия, начавшая рост 1200±170 лет назад и маркируемая последовательностью снипов CTS11962 > L1029 > YP417 >

YP418 > YP1013 > YP4848. В отличие от I-CTS10228, в которой дочерние ветви рассеяны равномерно по всему ее ареалу, центрально-европейская ветвь показывает их территориальное разделение. В восточной части, со значительным перевесом преобладает дочерняя ветвь YP417 (отмечена красными кружками на рис. 9), которая, в свою очередь, практически отсутствует к западу от Белоруссии. Это можно рассматривать как след миграции одной из групп славян через территорию Белоруссии, Смоленской, Псковской и Новгородской областей в восточном направлении. Все остальные дочерние ветви распространены в западной части, а их присутствие в Мекленбурге, Дании и на юге Швеции дает основание считать, что они были одними из основных генеалогических линий у полабских славян. Ископаемый образец с о. Узедом в устье Одера (табл. 1, № 15) косвенно подтверждает такое предположение. У него не определяли снипы, нисходящие от M458, но низкая доля родственной западнославянской ветви L260 у балтийского побережья дает основание считать, что отнесение к центрально-европейской ветви наиболее вероятно. Пути попадания ветви R-CTS11962 в среду татар и евреев пока не восстанавливаются в деталях, что позволили бы предложить непротиворечивую трактовку.

Западнославянская ветвь R-L260 (рис. 6), в отличие от родственной центрально-европейской, имеет самый компактный ареал из всех супер-ветвей. Он ограничен западным регионом, а за его пределами захватывает юго-восток Польши, Словакию, Венгрию и Украину. Хотя история этой ветви начинается 2800-2300 лет назад, ее территориальное расширение, очевидно, датируется более поздним временем, а до того ее носители жили на ограниченной территории и мало смешивались с соседями. Поскольку карта западнославянской ветви почти точно накладывается на карту пражско-корчакской культуры V-VII веков (Седов 1995: 7-39), миграции носителей ветви можно датировать временем существования культуры, которую признают славянской даже самые скептически настроенные исследователи. Косвенную информацию о том, в состав каких восточнославянских племен входили представители западнославянской ветви, дают результаты тестирования современных представителей русских дворянских родов (https://www.familytreedna.com/public/RussianNobilityDNA/default.aspx?section=yresults). К ветви L260 принадлежит группа из четырех участников проекта, возводящих свой род к черниговской ветви династии Рюриковичей. Их общий предок жил в промежуток времени между VI и XII веками и, очевидно, принадлежал к племенной знати полян или северян, населявших Черниговскую землю.

Восточная карпатская ветвь R-Y2902 (рис. 7), принадлежащая к субкладу R1a-Z280, наиболее распространена на юге России, но имеет также второй, менее выраженный максимум в карпатском регионе (откуда название). В своей восточной части, представленной преимущественно дочерней ветвью Y2910, она занимает земли племен вятичей и славян верхнего Дона. Название последних не дошло до наших дней, но существование собственного диалекта этого племени было предсказано по лингвистическим данным (Николаев 1994). Максимум в Карпатах достигается за счет дочерней ветви Y3219, а его существование может указывать на

события, приведшие к разрыву прежде единого ареала восточной карпатской ветви. Их трактовка и датировка пока неясны.

Северная евразийская-1 ветвь R-YP569 (рис. 8), также принадлежащая к субкладу R1a-Z280, встречается почти исключительно у восточных славян, достигая максимума в центральной части России. За пределами славянского мира эта ветвь составляет значимую долю у литовцев (17 из 289 в списке IRAKAZ) и карел (8 из 105), что может указывать на ее корни в Восточной Прибалтике. С этим предположением согласуется принадлежность ветви YP569 к субкладу Z92, характерному для жителей Прибалтики и северо-востока Польше, а также находка ископаемой ДНК в Литве позднего бронзового века (табл. 1, № 1). У этого образца был идентифицирован снип YP617 (https://www.yfull.com/tree/R-YP617/), находящийся на дереве гаплогруппы R1a непосредственно над YP569.

ВЫВОДЫ

Анализ масштабной выборки Y-ДНК Восточной и Центрадьной Европы позволил выявить линии, происхождение которых связано с выделением славянских народов как отдельной этнической группы. В силу своей численности (от 10 до 35 миллионов носителей каждая) и особенностей структуры они получили название супер-ветвей. Начало их роста в IX-II веках до н.э. можно считать независимым подтверждением, что в ту эпоху славянские (в этническом и языковом смыслах) племена уже существовали, но под какими названиями они фигурировали в современных им источниках, пока неизвестно. На рубеже нашей эры произошло разделение этих племен на несколько групп, из которых по современным данным можно реконструировать западную, юго-восточную и северную. Классификация по супер-ветвям лишь частично совпадает с современным делением славян по языковым группам и интерпретациями археологических культур, что дает возможность уточнить существующие концепции ранней истории славян, а также выбрать из них наименее противоречащие объективным демографическим данным. В настоящей работе не ставилась задача установить прародину славян, а также соотнести найденные группы и супер-ветви с теми или иными археологическими культурами или племенными объединениями, за исключением нескольких случаев, когда такая связь очевидна. Дальнейшая работа с полученными данными предполагает более глубокое сопоставление с материалом, накопленным в смежных дисциплинах, а также в палеогенетике, по мере поступления новых находок.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева 2002 - Восточные славяне: антропология и этническая история / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир, 2002. 341 с.

Дыбо и др. 1990 - *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990. 284 с.

Захарова, Орлова 2004 - *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. Второе издание. М.: Едиториал УРСС, 2004. 176 с.

Клёсов 2016 - *Клёсов А.А.* Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2016. № 2. С. 127-156.

Мустафин 2017 - *Мустафин Х.Х. и др.* Первые результаты определения Y-хромосомной гаплогруппы для Средневекового захоронения XVI-XVII вв. в Радонеже (Московская область) // Русин. 2017. № 1 (47). С. 645-650.

Нидерле 1956 - *Нидерле Л.* Славянские древности / Перевод Т. Ковалевой и М. Хазанова. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 582 с.

Николаев 1994 - *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23-49.

Рожанский 2013 - *Рожанский И.Л. и др*. Белорусы: этногенез и связь с другими славянскими народами с позиции ДНК-генеалогии // Наука и инновации. Научно-практический журнал (Минск). 2013. № 3 (121). С. 55-62.

Рожанский 2017 - *Рожанский И.Л.* Исторические гаплокарты: обзор данных по ископаемой ДНК // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 92-114.

Седов 1994 - *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 343 с.

Седов 1995 - *Седов В.В.* Славяне в раннем Средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.

Чекунова 2014 - *Чекунова Е.М. и др.* Первые результаты генотипирования коренных жителей и человеческих костных останков из археологических памятников Верхнего Подвинья // Археология озёрных поселений IV-II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: Периферия, 2014. С. 287-294.

Шафарик 1847 - *Шафарик П.И.* Славянские древности / Перевод О.М. Бодянского. М.: Университетская типография, 1847. 1743 с.

Bogdanowicz 2009 - *Bogdanowicz W. et al.* Genetic identification of putative remains of the famous astronomer Nicolaus Copernicus // PNAS. 2009. V. 106. P. 12279-12282.

Freder 2010 - *Freder J.* Die mittelalterlichen Skelette von Usedom // Dissertation Freie Universitat Berlin, 2010.

Fu 2016 - *Fu Q. et al.* The genetic history of Ice Age Europe // Nature. 2016. V. 534. P. 200-205.

Karachanak 2013 - *Karachanak S. et al.* Y-Chromosome Diversity in Modern Bulgarians: New Clues about Their Ancestry // PLOSone. 2013. March 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0056779.

Kubalek 2008 - *Kubálek P. et al.* Blízkovýchodní haplotyp u pohřbu mladého muže s rozštěpem lebky z raně středověkého pohřebiště na Tetíně // Archeologie ve středních Čechách. 2008. V. 12. P. 645-650.

Mittnik 2018 - *Mittnik A. et al.* The genetic prehistory of the Baltic Sea region // Nature Commun. 2018. V. 9. Article number: 442.

Purps 2014 - *Purps J. et al*. A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci // Forensic Sci. Int.: Genetics. 2014. V. 12. P. 12-23.

Rębała 2013 - *Rębała K. et al.* Contemporary paternal genetic landscape of Polish and German populations: from early medieval Slavic expansion to post-World War II resettlements // Eur. J. Hum. Genet. 2013. V. 21. P. 415-422.

Semino 2000 - *Semino O. et al*. The Genetic Legacy of Paleolithic Homo sapiens sapiens in Extant Europeans: A Y Chromosome Perspective // Science. 2000. V. 290. P. 1155-1159.

Sikora 2017 - *Sikora M. et al.* Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers // Science. 2017. V. 358. P. 659-662.

Vanek 2018 - *Vanek.* 2018 / Электронный ресурс: http://www.ysearch.org/search_view.asp?uid=U98VT&viewuid=U98VT&p=1 (Дата обращения – 02.02.2018).

Y-SNP 2018 - Y-SNP calls from ancient Northern Europe. 2018 / Электронный ресурс: https://genetiker.wordpress.com/2018/01/31/y-snp-calls-from-ancient-northern-europe/ (Дата обращения – 02.02.2018).

REFERENCES

Alekseeva 2002 - Vostochnye slavyane: antropologiya i ehtnicheskaya istoriya / Otv. red. T.I. Alekseeva [East Slavs: anthropology and ethnic history / Editor-in-chief T.I. Alekseeva], Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2002, 341 p. [in Russian].

Bogdanowicz 2009 - *Bogdanowicz W. et al.* Genetic identification of putative remains of the famous astronomer Nicolaus Copernicus, in: PNAS, 2009, V. 106, pp. 12279-12282 [in English].

Chekunova 2014 - *Chekunova E.M. i dr.* Pervye rezul'taty genotipirovaniya korennyh zhitelej i chelovecheskih kostnyh ostankov iz arheologicheskih pamyatnikov Verhnego Podvin'ya [The first results of genotyping of aboriginals and human bone remains from archaeological monuments of Top Podvinya], in: Arheologiya ozyornyh poselenij IV-II tys. do n.eh.: hronologiya kul'tur i prirodno-klimaticheskie ritmy [Archeology of lake settlements IV-II thousand BC: chronology of cultures and climatic rhythms], St. Petersburg, Periferiya Publ., 2014, pp. 287-294 [in Russian].

Dybo i dr. 1990 - *Dybo V.A., Zamyatina G.I., Nikolaev S.L.* Osnovy slavyanskoj akcentologii [Fundamentals of Slavic accentology], Moscow, Nauka Publ., 1990, 284 p. [in Russian].

Freder 2010 - *Freder J.* Die mittelalterlichen Skelette von Usedom, in: Dissertation Freie Universitaẗ Berlin, 2010 [in English].

Fu 2016 - *Fu Q. et al.* The genetic history of Ice Age Europe, in: Nature, 2016, V. 534, pp. 200-205 [in English].

Karachanak 2013 - *Karachanak S. et al.* Y-Chromosome Diversity in Modern Bulgarians: New Clues about Their Ancestry, in: PLOSone, 2013, March 6, DOI: 10.1371/journal.pone.0056779 [in English].

Klyosov 2016 - *Klyosov A.A.* Migracii ariev po dannym DNK-genealogii [Migrations of the Aryans in Light of DNA Genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2, pp. 127-156 [in Russian].

Kubalek 2008 - *Kubálek P. et al.* Blízkovýchodní haplotyp u pohřbu mladého muže s rozštěpem lebky z raně středověkého pohřebiště na Tetíně, in: Archeologie ve středních Čechách, 2008, V. 12, pp. 645-650 [in English].

Mittnik 2018 - *Mittnik A. et al.* The genetic prehistory of the Baltic Sea region, in: Nature Commun, 2018, V. 9, Article number: 442 [in English].

Mustafin 2017 - *Mustafin H.H. i dr.* Pervye rezul'taty opredeleniya Y-hromosomnoj gaplogruppy dlya Srednevekovogo zahoroneniya XVI-XVII vv. v Radonezhe (Moskovskaya oblast') [The first results of definition of a Y-DNA haplogroup testing for a Medieval Russian burial of the 16 th -17th centuries in Radonezh (Moscow area)], in: Rusin [Rusin], 2017, № 1 (47), pp. 645-650 [in Russian].

Niderle 1956 - *Niderle L.* Slavyanskie drevnosti / Perevod T. Kovalevoj i M. Hazanova [Slavic antiquities / Translation of T. Kovalyova and M. Hazanov], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1956, 582 p. [in Russian].

Nikolaev 1994 - *Nikolaev S.L.* Rannee dialektnoe chlenenie i vneshnie svyazi vostochnoslavyanskih dialektov [Early dialect partitioning and external relations of East Slavic dialects], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistics questions], 1994, № 3, pp. 23-49 [in Russian].

Purps 2014 - *Purps J. et al*. A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci, in: Forensic Sci. Int.: Genetics, 2014, V. 12, pp. 12-23 [in English].

Rębała 2013 - *Rębała K. et al.* Contemporary paternal genetic landscape of Polish and German populations: from early medieval Slavic expansion to post-World War II resettlements, in: Eur. J. Hum. Genet, 2013, V. 21, pp. 415-422 [in English].

Rozhanskij 2013 - *Rozhanskij I.L. i dr.* Belorusy: ehtnogenez i svyaz' s drugimi slavyanskimi narodami

s pozicii DNK-genealogii [Belarusians: ethnogenesis and communication with other Slavic people from a DNA genealogy position], in: Nauka i innovacii. Nauchno-prakticheskij zhurnal (Minsk) [Science and innovations. Scientific and practical magazine (Minsk)], 2013, № 3 (121), pp. 55-62 [in Russian].

Rozhanskij 2017 - *Rozhanskij I.L.* Istoricheskie gaplokarty: obzor dannyh po iskopaemoj DNK [Historical Haplomaps: Review of ancient Y-DNA Data], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 92-114 [in Russian].

Sedov 1994 - *Sedov V.V.* Slavyane v drevnosti [Slavs in the ancient time], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 343 p. [in Russian].

Sedov 1995 - *Sedov V.V.* Slavyane v rannem Srednevekov'e [Slavs in the early Middle Ages], Moscow, Fond arheologii Publ., 1995, 416 p. [in Russian].

Semino 2000 - *Semino O. et al*. The Genetic Legacy of Paleolithic Homo sapiens sapiens in Extant Europeans: A Y Chromosome Perspective, in: Science, 2000, V. 290, pp. 1155-1159 [in English].

Shafarik 1847 - *Shafarik P.I.* Slavyanskie drevnosti / Perevod O.M. Bodyanskogo [Slavic antiquities / O.M. Bodyansky's translation], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1847, 1743 p. [in Russian].

Sikora 2017 - *Sikora M. et al.* Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers, in: Science, 2017, V. 358, pp. 659-662 [in English].

Vanek 2018 - *Vanek.* 2018, Electronic resource: http://www.ysearch.org/search_view.asp?uid=U98VT&viewuid=U98VT&p=1 (Date of access – 02.02.2018) [in English].

Y-SNP 2018 - Y-SNP calls from ancient Northern Europe, 2018, Electronic resource: https://genetiker.wordpress.com/2018/01/31/y-snp-calls-from-ancient-northern-europe/ (Date of access – 02.02.2018) [in English].

Zaharova, Orlova 2004 - *Zaharova K.F., Orlova V.G.* Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka. Vtoroe izdanie [Dialect partitioning of Russian. Second edition], Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 176 p. [in Russian].

Рожанский Игорь Львович – Кандидат химических наук,
член Научного совета Академии ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).
Igor Rozhanskii – Candidate of chemical sciences,
Member of Scientific Council of the Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan).
E-mail: igorrozhanskii@gmail.com

УДК 94 (367)

ИМПЕРИЯ ФРАНКОВ И БАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ В ЭПОХУ КАРОЛИНГОВ

А. Пауль
«Российско-немецкий исторический семинар» (Любек, Германия)
e-mail: andrej.paul@gmx.de
Scopus Author ID: 56330641300
ResearcherID: P-2023-2015
http://orcid.org/0000-0001-8198-1450
SPIN-код: 7859-7721

Авторское резюме

В статье анализируются отношения Франкской империи и балтийских славян (ободритов и вильцев) в VIII – IX вв. Наряду с письменными источниками рассматривается посвящённая вопросу историография конца XX века, а также современные данные археологии. Кроме этого, представлен краткий разбор истории союза ободритов с Каролингами, результатом которого стало широкое распространение культуры Франкской империи среди славянской знати к северу от Эльбы. Приведённые данные подтверждают, что в эпоху ранних Каролингов происходит заимствование и усвоение балтийскими славянами многих элементов материальной культуры франкских элит и технологий, связанных с военным и керамическим ремеслом. Автор приводит некоторые замечания относительно обычая погребальных камер, попавшего в ободритскиеземли из соседней Саксонии, а также возможных лингвистических заимствований из древневерхненемецкого в полабские диалекты.

Ключевые слова: ободриты, вильцы, Франкская империя, эпоха Каролингов.

FRANKISH EMPIRE AND BALTIC SLAVS IN CAROLINGIAN TIMES

Andreas Paul
The Russian-German Historical Seminar (Lübeck, Germany)
e-mail: andrej.paul@gmx.de

Abstract

The article focuses on the relations of the Frankish Empire and the Polabian Slavs (Obodrites and Wiltzians) in the 8th – 9th centuries. Along with the sources, the author reviews the latter-day historiography devoted to the topic, as well as present-day archeological materials; an overview is also presented of the alliance between the Obodrites and the Carolingians, which resulted in wide dissemination of the culture of the Frankish Empire among the Slavic nobility north of the Elbe. The author concludes that in the early Carolingian times the Polabian Slavs borrowed and assimilated many elements of the material culture of the Frankish elites and the Frankish Empire's technology related to weapon and ceramic crafts. The author makes a few comments on the burial chambers' tradition, which was borrowed by the Obodrites from the neighboring Saxons, and points to the possible linguistic borrowings from Old High German to Polabian dialects.

Keywords: Obodrites, Wiltzians, Frankish Empire, Carolingian times.

* * *

Вопрос отношений балтийских славян с Франкской империей и сменившим её Восточным королевством уже не раз попадал в поле зрения исследователей. Действительно, упоминания контактов, союзов и войн с ободритами и вильцами занимают значительную долю в письменных источниках эпохи Каролингов. Также и данные археологии указывают на немалое культурное влияние Франкской империи на северо-западные славянские племена в IX веке. Появление в последние десятилетия нового, в первую очередь – археологического материала, позволяет сделать к уже имеющимся на настоящий момент наработкам немецких исследователей некоторые добавления.

I. Письменные источники

Начало контактов балтийских славян и франков восходит к эпохе Меровингов. Нуждаясь в союзниках во время завоевания Саксонии, франкские правители уже с первой половины VIII века начали привлекать для этой цели проживавшие по другую сторону Эльбы племена. В хронике продолжателей Фредегара упоминается, что во время восстания саксов 748 гг. Пипин обратился к королям вендов и с их помощью устранил мятеж (Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii: 31). Мецкие анналы уточняют, что речь шла о нескольких славянских вождях, выступившими с огромным 100.000 войском. Судя по географическому положению и участию фризов, речь должна была идти о соседствовавших с Саксонией с востока и севера вильцах или ободритах.

По нескольким косвенным указаниям в источниках можно заключить, что контакты с вильцами и ободритами существовали уже на ранней стадии возвышения династии Каролингов. В 789 году осаждённый Карлом Великим вильцский король Драговит заявил, что получил право на власть от principe Carolo (Anneles Mettenses Priores: 789). Во франкских источниках так обозначали основателя каролингской династии Карла Мартелла, умершего в 741 году. Эйнхард утверждал, что ободриты были подчинены франками в некий не названный период правления Карла Великого в ходе войны (Einhard:15). Так как отношения ободритов и франков хорошо известны после 789 года, это подчинение могло прийтись только на более раннее время.

С конца VIII века отношения с вильцами и ободритами стали одним из главных аспектов франкской политики на севере. С этих пор и на протяжении всей первой трети IX века упоминания обоих племён во франкских хрониках становятся практически ежегодными. Исследователями в этот период выделяется не менее 15 личных встреч ободритских и вильцских князей с франкскими правителями в разных частях империи (Brather 1996: 76).

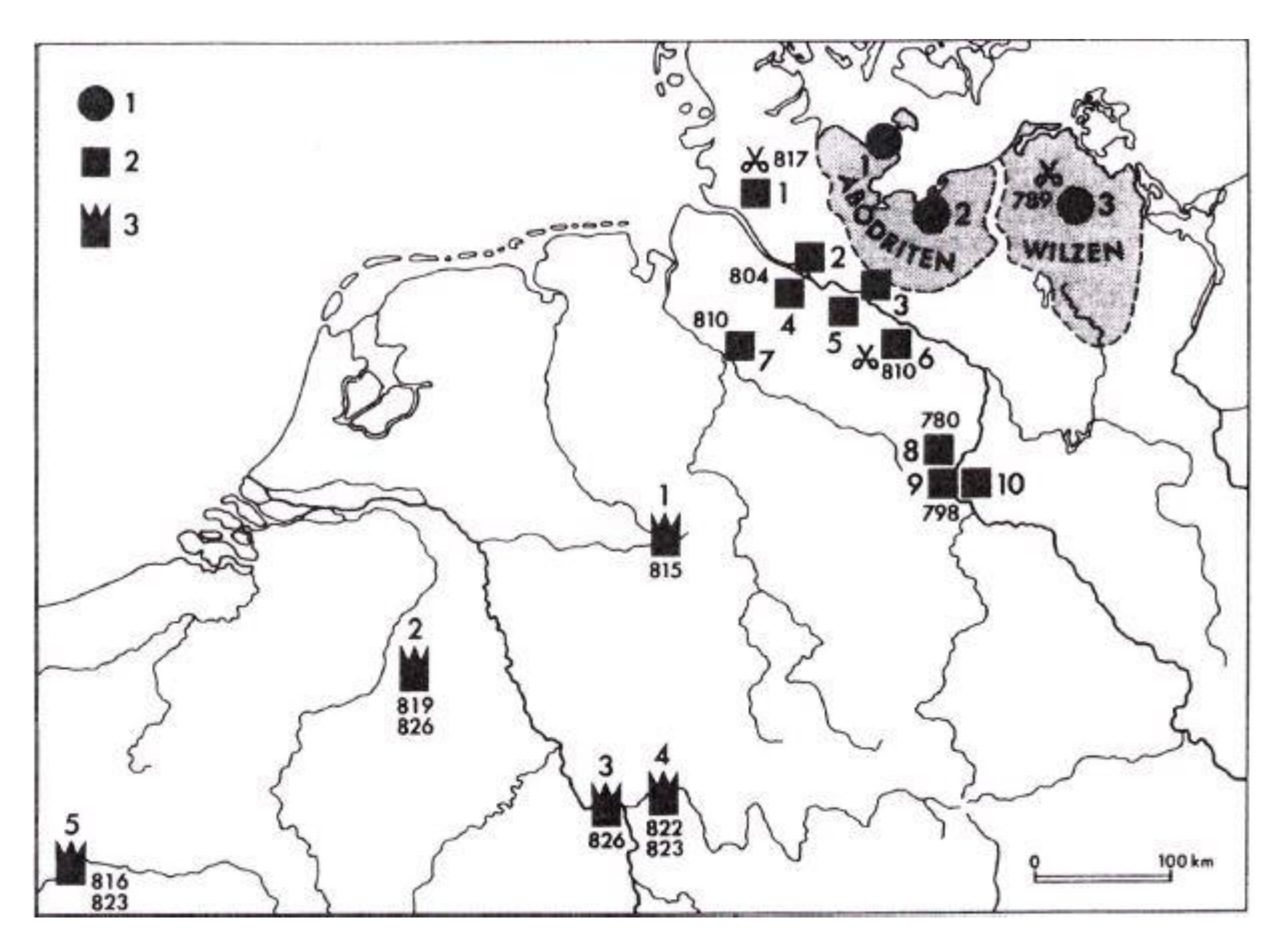

Рис. 1. Упоминаемые в источниках личные контакты правителей ободритов, вильцев и франков между 780 и 840 гг. (по: Brather 1996). (1) Славянские крепости: 1.Старигард; 2.Мекленбург; 3.Деммин; (2) Франкские крепости и города: 1.Эссефельд; 2.Гамбург; 3.Дельбенде; 4.Холленштедт; 5.Бардовик; 6.Хёбек (Хохбуки); 7.Ферден; 8.Вольмирштедт; 9./10.Магдебург (по обе стороны реки); (3) Каролингские резиденции: 1.Падеборн; 2.Аахен; 3.Ингельхейм; 4.Франкфурт; 5.Компьень

Отношения с вильцами и ободритами носили разный характер. Правители вильцев признавали верховную власть франкских королей по крайней мере с конца VIII века. Ободриты же, при жизни Карла Великого, в части франкских источников называются союзниками-федератами (foederati – Annales Regni Francorum: 789) и коалиционерами (societati recepti – Annales Regni Francorum: 798), то есть представляются дружественной независимой силой. В другой части источников говорится об их вассальной зависимости от Карла (Annales Laureshamenses: 795; Einhard: 15).

Во всех франкских источниках конца VIII – начала IX вв. ободритам даётся крайне положительная характеристика. В Лоршских анналах они названы «нашими славянами» (Slavi nostri, qui dicuntur Abotridi) и даже указывается, что, несмотря на их язычество, на стороне ободритов был христианский Бог (Annales Laureshamenses: 798). Вильцы при этом характеризуются как «всегда враждебные франкам» (Annales Regni Francorum: 789). В действительности, в рассматриваемый период, ободриты

были явными «фаворитами» ранних Каролингов. Во всех их войнах и конфликтах с соседями (саксами, данами, а также славянскими племенами вильцев, линонов и смельдингов) империя неизменно оказывала им военную и дипломатическую помощь.

По всей видимости, полное и окончательное признание ободритами вассальной зависимости от франков произошло намного позже вильцев и было тесно связано с личностью ободритского князя Дражко. В 798 году против Карла Великого подняли восстания саксы в северных областях Нордальбингия и Вигмодия. Дражко выступил против нордальбингов и нанёс их войску сокрушительное поражение. Кроме Дражко, в этой битве принимал участие и легат Карла по имени Эсбурис. Сам Карл тем временем был занят подавлением восстания в Вигмодии. В этом году франкские источники указывают титул Дражко как ещё dux (Annales Regni Francorum: 798; Annales Mettenses Priores: 798).

В следующем 799 году Карл Великий, находясь в своей саксонской резиденции в Падеборне, послал своего сына Карла с войском в северную часть Саксонии для решения каких-то дел с ободритами, вильцами и саксами-нордальбингами. При этом Анналы королевства франков сообщают о войне с нордальбингами, а Мецкие анналы о мирном прибытии их послов (Annales Regni Francorum: 799; Annales Mettenses Priores: 799). Следующий мятеж нордальбингов состоялся уже в 802 году, в результате чего Карл снова вынужден был посылать на его подавление войско (Annales Regni Francorum: 799).

По всей видимости, убедившись в неэффективности карательных экспедиций против мятежных районов северной Саксонии, Карл решил прибегнуть к более жестким методам. Значительная часть саксонского населения Вигмодии и Нордальбингии была депортирована и расселена в более спокойных провинциях Франкской империи. Управление провинцией Нордальбингия с оставшимся в ней населением было передано Дражко, которому Карл одновременно пожаловал и королевский титул (rex) (Annales Mettenses Priores: 804). Территориально королевство Дражко от этого приобретения должно было увеличиться не менее, чем на треть, или даже вдвое. Вдобавок ободриты получили выход к Северному морю, контроль над частью важных саксонско-фризско-датских торговых путей и политические выгоды от устранения угрожавшего им датско-саксонского союза. Однако вместе с этим Дражко должен был признать верховную власть Карла, ставшего к этому времени уже императором.

В VIII-IX вв. франки однозначно превосходили окружавшие их германские, славянские и прочие племёна в военном плане. Нагляднее всего об этом говорит скорость и масштабы их экспансии в северном и восточном направлении. Частично успех был обусловлен эффективными долгосрочными стратегиями и умелой политикой. Некоторые племёна удалось включить в империю банальным «подкупом» их правителей в виде богатых подарков. Кроме того, и само по себе военное ремело франков было развито лучше, чем у соседних народов. Это касалось как технологий, так и тактики ведения боя. Франки оказывали военную помощь

ободритским правителям в иных случаях не только войсками или оружием, но и военными специалистами – полководцами.

Не менее сильным было и политическое влияние, неминуемо переходившее во влияние культурное. В конце VIII – начале IX вв. ободритская знать активно перенимала элементы придворной культуры Каролингов. Это касалось не только оружия, украшений, но и предметов быта (например посуды) и облика дворцов.

Возможность носить королевский титул и находиться в числе союзников, быть на равных позициях с другой европейской знатью при дворе Каролингов, была достаточно соблазнительной для целого ряда на тот момент «местячковых» славянских князей. Для достижения такой краткосрочной выгоды, в некоторых случаях они жертвовали собственной независимостью. Подтвердившие у франкских правителей королевский титул получали военную помощь для покорения соседних племён и создавали собственные маленькие «империи». Такими были вильцский король Драговит и ободритский король Дражко. При жизни оба были правителями обширных областей и множества племён. В «империю» Дражко, к примеру, входил ряд славянских племён иного, чем ободриты, происхождения (линоны и смельдинги), а также и вовсе чужие им по языку и крайне враждебно настроенные племена саксов-нордальбингов.

Несмотря на внешний прирост территорий и военное усиление, новые славянские «королевства» оказывались достаточно неустойчивыми изнутри. Уже при жизни Дражко удавалось удерживать власть исключительно силой, причём иногда приходилось прибегать к помощи франков. При удобном случае, например во время нападений врагов (вильцев и данов), линоны и смельдинги поднимали мятеж и «ударяли в спину» ободритскому королю. Институт власти в славянских королевствах «франкского» типа был чуждым основной массе населения нововведением. Потому после смерти «короля», зачастую наступал коллапс всей системы, а само общество возвращалось к крайне архаическим формам во властных, общественных и религиозных структурах.

После смерти Драговита огромное королевство вильцев было разделено между его сыновьями. К концу первой трети IX века вильцы всё реже и реже упоминаются во франкских источниках в качестве значительного независимого регионального игрока. К середине или во второй половине IX века союз вильцев прекращает своё существование по внутренним причинам, то есть из-за некой череды смут и междоусобиц. В конце IX века на его обломках создаются два новых политических субъекта – отошедший к архаичному языческому славянскому укладу союз лютичей и королевство стодорян, тяготевшее к христианским соседям (саксам и чехам).

После смерти Дражко в 809 году на смену ему приходит князь Славомир, принадлежавший к другой династии. В 816 году Людвиг Благочестивый, возможно, в отличие от своего отца, не очень хорошо представляя себе местную специфику, попытался урезать Славомира в правах, разделив ободритское королевство между

ним и сыном Дражко. Это привело к воссстанию Славомира, пленению его франками, а вместе с тем и к общей деградации отношений ободритов и франков.

Сам по себе Славомир, очевидно, был вполне доволен подчинённым положением по отношению к императору франков. В 815 году он предоставил войска для похода в Ютландию, а в 821 году даже согласился принять христианство в обмен на восстановление его на ободритском престоле. Его восстание 817-819 гг. источники объясняют именно его недовольством и реакцией на утрату «королевских» привилегий. Восстание Чедрага в 821 году возможно также было связано с этим прецедентом. По достижении положенного возраста или просто по факту возвращения из датского плена в 817 году, Чедраг был назначен соправителем Славомира. После пленения Славомира Людовиком Благочестивым в 819 году, он и вовсе стал единоличным правителем. Тем не менее, уже в 821 году он поднимает мятеж, пытаясь добиться независимости от франков. Единственным намёком на возможную причину его восстания кажется сам титул, которым Чедрага именуют весьма скрупулёзные в этом плане Франкские анналы. В то время как титул Славомира и до, и после изгнания указывается как rex, Чедраг в них даже во время единоличного правления фигурирует всего лишь как princeps.

Ободритские послы упоминаются в 822, 823 и 826 гг. при дворе Людвига Благочестивого, после чего сообщения о них в источниках становятся редкими и приобретают совсем иной характер. Зачастую речь теперь ведётся просто о неких неопределённых «славянах», без указания племени, а характер их отношений с франками становится схож на войны с саксами в VIII веке. Постоянные мятежи славян чередуются с карательными походами на них франков и саксов, что, судя по частоте повторений не приносило заметного результата. Имена ободритских правителей теперь упоминаются исключительно в контексте убийства или подчинения их в ходе войны. Вполне логично, что на этом фоне происходит ещё большее сближение балтийских славян с северными германцами (в первую очередь данами, но, возможно, и шведами), а также и славянских языческих племён между собой, в рамках своеобразной «языческой антифранкской коалиции». Объективно же с первой трети IX века франки утратили контроль над землями балтийских славян, потому на протяжении всего следующего столетия упоминания их в письменных источниках сильно сокращаются. В результате период между второй половиной IX века и второй третью X века представляет своеобразное «белое пятно» в истории ободритов и вильцев, по которому не представляется надёжно реконструировать происходившие на юге Балтики события.

II. Археологические источники

На наличие франкского импорта и заимствований тех или иных элементов материальной культуры балтийскими славянами нередко указывалось немецкими археологами. Большинство из таких замечаний, впрочем, выдвигалось лишь в контекстах единичных находок. Первые шаги по их систематизации и осмыслению

феномена в целом начали проявляться лишь с конца 1970-х, и значительно оживились в 1990-х гг. На настоящий момент уже едва ли имеет смысл привлекать старые статьи Херрманна (Herrmann 1979), Жака (Zak 1979) и Ваховского (Wachowski 1992) о франкских элементах в западнославянской культуре, так как имеется критический анализ их Братером (Brather 1996). Вместе с тем, до сих пор представляет интерес работа Габриеля о «придворной» культуре вагрской знати, касающаяся и других южнобалтийских регионов (Gabriel 1991). Ценные дополнения к ней были сделаны Мессалем (Messal 2015). Последним крупным трудом на данную тему на настоящий момент стала монография Гердса об изучении могильника в Гросс Штрёмкендорфе (Gerds 2015).

В своей статье Братер разделял «чужеземные товары» эпохи Каролингов, найденные в землях балтийских славян, на несколько основных категорий:

1. Завезённые из Франкской империи вещи:

- Оружие: франкские мечи и шпоры с петлёй и клёпанным шипом (Ösensporen/Schlaufensporen) (Brather 1996: 54-59);
- «Украшения», под которыми понимаются как украшение англо-каролингскими орнаментами различных предметов (в основном деталей ремней, всаднического обмундирования, ножен мечей), так и непосредственно носимые на одежде украшения, произведённые в западной части Каролингской империи (Франция и западная Германия) (Brather 1996: 59-61);
- Предметы быта, такие как керамика (Татингская, Бадорфская, круглые саксонские горшки, керамика с примесью ракушек), стеклянная посуда и изделия из базальтовой лавы (ручные мельницы) (Brather 1996: 69-72).

2. Вещи, формы которых возникли у славян под влиянием франкских прототипов и технологий:

- Керамика (Фельдбергская, «изящная ольденбургская керамика»);
- Шпоры с крючком (Hackensporen);
- Архитектура (старигардского большого дома, крепостей)

В силу ограниченности объёма, в рамках данной статьи нет возможности для подробного описания всех находок из перечисленных выше категорий. Все эти вещи, кроме 2.(3), известны как с территорий вильцев, так и ободритов. Информацию об отдельных находках, вместе с картами распространения и комментариями по датировкам, можно получить из указанных выше ссылок. В случае развития форм фельдбергской керамики и шпор с крючком речь идёт о культурном влиянии ещё эпохи Меровингов.

Можно признать справедливыми выводы исследователя о наблюдаемом перенятии славянскими элитами «придворной» культуры франкской знати (Brather 1996: 80-81). Действительно, все категории находок, кроме разве что базальтовой лавы, были связаны с военным делом, роскошью и культурой элит. Нередко посещавшие

резиденции франкских королей и императоров вильцские и ободритские князья, их сопровождение и послы, могли получать некоторые из этих дорогостоящих вещей в процессе обмена дарами, сопровождавшим подобные встречи. Привозимые на родину, они могли служить символом статуса их владельца и становиться прототипами для местных подражаний. Кроме того, пример с посольством Готтфрида к Карлу Великому показывает, что в качестве послов могли выступать и купцы (Annales Regni Francorum: 809).

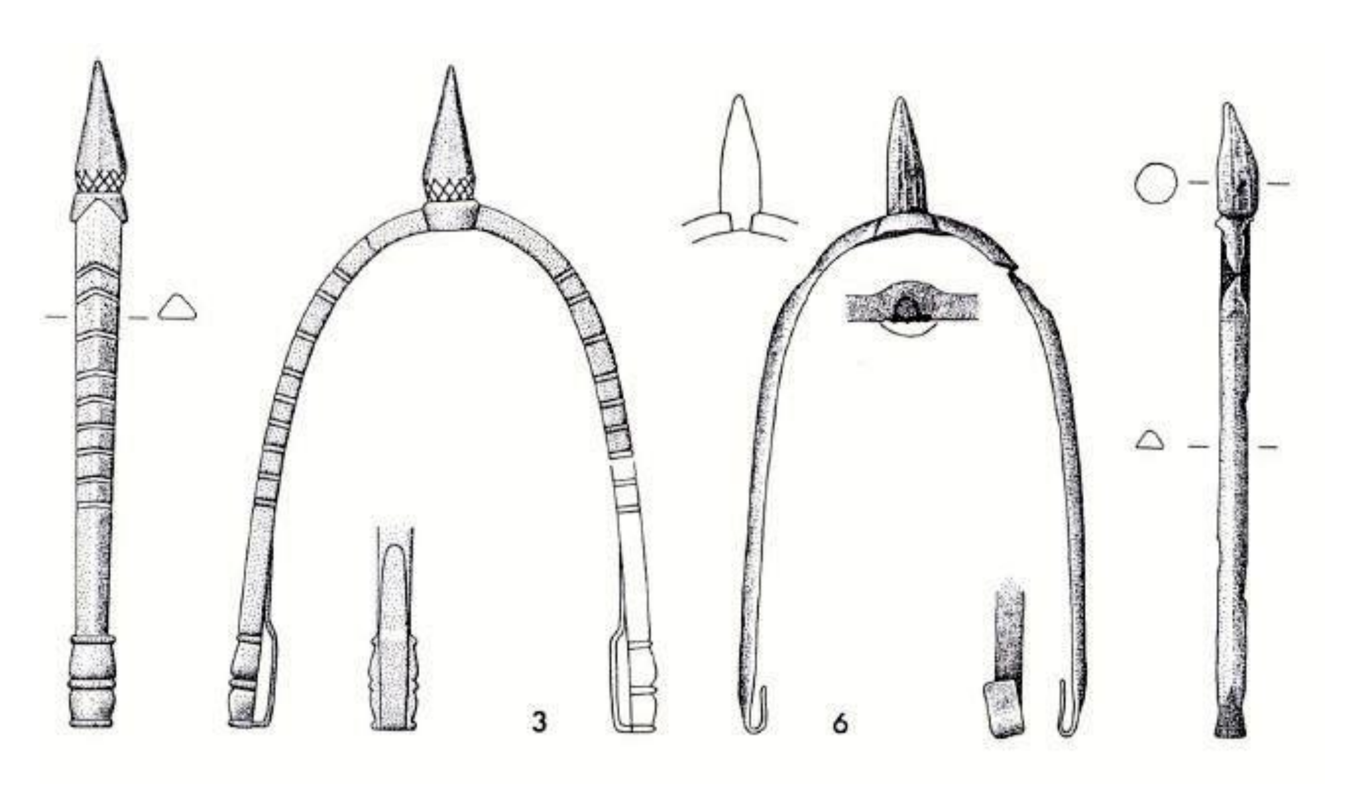

Рис. 2. Шпоры с петлёй «франкского типа» из Вагрии: Берндорф (3) и Старигард/Ольденбург (6) (по: Gabriel 1991)

Вполне подтверждая письменные источники, археологические находки также показывают наибольшее влияние франкской культуры на ободритов в конце VIII – первой половине IX вв. Так, крепость Старигард/Ольденбург в горизонте 2а (приблизительно между 775 и 830 гг.) начинает переживать свой первый расцвет. Площадь крепости увеличивается практически вдвое, что говорит, как о её возросшем значении, так и о увеличении населения (предположительно - знатного) в её пределах. Уже в конце VIII века внутри появляется выдающееся своими размерами строение, интерпретированное Габриелем, как первый двор вагрийского князя. Строение не находит аналогов на юге Балтики того времени, но показывает большое сходство с королевской резиденцией Карла Великого в Падеборне того же времени (Gabriel 1991: 155-157). Непосредственно внутри или рядом с княжеским двором были найдены осколки стеклянных бокалов, произведённых во Франкской империи (Gabriel 1991: 197).

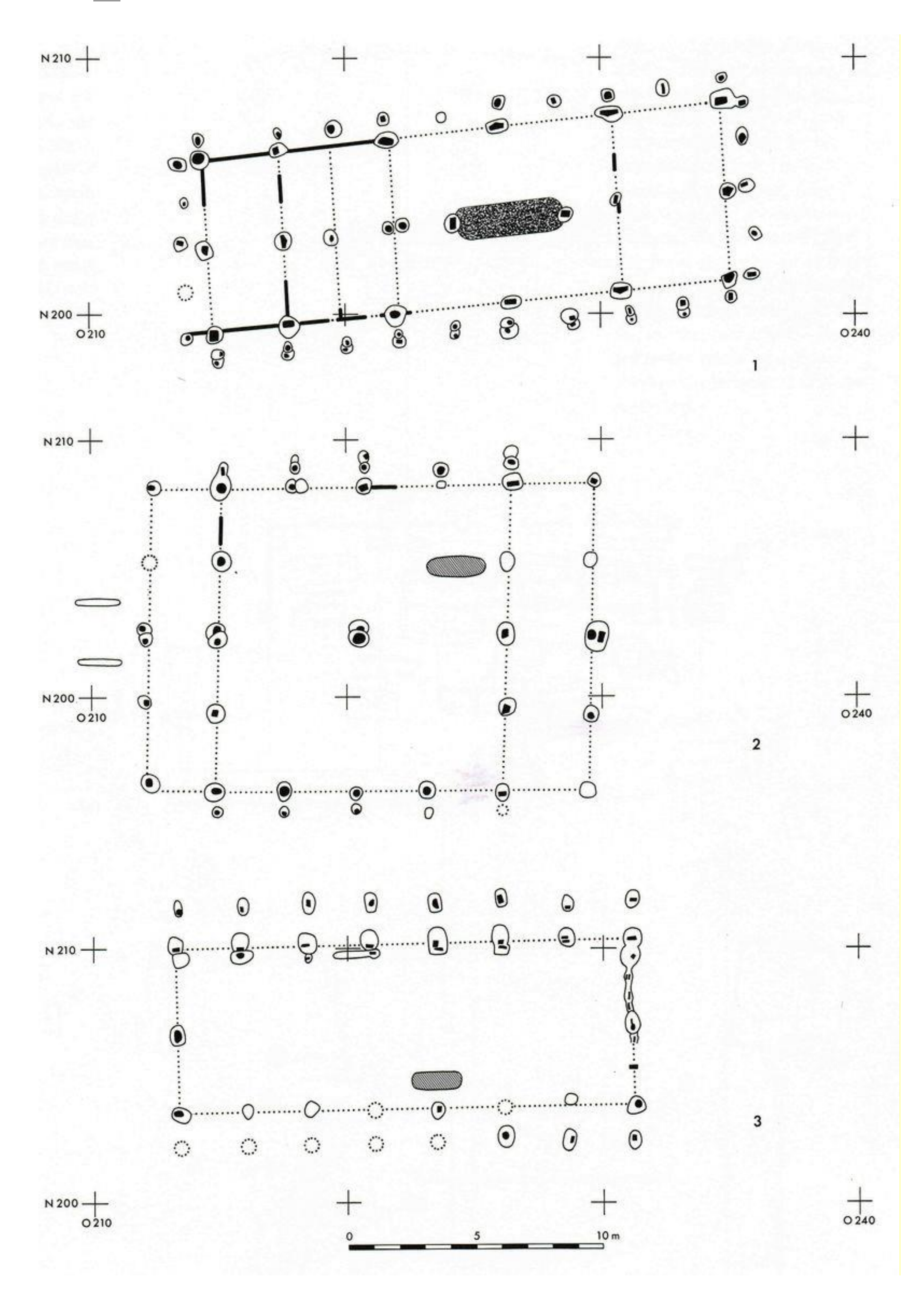

Рис. 3. Очертания «княжеского дворца» в Старигарде/Ольденбурге на протяжении трёх фаз существования (по: Gabriel 1991)

Картину находок дополняют найденные в крепости и датируемые тем же временем многочисленные предметы с англо-каролингской орнаментикой: детали ремней и конской упряжи, накладки и ремешки для ножен мечей, а также франкские петельчатые шпоры (Gabriel 1991: 182-193), которые присутствуют здесь вместе с местными, уже славянскими имитациями.

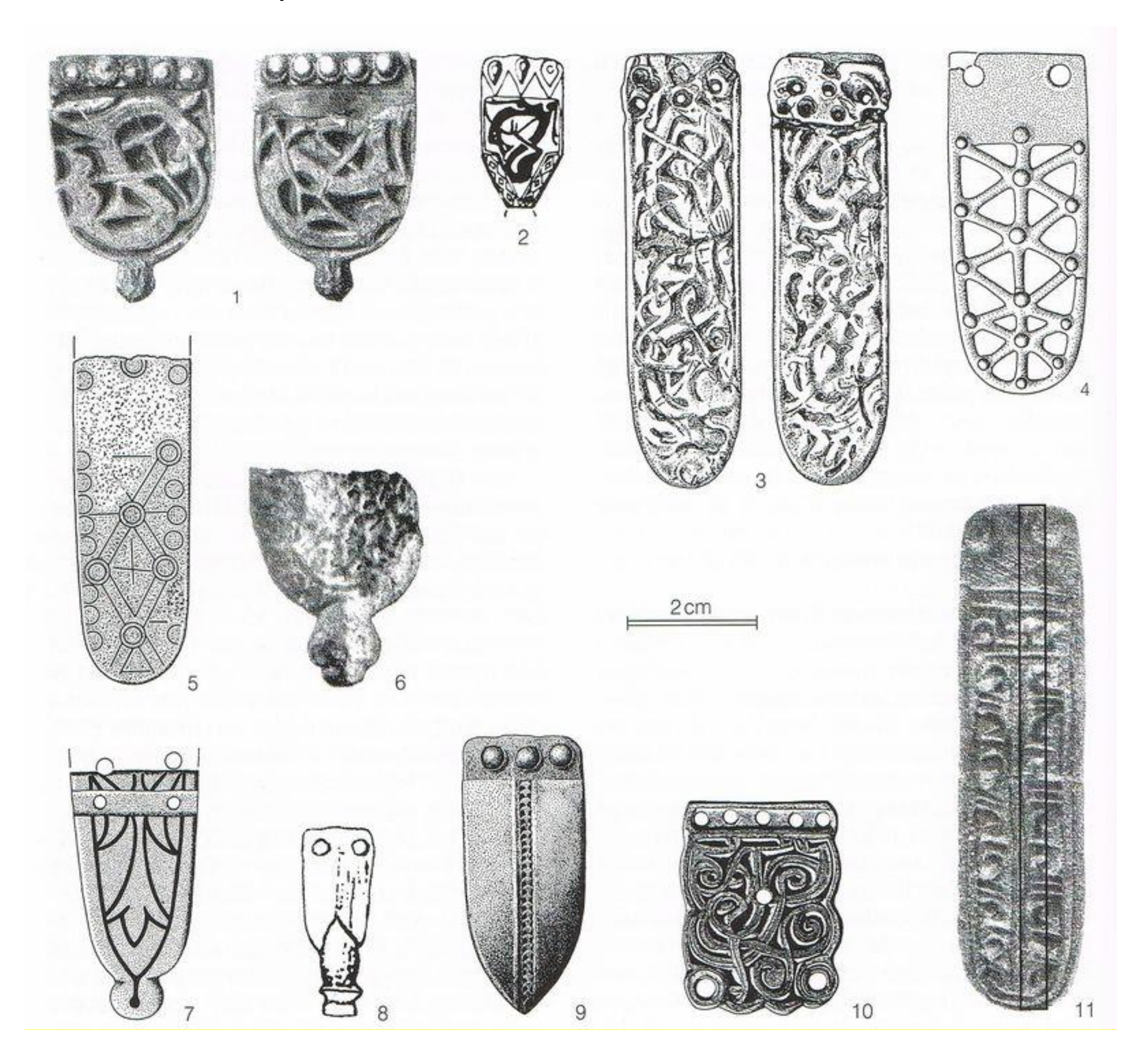

Рис. 4. Подборка находок изделий с англо-каролингской орнаментикой из славянских земель юго-восточной Балтики (по: Dulinicz 2006)

Показательно присутствие в Старгарде импортной западноевропейской керамики из Франкской империи исключительно в горизонте 2 (775-885 гг.). Речь идёт об осколках саксонских круглых горшков и фризско-франкских кувшинов Татингского типа. Исключительно в том же горизонте 2 встречается и особенный тип керамической посуды, названной Габриелем «изысканной ольденбургской

керамикой». Этот тип возник в Старигарде на основе местной фельдбергской керамики под влиянием орнаментировки франкских татингских кувшинов (Gabriel 1991: 136). «Изящная ольденбургская керамика» изготавливалась лишь недолгий период в IX веке, однако не исчезла бесследно. По мнению Мессаля, исследовавшего вильцскую крепость рядом с поселением Глинке, в восточной части земли Мекленбург-Передняя Померания, используя Ольденбургскую керамику в качестве примера, в IX веке местные гончары развили традиционную фельдбергскую керамику до новой, ещё более роскошной формы, названной им типом Глинке (Messal 2015: 84-95). Подобно «изящной ольденбургской», тип Глинке изготавливался лишь в этой единственной крепости, являясь наглядным примером заимствования элитной культуры по требованию и для нужд местной славянской знати.

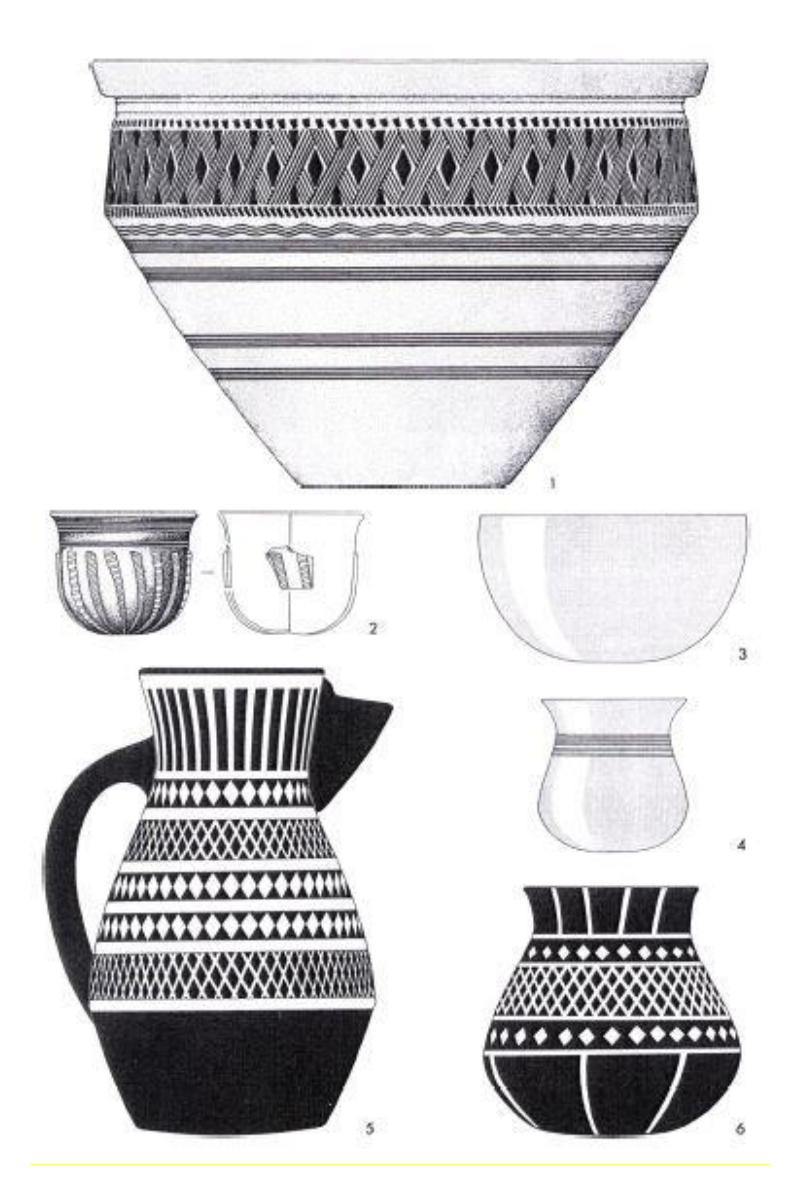

Рис. 5. Столовая керамика Каролингской эпохи (по: Gabriel 1991). 1.Ольденбургская изящная керамика; 2-4.Стеклянные бокалы из Ольденбурга; 5-6.Татингская керамика из Бирки

Наработки Братера можно дополнить крайне интересным материалом, найденным рядом с деревней Гросс Штрёмкендорф в Висмарской бухте, в районе расселения «восточных ободритов» или «ободритов в узком смысле». Основанное в первой половине VIII века, это древнеславянское поселение было типичным приморским эмпорием своего времени. В это время на южном побережье Балтики возникла целая цепь подобных торговых поселений (Росток-Дирков, Ральсвик на Рюгене, Менцлин на Пене, Волин), обеспечивавших торговлю местных жителей по морю со странами Скандинавии, Прибалтики, северной Руси и Восточной Европы. Обычными ремёслами здесь были обработка цветного металла, кузнечное и ювелирное дело, обработка стекла и производство бусин, обработка янтаря, кости и рога, включая производство гребней. В настоящее время ни у кого из немецких археологов уже нет сомнений в том, что в случае Гросс Штрёмкендорфского поселения речь идёт об историческом Рерике, разрушение которого описывается во Франкских анналах в 808 году.

Среди найденных в Гросс Штрёмкендорфе вещей бросается в глаза наиболее высокий процент присутствия западноевропейской керамики среди всех остальных эмпориев балтийских славян. Около 5,6% от общего числа находок составляет найденная здесь керамика типов Татинг, Бадорф, Маен, Вальберберг, саксонские и фризские типы (в том числе с примесью раковин и амфоры), а также меровингская чёрная керамика (Brorsson 2010: Tab. I). При этом половина этой импортной западноевропейской керамики была произведена в «центральном» для франкской империи Рейнском регионе. Другая половина приходится на типично фризские типы, в то время, как саксонские типы представлены всего 0,1%. Для сравнения, в Старигарде импортная западноевропейская керамика в тот же период представлена менее, чем 1%, а доля скандинавской керамики в Гросс Штрёмкендорфе составляет лишь 2,2%.

Едва ли произведённая на западе Франкской империи керамика завозилась на север с целью её дальнейшей продажи самой по себе. В славянских землях в то время была повсеместно было развито собственное керамическое производство, предоставлявшее широкий спектр продуктов разного качества и ценности, от простых и грубых горшков ручной лепки, до не уступаших западным образцам гончарных изделий и уже упомянутой выше эксклюзивной керамики для элит. Конкурировать с ними на рынке завозимые издалека товары того же качества едва ли могли. Скорее импортная керамика попадала из Франкской империи на юг Балтики вместе с купцами. Часть её могла применяться для перевозки самих товаров – как «экзотических», вроде вина или специй, так и самых банальных, вроде тех же стеклянных осколков или украшений. В раннем Средневековье керамические горшки изпользовались не только для готовки, но и для хранения многих вещей, к примеру, тех же монет (как это показывают клады). Каждый керамический сосуд мог иметь свою собственную историю и не обязательно в каждом случае указывать именно на германских купцов. Славянский купец, продавший во Фризии партию какого-нибудь банального товара, вроде зерна, сельди или рабов, мог возвратиться

назад с монетами во фризском сосуде, приобретённом на том же рынке или полученном вместе с монетами. Потому значительная доля импортной керамики говорит лишь об оживлённой торговле в Гросс Штрёмкендорфе по «западному торговому пути» (из Рейских областей, через Фризию). Из чего можно сделать вывод, что в конце VIII – начале IX вв. торговля с западной Германией представляла гораздо более значимое направление для местных купцов, чем во все последующие века, в которые западноевропейская керамика представлена лишь единичными находками на фоне сотен местных.

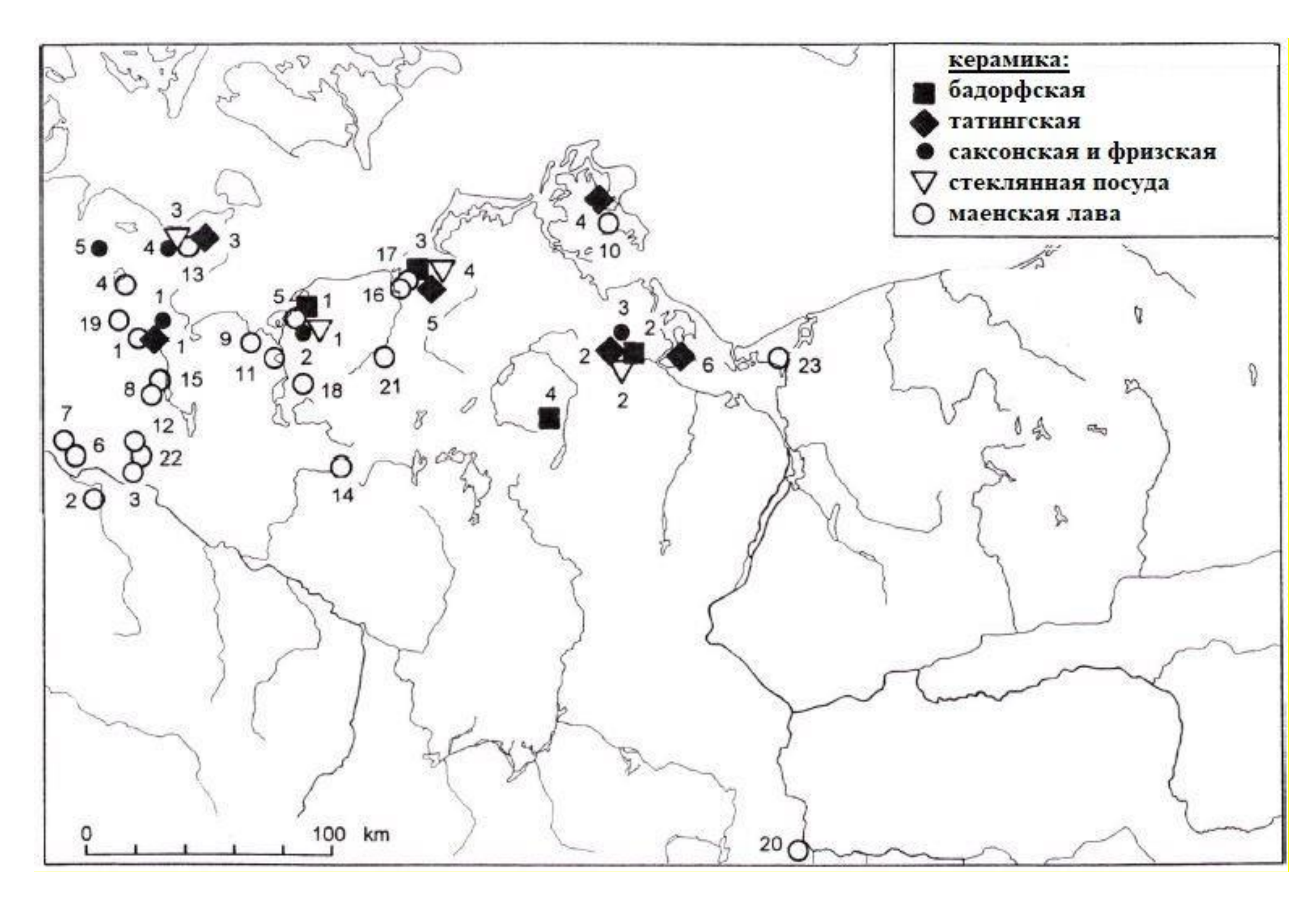

Рис. 6. Распространение импортной посуды и предметов быта (по: Brather 1996)

Исследовавший найденный в Гросс Штрёмкендорфе значительный материал стеклянных вещей Пёхе пришёл к выводу, что для местного производства бусин здесь использовались импортированные из центров изготовления стеклянной посуды заготовки. При несомненном западном происхождении подавляющего большинства стеклянных изделий, предполагается, что в Гросс Штрёмкендорф, как и в Скандинавию, они могли поступать по тому же «западному торговому пути» через Фризию из Рейнского региона или южной Англии (Pöche 2005: 204-205).

Этот же маршрут иллюстрируют и другие группы находок, таких как круглые медальоны из сплава цинка и свинца. В 2003 году было известно лишь 9 таких находок, 3 из которых приходятся на Гросс Штрёмкендорф. Остальные (кроме одной, у которой место находки неизвестно) найдены также в торговых центрах

Фризии, Вестфалии и Рейнского региона. Один медальон был найден во Фризии в захоронении VIII века, из чего прояснилось, что их носили как украшение на шее вместе со стеклянными бусами. Единственная форма для отливки таких медальонов найдена также в Гросс Штрёмкендорфе. На основании идентичности всех находок, археолог К. Берген предполагает, что производились они скорее именно здесь, в другие регионы попадая в процессе торговли (Bergen 2003). Действительно, эти подвески едва ли можно рассматривать как прямое указание на «рерикское» происхождение их носителей. Судя по тому, что Гросс Штрёмкендорф был в то время одним из крупнейших центров по производству стеклянных бус в регионе, здесь речь может идти уже об обратном примере – импорте украшений из ободритских земель во Франкскую империю.

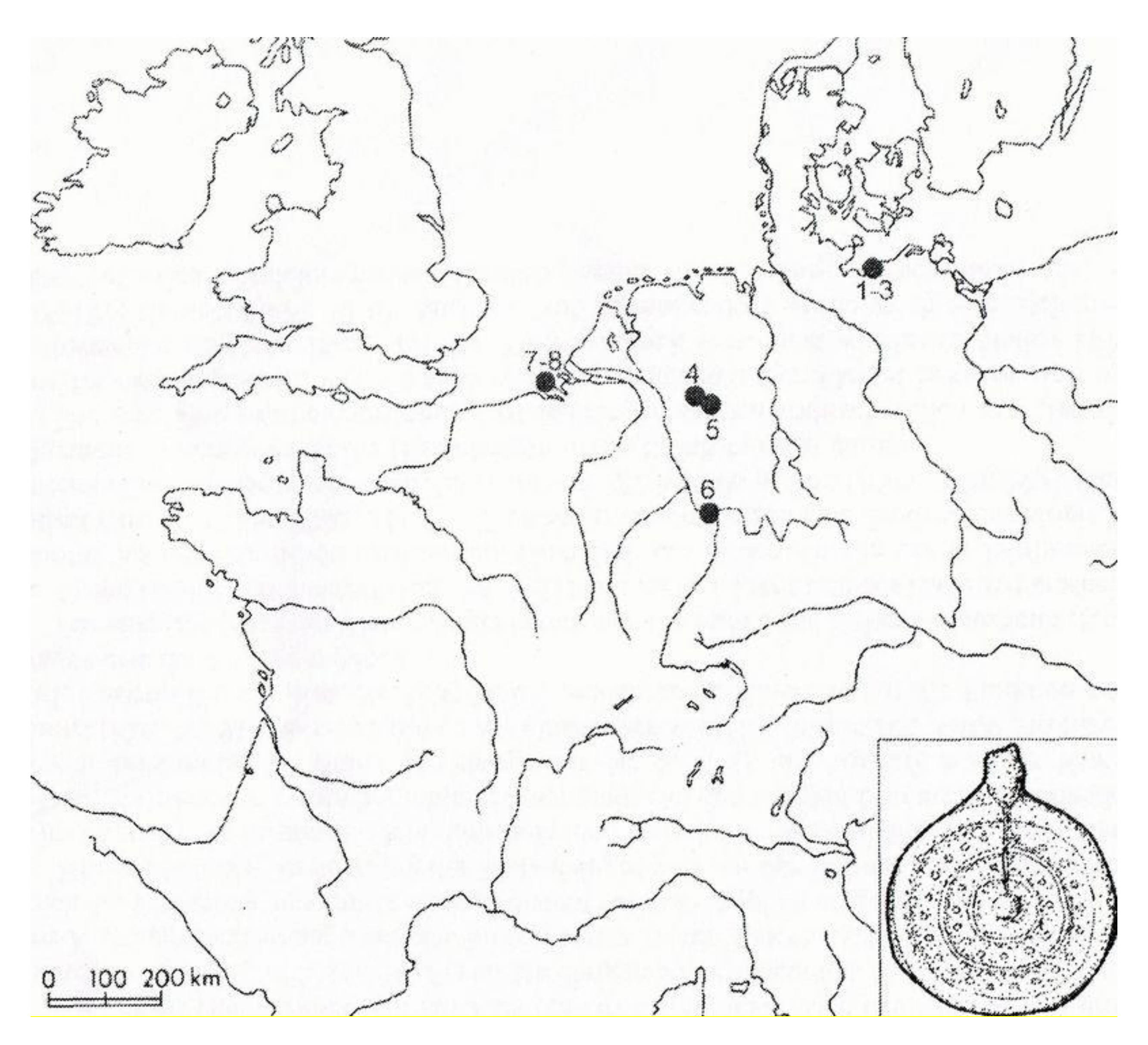

Рис. 7. Находки круглых подвесок «рерикского» типа в Западной Европе (по: Bergen 2003)

В качестве ещё одной связывающей Гросс Штрёмкендорф с саксонскими и фризскими областями на побережье Северного моря находки можно назвать меч типа Имменштедт, найденный в одном из лодочных захоронений. Саксонские регионы Вигмодия и Рустрингия входили в то время в зону ободритских интересов. Они помогали Карлу как в их завоевании, так и в усмирении тамошних метяжей. Достаточно неточные высказывания франкских источников относительно событий 804 года позволяют даже предполагать, что Вигмодия могла быть передана Дражко вместе с Нордальбингией после депортации саксов из обоих областей. Распространение мечей Имменштедского типа могло быть связано и с активностью фризских купцов.

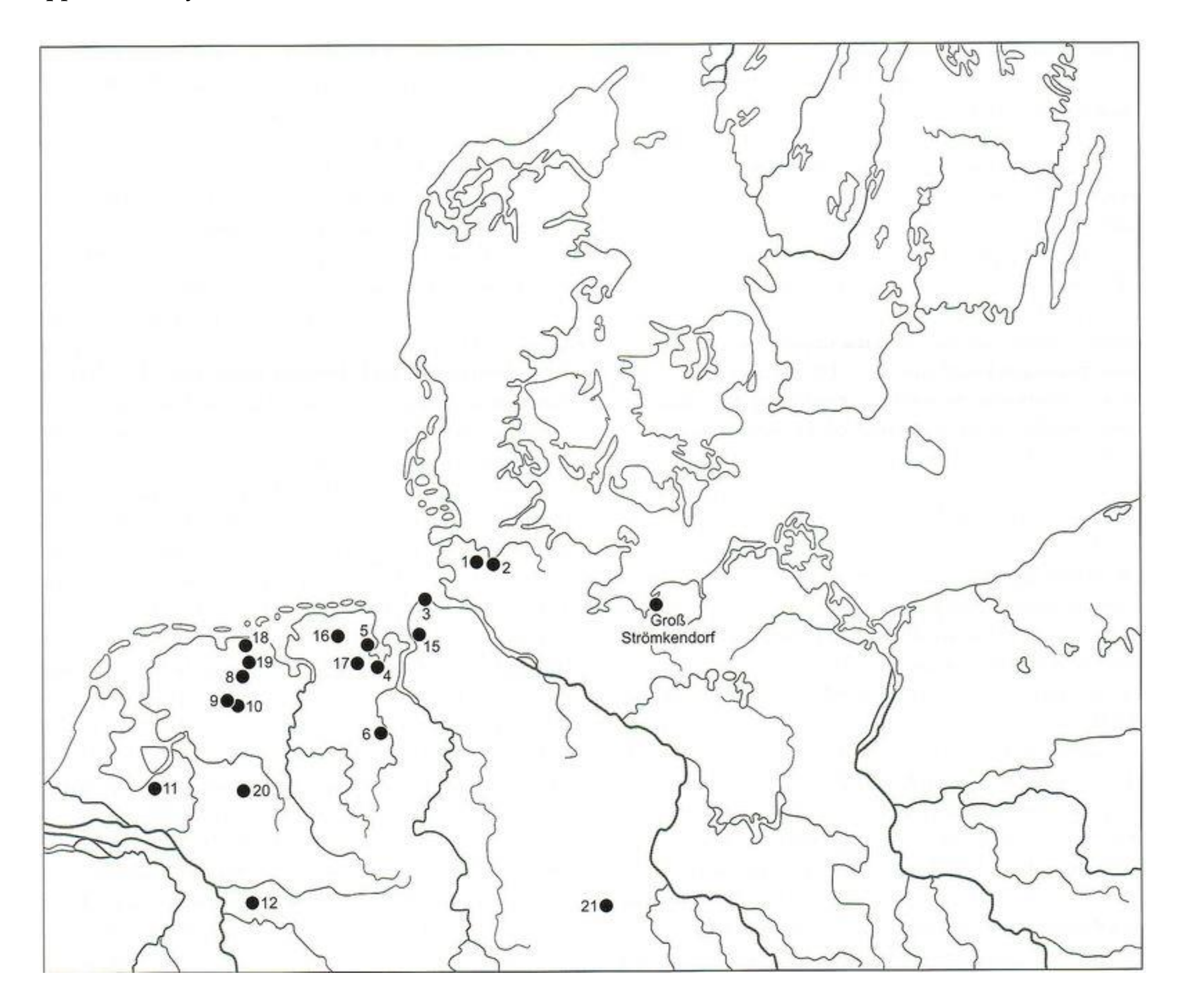

Рис. 8. Находки мечей типа Имменштедт

III. Духовная культура

По всей видимости, к ранней Каролингской эпохе может восходить и усвоение славянами таких элементов культуры франкской империи, как погребальный обряд знати. Внимание привлекает открытое в могильнике Гросс Штрёмкендорфа камерное захоронение, являющееся наиболее ранним из известных на южной Балтике. Камерные захоронения были широко распространены в Европе уже в первой половине первого тысячелетия н.э.. Однако в Скандинавии и на Британских островах традиция этого обряда прерывается в эпоху Великого переселения народов. В центральной Европе в это время обычай погребальных камер сохраняется по линии Альп и Дуная – древней границе Римского и «варварского» мира.

Очевидно, этот обряд должен был являться элементом ещё языческой культуры «варварских» племён на раннем этапе их романизации и христианизации. В южной части Германии, аллеманских и баварских землях, он был известен до VII века, после чего начинает «отступать» на север. В VII-VIII вв. камерные захоронения широко распространяются в Саксонии и появления этого обряда здесь определённо можно связать с франкским влиянием. К концу VIII века использование погребальных камер сохраняется в основном в самых северных областях Саксонии, в Нордальбингии, округе Гамбурга, Вигмодии и прилегающей части Фризии. Последние северо-саксонские захоронения датируются началом IX века.

Потому вполне обоснована аргументация Гердса о том, что в Гросс Штрёмкендорф этот погребальный обряд должен был попасть из северной Саксонии или Фризии (Gerds 2015: 88). Нельзя оставлять в стороне и то обстоятельство, что в последние годы существования Рерика ободритам принадлежала населённая саксами Нордальбингия (804-808/809 гг.). С точки зрения франкско-славянских связей эта находка также может оказаться крайне интересной.

На юге Балтики камерные захоронения были широко известны археологам и до находки в Гросс Штрёмкендорфе. Принадлежность их местным славянам не вызывает сомнения (Biermann 2009: 139-140). Однако до сих пор никому из исследователей пока не удавалось ответить на вопрос, откуда эта традиция здесь появилась. Точнее, вопрос состоял в том, откуда произошло её заимствование. Аргументировать независимое развитие, ввиду идентичности славянских камер саксонским и скандинавским, представляется непосильной задачей. Известные ранее южнобалтийские камерные захоронения были датированы X-XII вв. В этом контексте датируемая концом VIII – началом IX вв. находка из Рерика оказывается своеобразным «связующим звеном» между прекратившейся к началу IX века в северной Саксонии традицией и более поздними славянскими камерными захоронениями.

Археология Гросс Штрёмкендорфа позволяет проследить также и путь проникновения камерных захоронений в Данию. Прежде выдвигалась достаточно спорная гипотеза об их заимствовании из Швеции. Однако в самой Швеции основная масса камерных захоронений относится к X в. IX в. здесь датированы лишь

редкие камеры. В Дании же они впервые появляются в Хедебю во второй четверти IX века в виде камерного лодочного захоронения, и получают более широкое распространение в середине IX века. Учитывая, что в Рерике такой обряд практиковался незадолго до переселения его жителей в 808 г. в Хедебю, картина представляется достаточно наглядной. По всей видимости в конце VIII – начале IX вв. этот обряд из северной Саксонии или Фризии проник сначала в ободритские земли и отсюда – возможно даже посредством исторически известного переселения жителей Рерика – попадает в Хедебю (первая половина IX века), из которого распространяется далее по всей Дании и даже Швеции (конец IX – X вв.).

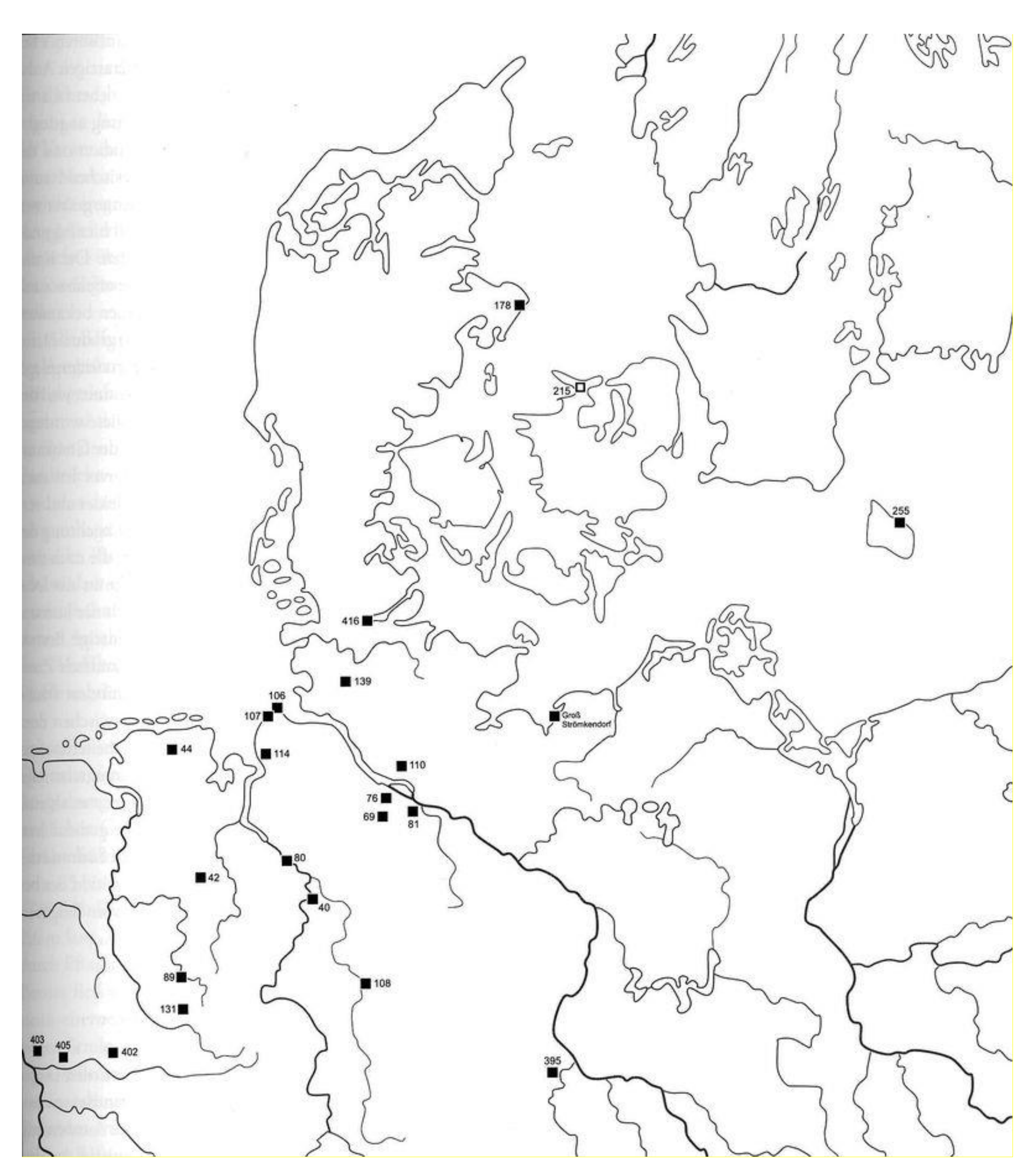

Рис. 9. Камерные захоронения VIII и IX вв.
в северной Германии и южной Скандинавии (по: Gerds 2015)

Рис. 10. Распространение камерных захоронений в контексте политичекого деления и исторических событий VIII-IX вв. (по: Gerds 2015 с добавлениями автора). Чёрный квадрат – находки камерных захоронений VIII-IX вв. (по: Gerds 2015); Красные цифры – датировки захоронений времён наибольшего сближения ободритов и франков и экспансии ободритов в Саксонию (конец VIII – начало IX века и позднее); Бардовая линия – границы королевства ободритов в начале IX века; Красная линия – исторически известное переселение жителей Рерика в Хедебю в 808 году; Зелёная штриховка – колонизированная славянами часть исторической Саксонии с преобладающим славянским населением в VIII-IX вв.; Серая штриховка – северные провинции Саксонии, входившие в конце VIII – начале IX вв. в сферу влияния и интересов ободритского королевства

Видеть в камерных захоронениях в приграничных с северной Саксонией славянских и датских землях VIII-IX вв. захоронения исключительно самих саксонцев было бы грубым упрощением. Необходимо учитывать, что исходной точкой, из которого эта традиция распространялась со второй трети IX века по Скандинавии, был регион смешения саксонской, датской и славянской культур между Рериком и Хедебю. В археологических находках обоих эмпориев того времени отчётливо и в значительных долях присутствуют элементы культур всех трёх народов. Именно в

это время здесь начала складываться уникальная мультиэтническая циркумбалтийская культура. Принадлежность к ней была не отхождением аутентичных традиций регионов, а показателем высокого купеческого статуса. На распространение обряда камерных захоронений в северной и центральной Европе повлияло сразу оба описанных выше фактора: заимствование «западной» (римской/франкской/христианской/саксонской) придворной культуры «варварскими» (саксонскими, славянскими, скандинавскими) элитами и сложение мульти-этнической циркумбалтийской купеческой культуры.

IV. *Лингвистические заимствования эпохи Карла Великого*

Известно, что культурный обмен часто сопровождается и лингвистическими заимствованиями. В таких случаях заимствуются названия не только для технических, но и для культурных новшеств. О том, насколько велико было франкское влияние на славян в эпоху Карла Великого можно судить уже по общеславянскому заимствованию его имени в качестве названия верховного правителя «король». Вторым таким общеславянским заимствованием могло быть слово «броня» в качестве обозначения средневековых металлических доспехов.

К 805 году относится указ Карла Великого, в историографии известный как уже упоминавшийся выше «Диденхоффский капитулярий» (Duplex capitulare missorum in Theodonis villa datum). Помимо прочего там содержится запрет на продажу arma (оружие) и bronias (броня) славянам в приграничных с ними городах. Из этого можно заключить, что ранее торговля обоими товарами должна была быть весьма оживлённой.

Несмотря на то, что предположение Брюкнера о заимствовании названия «брони» из германского в контексте этой торговли времён Карла Великого не было поддержано другими лингвистами, с исторической точки зрения оно кажется отнюдь не лишённым оснований. Можно отметить, что автор Диденхоффского капитулярия не смог или не стал переводить brunias на латынь, в то время как нападательное оружие он перевёл словом латинским словом arma. Вполне естественно, что в торговом обороте франков и славянами использовались местные германские названия оружия. Для одного из них книжник просто не сумел подобрать латинского перевода. И если в то время в славянские диалекты действительно был заимствован термин «броня», то естественным было бы и заимствование одновременно и других германских названий для наступательных вооружений.

В частности, стоит обратить внимание на то, что общеславянское слово древнеславянское слово *mečь (меч) в дравенополабском было заменено на Warow, Warang. Издатель словаря дравено-полабского языка славист Р. Олеш объяснял эти слова, как заимствование из средненижненемецкого Were – «оружие» (Olesch 1984: 1359). Однако известный в дравено-полабском языке ряд однокоренных слов явно указывает на то, что изначальным семантическим смыслом «варанга» было не

«оружие» вообще, а конкретно колюще-рубящее оружие: Warang, Warow (меч), Waro (шпага). В предполагаемый Олешем период (XIV-XVI вв.) в регионе контакта дравенополабов с немцами, в немецком языке помимо общего обозначения для оружия Were употреблялись и более специфические слова Degen («шпага, меч, колющее наступательное оружие») и Schwert («мечь»). Заимствование не этих, семантически гораздо более близких терминов, а отдалённого Were, в этой связи кажется несколько странным.

Само средневерхненемецкое Were («оружие») развилось из более древних древневерхненемецких форм:

- Weri («оружие»), X-XII вв.

- Werida («мечь, копьё, франкская пика»), первая треть IX века.

Таким образом семантически наиболее близкой к дравено-полабскому Warang, Warow оказывается форма, восходящая к первой трети IX века (O´Sullivan 2013: 290-291) – как раз времени создания Диденхоффского капитулярия. Можно указать и на ещё одно любопытное совпадение. Регионы «Дравен» и «Гановерский Вендланд», где было записано дравено-полабское Warang, находятся как раз в районе одного или даже двух исторических городов, в которых в 805 году была запрещена торговля со славянами этим самым arma-Werida. На западе район исторического проживания славян – предков дравено-полабов доходил до города Бардовик, а на востоке до крепости Мечов, в которой археолог Шнеевайс подозревает другой упоминаемый в Диденхоффском капитулярии город Шезла.

Другими словами, заимствование Warang сохранилось у прямых потомков того самого приграничного славянского населения, с которым до 805 года франки и саксы вели торговлю оружием и семантически это заимствование наиболее соответствует древневерненемецкой форме именно первой трети IX века. Принимается, что славяне заселили местность Гановерского Вендланда в VII веке. С собой они должны были принести и знание славянского «меч», восходящего к праславянской древности. Любопытно, что косвенно на это может указывать и славянский топоним Мечов (нем. Metschow), всего в нескольких км от франкской крепости Хохбуки.

Особого противоречия это обстоятельство не представляет, ведь именно для регионов тесных немецко-славянских контактов было свойственно двуязычие и смешанная славянско-немецкая топонимика (немецкая основа со славянским словообразованием или наоборот, славянская основа с германским словообразованием). Кроме того, в Средние века район крепости Мечов был не только зоной славянско-германских контактов, но и границей Франкской империи одновременно с ободритами и вильцами. Начиная от находившейся по другую сторону Эльбы линонской столицы Ленцен, начинались земли вильцев. Западнее крепости Ленцен начиналось королевство ободритов.

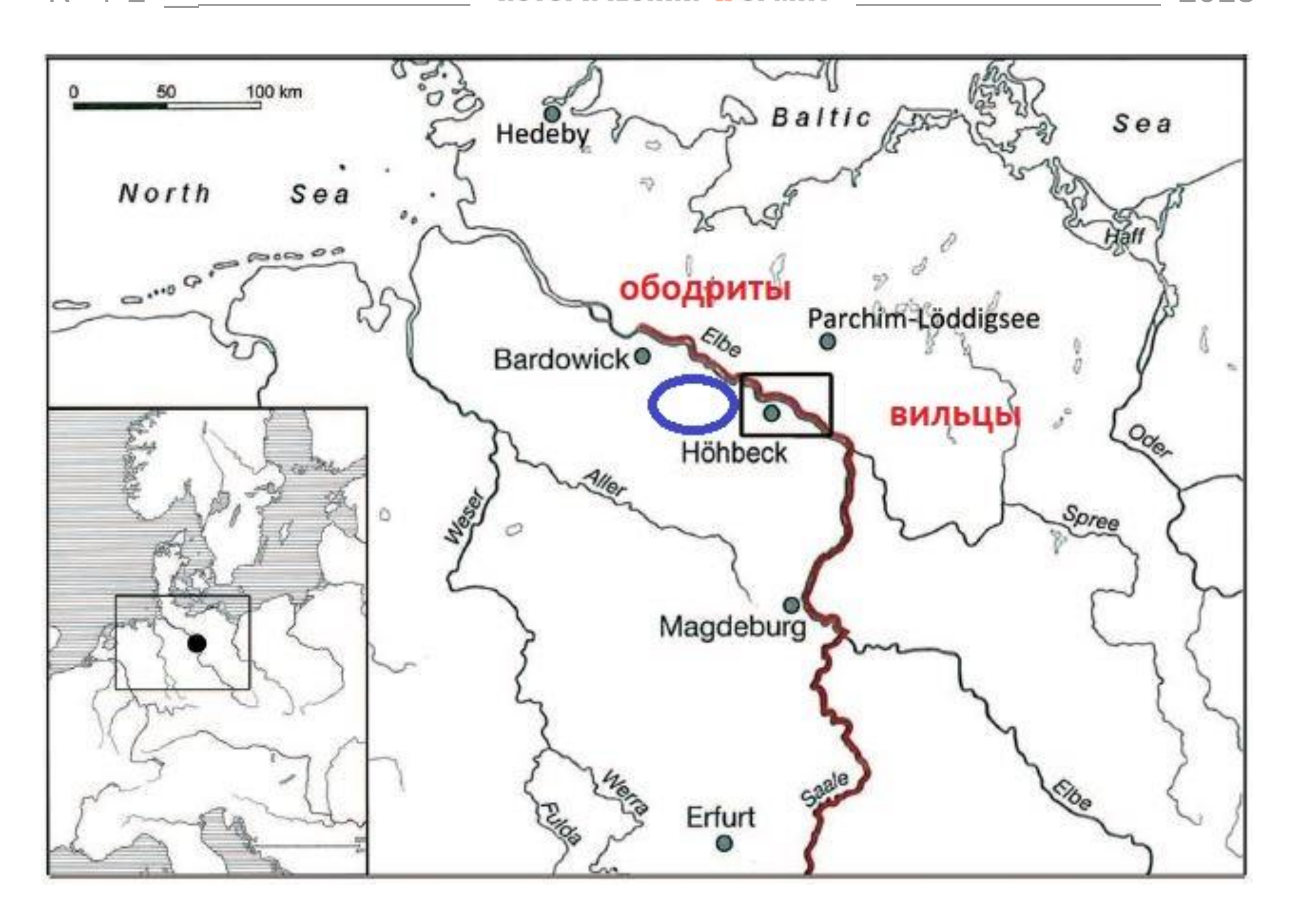

Рис. 11. Граница франков и славян в IX века (по: Schneeweiss 2013 с добавлениями автора). Красная линия – граница по реке Эльба; Зелёный кружок – приграничные крепости – торговые центры IX века; Bardowick, Höhbeck, Magdeburg, Erfurt – упомянутые в Диденхоффском капитулярии франкские крепости, продававшие славянам оружие; Синий овал – исторические области носителей дравено-полабского языка Дравен и Ганноверский Вендланд, в которых в VIII-IX вв. преобладало славянское население.

Славянское «меч» было заменено германским «варанг» лишь в части полабских диалектов, в то время как в диалекте, например, родственных вильцам линонов заимствования не произошло. Если же активно отстаиваемая Шнеевайсом в 2010-х гг. (на основании археологического материала) гипотеза о тождестве Мечова и Шезлы верна, то в дискуссии в качестве аргумента можно включить и сам топоним. Семантически полабское «Мечов» крайне удачно подходит для славянского названия франкского торгового поселения, где славяне покупали эти самые мечи у франков. Безотносительно вопроса о времени заимствования «варанг» в дравенополабский, этот топоним можно рассматривать как возможный лингвистический след той самой торговли мечами времён Карла Великого.

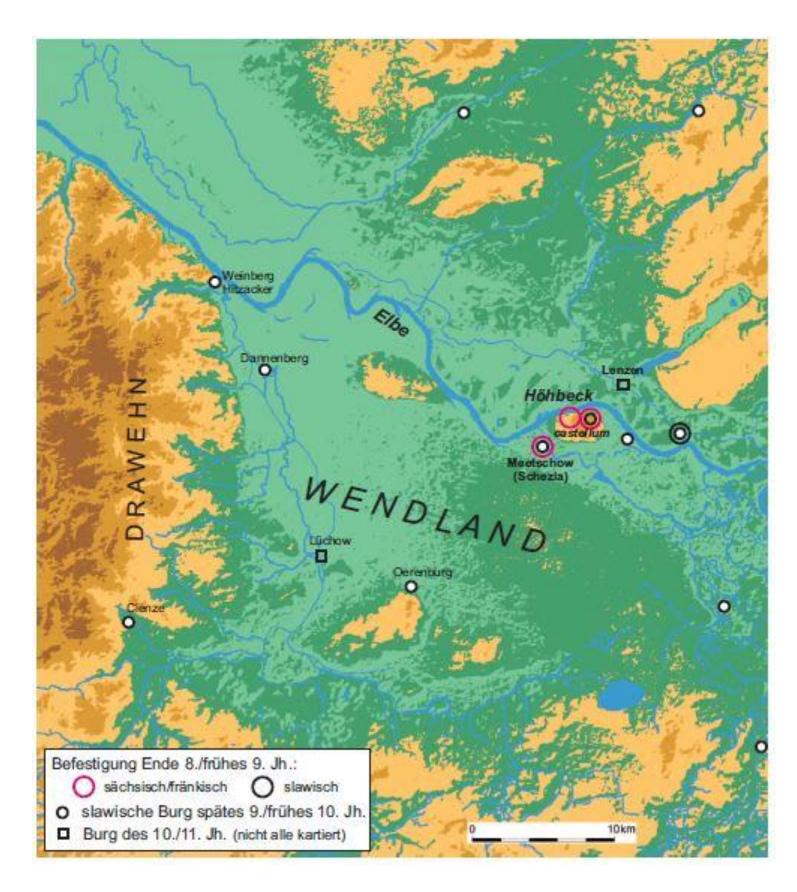

Рис. 12. Крепости VIII-IX вв. в районах Дравен и Ганноверский Вендланд (по: Schneeweiss 2013). Белый кружок – славянская крепость VIII-IX вв.; Красный кружок – саксонкая/франкская крепость VIII-IX вв.; Квадрат – крепость X-XI вв.

ЛИТЕРАТУРА

Annales Laureshamenses 1826 - Annales Laureshamenses // Fragmentum annalium Chesnii. Monumenta Germaniae Historica. SS. Hannover: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826.

Annales Mettenses priores 1905 - Annales Mettenses priores // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover & Leipzig, 1905.

Annales Regni Francorum 1895 - Annales Regni Francorum // Monumenta Germaniae Historia. SSG in us. schol. Hannover, 1895.

Bergen 2003 - *Bergen C.* Runde Bleianhänger aus Groß Strömkendorf bei Wismar // Die Kunde: Zeitschrift für niedersächsische Archäologie. Bd. 54. Hannover: Niedersächsischer Landesverein für Urgeschichte, 2003.

Biermann 2009 - *Biermann F.* Bootsgrab-Brandgrab-Kammergrab. Die slawischen Gräberfelder von Usedom im Kontext der früh- und hochmittelalterlichen Bestattungssitten in Mecklenburg und Pommern. Leidorf, 2009.

Brather 1996 - *Brather S.* Merowinger- und karolingerzeitliches «Fremdgut» bei den Nordwestslawen. Gebrauchsgut und Elitenkultur im südwestlichen Ostseeraum // Prähistorische Zeitschrift. Band 71. Walter de Gruyter. Berlin; New York, 1996.

Brorsson 2010 - *Brorsson T.* The pottery from the early medieval trading site and cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg. Wiesbaden, 2010.

Continuationes chronicarum 1888 - Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii // Monumenta Germaniae Historica. SRM. T. I. Hannover, 1888.

Dulinicz 2006 - *Dulinicz M.* Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weichsel und Elbe. Neumünster: Wachholtz, 2006.

Duplex capitulare missorum 1883 - Duplex capitulare missorum in Theodonis villa datum // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regni Francorum 1. Hannover, 1883. Nr. 43-44. S. 120-126.

Einhard 1911 - Einhardi Vita Karoli Magni // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi 25. Hahn, sechste Aufl. Hannover, 1911.

Gabriel 1991 - *Gabriel I.* Hofkultur, Heerwesen, Burghandwerk, Hauswirtschaft // Müller-Wille M. (Hrgs.) Strarigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des früheren Mittelalters in Ostholstein. Wachholtz Verlag Neumünster, 1991.

Gerds 2015 - *Gerds M.* Das Gräberfeld des frühmittelalterlichen Seehandelsplatzes von Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg. Reichert Verlag Wiesbaden, 2015.

Herrmann 1979 - *Herrmann J.* Der Beitrag der Archäologie zur Geschichte der Beziehungen zwischen fränkischen Reich und nordwestslawischen Stämmen // Prace i mat. muz. Ser. arch. 25. Lodz, 1979.

Messal 2015 - *Messal S.* Glienke: eine slawische Burg des 9. und 10. Jahrhunderts im östlichen Mecklenburg. Reichert Verlag Wiesbaden, 2015.

Olesch 1984 - *Olesch R.* Thesaurus linguae dravaenopolabicae. T. 3. Köln [u.a.]: Böhlau, 1984.

O´Sullivan 2013 - *O´Sullivan.* Waffenbezeichnung in althochdeutschen Glossen. Akademie Verlag. Berlin, 2013.

Pöche 2005 - *Pöche A.* Perlen, Trichtergläser, Tesserae. Spuren des Glashandels und Glashandwerks auf dem frühgeschichtlichen Handelsplatz von Gross Strömkendorf. Schwerin, 2005.

Schneeweiss 2013 - *Schneeweiss J.* Münz- und Gewichtsgeldwirtschaft an der westlichen Peripherie der slawischen Welt // Economies, monetisation and society in the West Slavic lands 800-1200 AD. Szczecin: Wydawn. Instytutu Archeologii i Etnologii PAN, 2013.

Wachowski 1992 - *Wachowski K.* Kultura karolinska a Slowianszczyczna zachodnia // Studia arch. 23. Wroclaw, 1992.

Zak 1979 - *Zak J.* Frankijskie elementy kulturowe w kulturze protopolskiej (V/VI-IX w.) // Pomorania ant. 1979.

REFERENCES

Annales Laureshamenses 1826 - Annales Laureshamenses [Annals of Lorsch], in: Fragmentum annalium Chesnii [Part of annalium Chesnii], Monumenta Germaniae Historica. SS, Hannover, Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani Publ., 1826 [in Latin].

Annales Mettenses priores 1905 - Annales Mettenses priores [Annals of Metz], in: Monumenta Germaniae Historica, Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum, Hannover & Leipzig, 1905 [in Latin].

Annales Regni Francorum 1895 - Annales Regni Francorum [Annals of the Frankish empire], in: Monumenta Germaniae Historia, SSG in us. schol., Hannover, 1895 [in Latin].

Bergen 2003 - *Bergen C.* Runde Bleianhänger aus Groß Strömkendorf bei Wismar [Round lead suspension bracket from Groß Strömkendorf about Wismar], in: Die Kunde: Zeitschrift für niedersächsische Archäologie. Bd. 54 [The magazine on archeology of Lower Saxony. Volume 54], Hannover, Niedersächsischer Landesverein für Urgeschichte Publ., 2003 [in German].

Biermann 2009 - *Biermann F.* Bootsgrab-Brandgrab-Kammergrab. Die slawischen Gräberfelder von Usedom im Kontext der früh- und hochmittelalterlichen Bestattungssitten in Mecklenburg und Pommern [Boots grave-Fire grave-Chamber grave. The Slavic Cemesty of Usedom in the context of early and high medieval burial customs in Mecklenburg and Vorpommern], Leidorf, 2009 [in German].

Brather 1996 - *Brather S.* Merowinger- und karolingerzeitliches «Fremdgut» bei den Nordwestslawen. Gebrauchsgut und Elitenkultur im südwestlichen Ostseeraum [Merovingian and Carolingian Imports in the Lands of northwestern Slavs. Commodity and elite culture in the southwestern Baltic region], in: Prähistorische Zeitschrift. Band 71 [Prehistoric magazine. Release 71], Walter de Gruyter, Berlin; New York, 1996 [in German].

Brorsson 2010 - *Brorsson T.* The pottery from the early medieval trading site and cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg, Wiesbaden, 2010 [in English].

Continuationes chronicarum 1888 - Continuationes chronicarum quae dicuntur Fredegarii [Continuationes of the Chronicle of Fredegar], in: Monumenta Germaniae Historica, SRM, T. I, Hannover, 1888 [in Latin].

Dulinicz 2006 - *Dulinicz M.* Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weichsel und Elbe [Early Slavs in the area between the lower Vistula and Elba], Neumünster, Wachholtz Publ., 2006 [in German].

Duplex capitulare missorum 1883 - Duplex capitulare missorum in Theodonis villa datum [Double capitulare of Diedenhofen/Thionville], in: Monumenta Germaniae Historica, Capitularia regni Francorum 1, Hannover, 1883, Nr. 43-44, pp. 120-126 [in Latin].

Einhard 1911 - Einhardi Vita Karoli Magni [Life of Charles the Great], in: Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi 25, Hahn, sechste Aufl, Hannover, 1911 [in Latin].

Gabriel 1991 - *Gabriel I.* Hofkultur, Heerwesen, Burghandwerk, Hauswirtschaft [Court culture, army, castle craft, housekeeping], in: Müller-Wille M. (Hrgs.) Strarigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des früheren Mittelalters in Ostholstein [Starigard/Oldenburg. A Slavic ruling seat of the early Middle Ages in Ostholstein], Wachholtz Verlag Neumünster, 1991 [in German].

Gerds 2015 - *Gerds M.* Das Gräberfeld des frühmittelalterlichen Seehandelsplatzes von Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg [The cemetery of the early medieval emporis of Gross Stroemkendorf Lkr. Nordwestmecklenburg], Reichert Verlag Wiesbaden, 2015 [in German].

Herrmann 1979 - *Herrmann J.* Der Beitrag der Archäologie zur Geschichte der Beziehungen zwischen fränkischen Reich und nordwestslawischen Stämmen [The contribution of archeology to history of Relations between Frankish empire and the West Slavs], in: Prace i mat. muz. Ser. arch. 25 [Works and materials on archeology. Release 25], Lodz, 1979 [in German].

Messal 2015 - *Messal S.* Glienke: eine slawische Burg des 9. und 10. Jahrhunderts im östlichen Mecklenburg [Glienke: a Slavic castle of the 9th and 10th centuries in eastern Mecklenburg], Reichert Verlag Wiesbaden, 2015 [in German].

Olesch 1984 - *Olesch R.* Thesaurus linguae dravaenopolabicae. T. 3 [Dravänopolabic Languages. Volume 3], Köln [u.a.]: Böhlau Publ., 1984 [in German].

O´Sullivan 2013 - *O´Sullivan.* Waffenbezeichnung in althochdeutschen Glossen [Weapons name in the old Geman glosses], Akademie Verlag, Berlin, 2013 [in German].

Pöche 2005 - *Pöche A.* Perlen, Trichtergläser, Tesserae. Spuren des Glashandels und Glashandwerks auf dem frühgeschichtlichen Handelsplatz von Gross Strömkendorf [Beads, funnel glasses, Tesserae. Traces of glass trading and glass crafts on the early historic trading venue of Gross Strömkendorf], Schwerin, 2005 [in German].

Schneeweiss 2013 - *Schneeweiss J.* Münz- und Gewichtsgeldwirtschaft an der westlichen Peripherie der slawischen Welt [Weight money economy on the western periphery of the Slavic world], in: Economies, monetisation and society in the West Slavic lands 800-1200 AD, Szczecin, Wydawn. Instytutu Archeologii i Etnologii PAN Publ., 2013 [in German].

Wachowski 1992 - *Wachowski K.* Kultura karolinska a Slowianszczyczna zachodnia [The Culture of Carolings and the West Slavs], in: Studia arch. 23 [Researches on archeology. 23], Wroclaw, 1992 [in Polish].

Zak 1979 - *Zak J.* Frankijskie elementy kulturowe w kulturze protopolskiej (V/VI-IX w.) [Frankian cultural elements in the Pre-polish culture], in: Pomorania ant. [Pomor antiquities], 1979 [in Polish].

Пауль Андрей – Историк, общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Любек, Германия).
Andreas Paul – Historian, public and scientific project
«The Russian-German Historical Seminar» (Lübeck, Germany).
E-mail: andrej.paul@gmx.de

УДК 94 (367)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРИБАЛТИЙСКОЙ РУСИ

М.Л. Серяков
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
SPIN-код: 9567-6080
e-mail: mikhail-serjakv@rambler.ru

Авторское резюме
В статье рассматриваются сообщения опроживающих в Прибалтике русах в «Деяниях данов» СаксонаГрамматика и анализируется степень их достоверности. Путем их сопоставления с другими независимыми данными показывается, что русы действительно в древности проживали в Прибалтике, а соответствующие известия датского хрониста могут быть датированы I тыс. до н.э. – V в. н.э.
Ключевые слова: происхождение Руси, история Прибалтики, история Дании, Саксон Грамматик.

HISTORICAL DATA ON THE BALTIC RUS

Mikhail Seryakov
Independent researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: mikhail-serjakv@rambler.ru

Abstract
The author reviews accounts of the Rus inhabiting the Baltic Sea region, in the Acts of the Danes by Saxo Grammaticus and assesses their credibility by verifying the accounts against other independent sources. The author has shown that the Rus truly lived in the Baltic in antiquity, and the corresponding accounts of the Danish chronicler can be dated to the 1st millennium BC – AD 5th century.
Keywords: origin of the Rus, history of Baltic Slavs, history of the Danes, Saxo Grammaticus.

* * *

Одним из важнейших источников о происхождении нашего народа и возникновении у него государственности является «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), без использования которой не обходится ни один научный труд, затрагивающий эти вопросы. Однако есть еще один источник, созданный в ту же самую эпоху, что и отечественная летопись, и упоминающий отдельные события даже не из древней, а из древнейшей истории Руси, к сожалению, недостаточно используемый в современной историографии. Речь идет о «Деяниях данов» Саксона Грамматика (1140 – ок. 1208 г.). Свое произведение (рис. 1) датский хронист довел до 1185 г. Таким образом, его труд практически синхронен отечественной ПВЛ и должен рассматриваться как важный исторический источник. В отличие от

древнерусской летописи в хронике Саксона Грамматика отсутствует годовая сетка, что затрудняет датировку описанных в ней событий. С другой стороны, если народные предания были помещены автором ПВЛ в сравнительно небольшую недатированную часть, то древние скандинавские сказания занимают в «Деяниях данов» целых девять первых книг этого труда. Кроме того хроника Саксона Грамматика не подвергалась такому количеству редактирований как отечественная летопись.

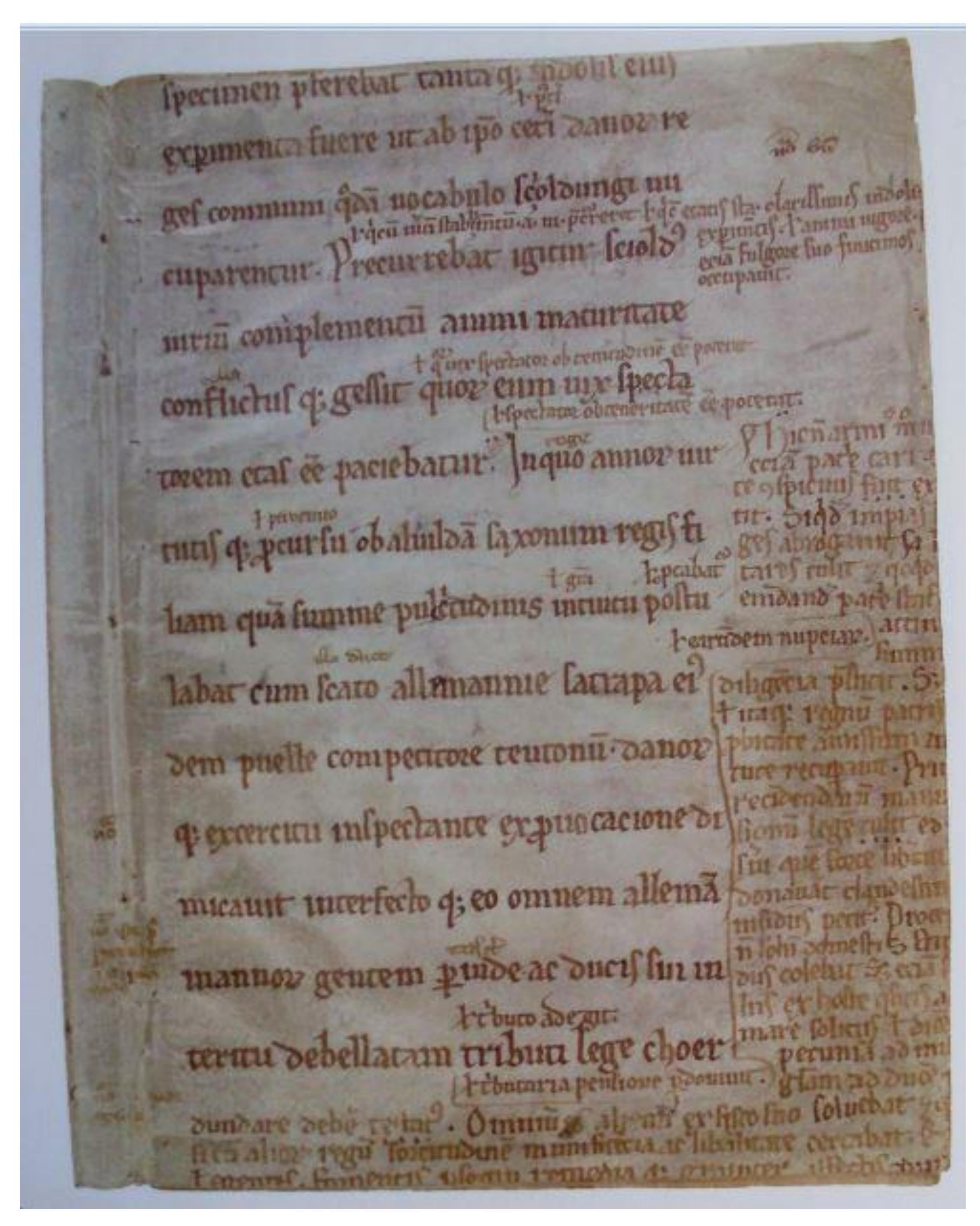

Рис. 1. Лист хроники Саксона Грамматика «Деяния данов»

Все это должно было привлечь внимание отечественных историков к труду датского хрониста. О нем упоминал В.Н. Татищев (Татищев 1962: 219), первый отечественный историк в современном смысле слова. Но уже один из первых норманистов А.Л. Шлецер категорически отверг скандинавские саги, назвав их сказками и глупыми выдумками. Самого Саксона он в привычной для себя манере безапелляционно обвинил в том, что именно он начал грубо выдумывать и лгать первым, а труд его назвал бредом (Шлецер 1809: 52-54). Ему вторил и Н.М. Карамзин: «Саксон Грамматик выдумывал…» (Карамзин 1818: 48. Примеч. 106). Совокупный авторитет А.Л. Шлецера и Н.М. Карамзина был весьма велик и отрицательное отношение к «Деяниям данов» прочно укоренилось в отечественной историографии.

Насколько же справедливы эти обвинения против Саксона Грамматика? Выдающийся французский исследователь индоевропейской мифологии Ж. Дюмезиль рассматривал изложенную в «Деяниях данов» историю героя Старкада в качестве скандинавского мифа, отмечая параллели к нему в ведийской и греческой мифологии (Dumézil 1956). Сравнивая между собой различные источники о поездках скандинавов на крайний север, К. Тиандер констатировал: «Приходится сознаться, что ни у Альфреда, ни у Снорри, ни в сагах мы не находим столько характерных примет арктической природы, как в вышеприведенных местах у Саксона» (Тиандер 1906: 319). Проанализировавший упоминания Саксона Грамматика о балтах современный историк Т. Баранаускас пришел к выводу, что его произведение содержит несколько уникальных известий по древнейшей истории жителей Восточной Прибалтики. Хоть на эту информацию нельзя положиться без оговорок, так как историческая действительность в ней искажена, переплетена с фантазией и элементами мифологии, однако рассказанные Саксоном легенды имеют историческую основу (Baranauskas 2004: 63–79). Эти примеры из независимых друг от друга сфер мифологии, географических представлений и истории показывают, что в основе «Деяний данов» лежал не личный вымысел Саксона Грамматика, а, учитывая реалии той эпохи, совершенно иной источник – скандинавские саги, данные которых он обобщил.

Рассмотрим некоторые ранние известия о Руси в «Деяниях данов». Впервые русы упоминаются в связи с походом на восток датского короля Фротона I. Напав сначала на куршей, даны двинулись затем на Траннона, правителя народа рутенов (Trannonem Rutene gentis tyrannum). Уже первый фрагмент датского историка помещает рутенов-русов где-то по соседству с куршами – балтским племенем, жившем на западном побережье современной Латвии (рис. 2). С помощью военной хитрости Фротон ночью потопил их флот. «После этой победы над рутенами Фротон возвратился в отечество. Затем он направил послов на Русь (in Rusciam) для взимания дани. Но вероломные жители жестоко перебили послов». Возмущенный этим Фротон осадил город Роталу. Взяв его, он направил войско к городу Палтиске (Paltiscam). Убедившись, что силой город не взять, датский король захватил его с помощью хитрости. Затем Русь упоминается в связи с описанием войны с гуннами.

За то, что датский конунг Фротон III развелся с дочерью царя гуннов, последний заключил союз с королем восточной страны Олимаром. Готовясь к войне, Фротон III набирает свое войско из данов, норвежцев и соседних славян. Его советник Эрик обнаружил флот Олимара недалеко от Руси (Ruscia), в то время как царь гуннов вел сухопутное войско. Рассказывая королю об увиденном, Эрик говорит, что видел шесть королей, каждого со своим флотом, и каждый из этих флотов состоит из пяти тысяч кораблей, а на каждом корабле находится триста гребцов. В грандиозной морской битве Фротон III разбивает флот Олимара. «Было замечено, что корабли рутенов сбились с порядка и плохо управляются из-за высокого расположения гребцов. К тому же большое количество сил не принесло им пользу. В самом деле, хотя численность рутенов была необычно велика, они отличались более числом, чем доблестью, и уступили победу крепкому меньшинству данов. Когда Фротон захотел вернуться назад в свое отечество, он пережил неслыханные препятствия на своем пути. Весь залив моря был покрыт многочисленными телами убитых», которых было столь много, что они мешали данам уплыть. В результате этой битвы пали «все короли рутенов, кроме Олимара и Даго».

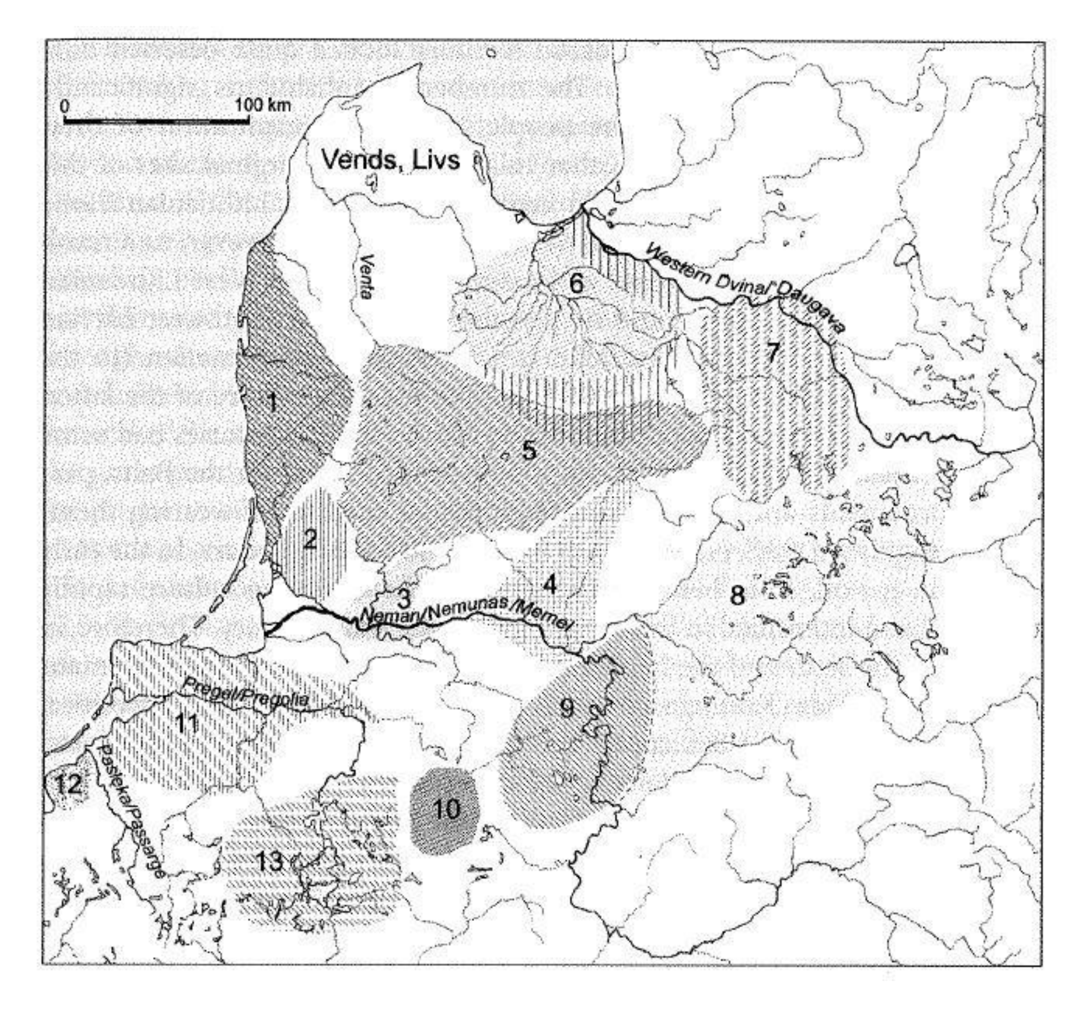

Рис. 2. Племена средневековой Прибалтики.
Цифрой 1 на карте обозначены курши (Bliujiene 2011)

Побежденным племенам Фротон III установил законы, касающиеся погребения павших в этой войне, оплаты воинов и правил заключения брака. После этой морской победы за Фротоном III следовало тридцать королей. Поскольку содержание собранного войска становилось все труднее, часть этих вассальных правителей датский король отправил собирать провиант в Норвегию, на Оркады и в Швецию, причем в последнюю был послан Олимар. При выполнении этого поручения он победил там не только трех местных королей, но покорил Эстонию, Курляндию и Финляндию. Победив в грандиозной битве короля гуннов и сто семьдесят служивших ему королей, Фротона III распределил подвластные ему земли между покорившемуся ему правителями. Олимара он назначил в Холмгардию, Онева – в Коногардию, Дагу поручил управление эстами, а остальных королей назначил в Саксонию, Швецию, Лапландию и Оркадские острова. «Так королевство Фротона включало в себя Русь (Rusciam) на востоке, а на западе граница шла по Рейну» – заключает Саксон Грамматик описание великой державы данов (латинский текст: Saxonis Grammatici 1886: 40-160; первый перевод на русский язык отдельных фрагментов: Хрестоматия 2004: 83-88; полный русский перевод: Саксон Грамматик 2017: 61-180).

Хоть обвинения норманистов в адрес датского хрониста беспочвенны, это еще не означает автоматически достоверность сообщений о Руси в сагах, на которые он опирался. Чтобы оценить степень этой достоверности необходимо ответить на ряд вопросов. Есть ли какие-нибудь независимые свидетельства о присутствии в древности русов в том регионе Балтийского моря, где их упоминает в своем труде Саксон Грамматик? Речь, разумеется, не идет о жителях Древнерусского государства, присутствие которых в Прибалтике фиксируется отечественными летописями и западными хрониками. Кроме того, необходимо установить, есть ли какие-нибудь данные, подтверждающие достоверность описываемых Саксоном Грамматиком событий с участием прибалтийских русов и можно ли с их помощью хотя бы приблизительно датировать эти события. К сожалению, земли вокруг Балтийского моря весьма поздно попадают в поле зрения античных авторов и сведения о них носят более чем фрагментарный характер. Несмотря на это в данном регионе топонимика с корнем ***рус-*** впервые упоминается в «Естественной истории» Плиния Старшего (23/24 – 79 гг. н.э.). Обобщая известные ему сведения о Балтийском море, он писал: «Говорят, что в этих местах много островов без названий; Тимей рассказывает, что один из них, который называется Бавнония и на который в весеннее время приливами выносится янтарь, (расположен) против Скифии и отстоит (от нее) на день пути; остальные берега неизвестны. Любопытна молва о Северном океане: от реки Парапанис, где она протекает по Скифии, Гекатей называет его Амальхийским, каковое имя означает на языке этого племени «замерзший». По сообщению Филемона, отсюда до мыса Русбей кимвры называют его Моримарусой, т.е. Мертвым морем, а далее Кронийским…» (Древняя Русь 2009а: 245). Поскольку все эти географические названия больше не встречаются в античной литературе, их конкретная локализация достаточно затруднительна. Исходя из того,

что в данном отрывке речь идет о янтаре, то с Бавновией (Бобовым островом) отождествляется о. Эзель (Древняя Русь 2009а: 245. Примеч. 3). Поскольку мыс Русбей находится на границе Мертвого и Кронийского морей (так называли кимвры замерзающую и незамерзающую части Балтийского моря), то на основании современной карты границы замерзания Балтики Д.А. Мачинский и В.С. Кулешов предложили четыре варианта его локализации: два на территории Швеции и по одному на территории Финляндии и Латвии (Мачинский, Кулешов 2004: Рис. 1). Однако в этом же фрагменте неподалеку от интересующего нас мыса Плиний упоминает и реку Парапанис, очевидно, достаточно крупную, чтобы какие-то известия о ней дошли до римлян. Однако из перечисленных выше четырех вариантов локализации мыса, находящегося на границе замерзания Балтики, неподалеку только от одного протекает достаточно крупная река. Это впадающая в Рижский залив Западная Двина. Около трех других мысов нет крупных рек, впадающих в Балтийское море. Таким образом, Русбей может быть отождествлен с мысом Колка, находящимся на территории современной Латвии. Именно в непосредственной близости от этого мыса и жили курши. Подобная локализация вполне согласуется и с предположением тех исследователей, которые соотносили Бобовый остров с Эзелем.

Интересна и скандинавская «Сага о гутах». Она так описывает странствия готов до их появления на Черном море: «Отправились они оттуда на один остров близ Эйстланда, который зовется Даге. И поселились там. И построили там крепость, которая все еще видно. И там не могли они себя прокормить. Оттуда отправились они вверх по той реке, что зовется Дюна (Западная Двина – М.С.). И вверх через Рюцаланд (Ruza land – Русь) так далеко уехали они, что пришли они в Грикланд» (Древняя Русь 2009б: 185). Хоть рукопись саги датируется XIV в., специалисты считают, что сам текст был создан в первой четверти XIII в. Несмотря на то, что эта сага была записана достаточно поздно и ее составитель мог перенести в текст современные ему географические названия, однако она основана на фольклорном источнике и содержит подробности, отсутствующие у Иордана. Интересно название Руси в этой саге. Традиционно скандинавы называли нашу страну Гарды или Гардарики. Специалисты отмечают, что названия Русия, Русция появляются в скандинавской литературе достаточно поздно и носят книжный характер. Самые первые примеры подобного названия мы видим в форме Русция латиноязычной «Истории Норвегии», написанной между 1152 до 1264-66 гг., и в форме Русия в латиноязычной «Саге об Олаве Трюггвасоне», написанной около 1190 г. (Древняя Русь 2009б: 69-70, 94, 104). Однако «Сага о гутах» дает название нашей страны через z, что соответствует не скандинавской, а древненемецкой традиции. Рассматривая с чисто лингвистической точки зрения названия русов в древнейших германских письменных памятниках, А.В. Назаренко пришел к следующему выводу: «Формы с геминированным согласным Ruzzi не объяснимы как заимствования из славянских языков и заставляют предполагать, что они явились результатом второго верхненемецкого передвижения согласных. При этом гипотетической праформой

должен был служить этноним (?) с основой Rut-… Исходя из хронологии передвижения, надо допустить, что этноним (?) Rut- был известен южнонемецким диалектам еще в додревневерхненемецкую эпоху, по крайней мере, уже около 600 г., т.е. задолго до появления в начале IX в. первых достоверных сообщений о народе русь» (Назаренко 1980: 56). Далее ученый отметил, что существование формы Ruzzi позволяет предполагать одновременное существование в додревневерхненемецком двух форм на Rut и на Rutt, хронологически датируемых III-V вв. н.э. или V-VI вв. Таким образом, данная форма названия могла попасть в эту сагу достаточно рано, еще до эпохи образования Древнерусского государства. Следует также отметить, что, согласно археологическим данным, готы двигались на юг по Висле, а не по Западной Двине. Эта ошибка саги может быть объяснена двумя причинами. С одной стороны, по Западной Двине начиная примерно с IX в. проходил один из вариантов торгового пути «из варяг в греки». С другой стороны, именно в этом регионе Саксон Грамматик помещал Прибалтийскую Русь еще в догуннскую эпоху. Из текста саги непонятно, находился ли Рюцаланд непосредственно в Прибалтике или в глубине Восточной Европы, однако в представлении создателя «Саги о гутах» Русь существовала в эпоху начала переселения готов на юг, т.е. уже в III в. н.э.

В самой Прибалтике сохранилось народное предание о существовании там некогда русского княжества: «Одно народное предание говорит, что некогда во всей Угаунии сидели отдельные князья. Сохранилась память об одном княжестве, бывшем некогда на месте нынешнего Репинского прихода, по названию «Русавальд» (т.е. волость Русса). В Руссавальде княжил некто Руссипапа или Папарусь. Он жил в неприступном замке возле оз. Игема. (…) Название Руса еще сохранилось недалеко на юг от Игемяерв в имени мызы, в название деревни «Русикюла» верст пять к юго-западу от первого места и в названии деревни Руссима, на юг верст двадцать. Что предание о Руссипапе не есть простой продукт народного воображения, свидетельствует сохранившийся на север от Вирицгерва верст на двенадцать к вол. Умбусе, огороженной неприступными в летнее время болотами, род, носящий фамилию Русси (Руссь) и отличающийся от обыкновенного эстонского типа между прочим длинным носом и высоким лбом» (Трусман 1895: 60-61). Этим не ограничивается топонимика с корнем ***рус*** в данном регионе: «В юго-западном углу Эстляндии… на восточном берегу Мацальского залива упоминается в 1368 г. пункт Russen-Grave, т.е. русская канава. В настоящее время встречаются здесь лишь следующие местные названия: крест.дв. Венесилла (т.е. русский мост)…; кр. двор Венематси (т.е. русский Матс)…» (Трусман 1894: 74). Упоминание корней ***венд*** и ***рус*** поблизости друг от друга фиксируется и в другом случае: «Затем в Трейденском приходе в 1388 упоминается дер. Wenedeculla seu Watendorff (т.е. русская или водьская деревня), когда она переходит через продажу рижскому пробсту и капитулу). Наконец в той же местности на границе между Роденпойсом и Зегевольдом упоминается в 1404 году река Ruschenbeke, ныне у латышей Kreewuppe, т.е. русская река» (Трусман 1894: 75-76). Последнее обстоятельство весьма ценно, поскольку показывает, что первоначально эта река называлась собственно «русской»

и лишь впоследствии стала зваться «кривской». Дело в том, что русских латыши зовут не русскими, а по имени ближайшего к ним восточнославянского племени krievs «русский» (буквально «кривич»), а нашу страну Krievija «Россия». Аналогичным образом называют русских и литовцы – krievai (Агеева 1990: 44). Жившие на территории Латвии ливы также звали русских krievoz (Livokiel 1999: 73). С другой стороны, эстонцы и финны зовут русских Vene, Venaa или Venaja, т.е. «венеды» (Агеева 1990: 25). Очевидно, что оба названия появились достаточно рано, еще до образования единого Древнерусского государства. Таким образом, мы видим, что русских по их собственному имени в Восточной Прибалтике не зовет никто. Следовательно, появление в этом регионе топонимики с корнем ***рус-*** хоть и является результатом русского влияния, однако оказавшие это влияние русы едва ли были с территории Древней Руси. Другой единственной известной нам Русью здесь была Прибалтийская Русь, описанная Саксоном Грамматиком.

Восточная Прибалтика неоднократно именовалась и римскими папами то Рутенией, то Русью. Уже при утверждении епископства в Икскюле в 1188 г. Клемент III отмечает, что оно находится in Ruthenia; папа Гонорий III в 1224 г. именует ливонских епископов с их сотрудниками fideles per Russiam constituti; папа Урбан IV в 1264 г. считал восточную Лэтгалию лежащей в Russiae (Генрих Латвийский 1938: 248). Корень ***рус-*** присутствовал и в личных именах данного региона еще в средневековье. При описании событий 1208 г. Генрих Латвийский упоминает некоторых их старейшин, один из них носит весьма показательное имя: «Когда уже вся Ливония и Лэтигаллия были окрещены, старейшины лэттов, Руссин из замка Сотеклэ, Варидот из Аутинэ, Талибальд из Беверина, а также Бертольд, брат-рыцарь из Вендена, послали гонцов к эстам…» (Генрих Латвийский 1938: 107) Лэттами «Хроника Ливонии» называет латгаллов. Интересующий нас старейшина лэттов неоднократно еще упоминается на страницах хроники, причем однажды ему дается такая показательная характеристика: «Руссин, храбрейший из лэттов» (Генрих Латвийский 1938: 109).

На присутствие в Прибалтике каких-то русов обращал внимание А.Г. Кузьмин: «В папских буллах XIII в. Ливония, в которой учреждались католические епархии, именуется Руссией. В середине XIV в. в ряде областей Эстонии произошло восстание против немецких феодалов. Наиболее успешно оно проходило в Роталии, в особенности на острове Эзель. Организаторами и основной боевой силой восставших были «русские». В позднейших шведских источниках *Роталия* неоднократно называется «Руссией». К «Руссии» причислялась и соседняя с Роталией область Вик. Позднее в этом районе документы упоминают «русские села»» (Хрестоматия 2004: 41). Шведский писатель XVII в. Иоганн Мессениус в своей «Хронике линчепингских епископов» отмечает, что во время шведского похода 1220 г. в эстонскую область Вик, в «Руссию», «рутены» убили епископа (Фридрих фон Кейслер 1900: 92-93). Современным названием о. Эзель является Сааремаа. В свете этих данных несомненный интерес представляет сообщение голландского путешественника Н. Витсена, посетившего Русь в 1664-1665 гг., о том, что остров

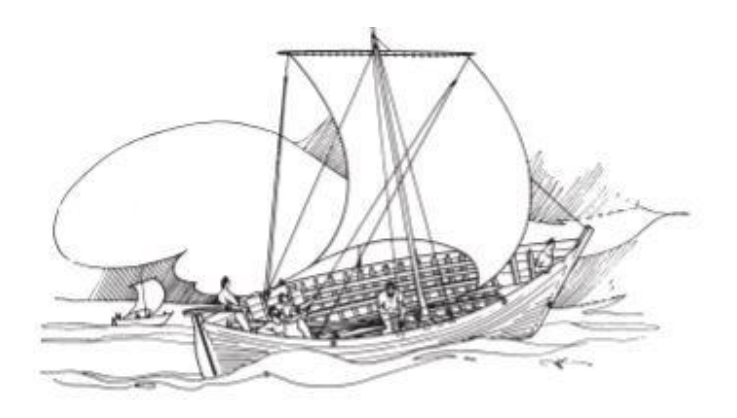
Сааремаа имел и другое название — Русел (Витсен 1996: 21). Если относительно восточных областей Эстонии и Латвии еще можно предположить, что в средневековых источниках они назывались Русью потому, что их население платило дань русским князьям, то данный остров не входил в состав ни Древнерусского государства, ни Московской Руси. Ни один из источников не сообщает о поселении на Сааремаа выходцев из Древней Руси. Его название Н. Витсен упоминает еще до прибытия на Русь и, следовательно, узнал о названии острова от своих спутников или от местного населения. Соответственно, это редкое название Сааремаа с корнем ***рус-*** могло появиться в эпоху до образования Древней Руси. По всей видимости, данный остров также входил в состав Прибалтийской Руси: выше уже упоминалось имя Даго – второго короля русов в гуннскую эпоху, приведенное Саксоном Грамматиком. Однако точно такое же название носил второй крупный эстонский остров, расположенный севернее Сааремаа. О случайном созвучии говорить не приходится, поскольку «Деяния данов» отмечают, что именно Даго был назначен править эстами.

Таким образом, мы видим, что начиная с I в. н.э. в Прибалтике фиксируется топонимика с корнем ***рус-*** , которая по указанным выше причинам не может быть связана с древнерусским населением. В одном случае мы видели, как собственно «русское» название реки было впоследствии заменено на «кривское». В самом начале XIII в. корень ***рус-*** встречается в имени старейшины латгаллов, а в середине следующего века другие источники говоря о «русском» населении острова Эзель, известного также как Русел. В ту же эпоху автор скандинавской «Саги о гутах» упоминает в связи с Западной Двиной редкое и архаичное название Рюцаланд, полагая его существование во время переселения готов, т.е. в III в. н.э. В самой Прибалтике бытовало народное предание о Русавальде, в котором княжил Руссипапа или Папарусь, очевидно герой-эпоним этих русов. Все это говорит о том, что какие-то русы действительно достаточно рано появились в Прибалтике и упоминание там русского королевства в «Деяниях данов» имело под собой какие-то основания.

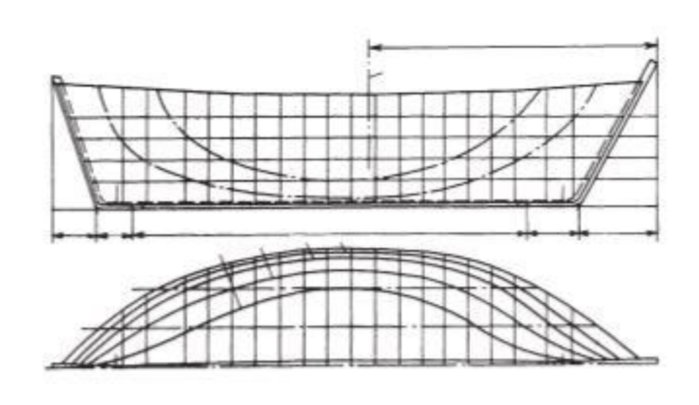
К какому же времени можно отнести описываемые Саксоном Грамматиком войны данов с русами? Фротон I упоминается им в числе наиболее ранних датских конунгов. Эти события описываются им во второй книге хроники, в то время как в пятой книге речь будет идти о войне с гуннами его тезки Фротона III. Между обеими Фротонами Саксон Грамматик упоминает больше десяти датских конунгов. Следовательно, поход Фротона I в Прибалтику произошел еще до н.э. Как отмечают археологи, в древностях Прибалтики той эпохи фиксируется небольшая группа могильников, явно отличных от захоронений местного населения. Эти ладьевидные могилы, получившие в Латвии название «чертовы ладьи», встречаются на территории северной Курземе, т.е. на территории упомянутых Саксон Грамматиком куршей, а также в Эстонии на о. Сааремаа. Аналогичные могилы известны в Финляндии, Дании и Готланда, где их особенно много (Эпоха бронзы 1987: 121). Археологи рассматривают их как следы пребывания в Прибалтике скандинавов и

датируют эти захоронения весьма ранним периодом: «К середине бронзового века – периоду около 950-970 гг. до н.э. – относятся древние погребения скандинавского происхождения – «чертовы ладьи»…» (Граудонис 1987: 18). Судя по названию захоронений скандинавов у местного населения, отношения их с пришельцами вряд ли были дружественные. Понятно, что говорить о городах в тот период не приходится, однако укрепленные городища уже существовали. По археологическим данным они появляются в Прибалтике в ту же эпоху – на рубеже II –I тыс. до н.э. (Эпоха бронзы 1987: 119).

Интересны и названия городов, упоминаемые в первом фрагменте. Ротала, первый русский город, захваченный данами, перекликается с названием Роталии, приморской западной области современной Эстонии. Что касается второго города Палтиска (Paltiscam), то в нем видят обычно Полоцк (Древнерусские города 1987: 141, 147), явно не существовавший в то время, в чем и усматривают недостоверность данного известия. Однако, как следует из исторической карты Латвии, составленной на основании средневековых письменных источников, в этой стране есть целый ряд подобных названий. Во-первых, это город Piltens на р. Вента, причем рядом с ним обозначено место Wendfawa, название которого образовано от слова венд. Кроме того, на территории Латвии на этой же карте встречаются три похожих названия Peltschi (ниже по течению той же реки), Pilskaln (ближе к гранце с Литвой), и Pilskalns (Baltija 1890). В связи с первыми двумя названиями на р. Вента следует вспомнить одно место из «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского. При описании событий 1206 г. он делает такой экскурс в прошлое: «Венды в то время были бедны и жалки: прогнанные с Винда, реки в Куронии, они жили сначала на Древней Горе, у которой ныне построен город Рига, но оттуда были опять изгнаны курами; многие были убиты, а остальные бежали к лэттам, жили там вместе с ними…» (Генрих Латвийский 1938: 94). Из этого отрывка мы узнаем, что по соседству с куршами, т.е. там, где, согласно Саксону Грамматику, находилась некогда Прибалтийская Русь, впоследствии жило племя вендов на реке, названной, по всей видимости, в честь этого племени (см. рис. 2). Сама эта река находится недалеко и от мыса Колка-Русбей. Вендами сначала во франкских, а затем и в немецких хрониках традиционно называли славян. Некоторые прибалтийские археологи пытаются трактовать это племя как балтское, лишь названное по имени данной реки, однако это утверждение идет вразрез как со всей традицией немецкого летописания, так и оставляет без ответа вопрос, почему река в Латвии была названа именем, созвучным названию славян у немцев и финно-угров. Более того, переселившись на новое место, венды основали крепость, которую назвали Венден и у которой потом был построен замок немецкого ордена меченосцев (Генрих Латвийский 1938: 286). Указание же автора на то, что после изгнания куршами венды бежали к лэттам, среди которых стали жить, вполне возможно объясняет появление имя Руссина у старейшины лэттов, упомянутое в той же хронике.

«Рижский корабль»

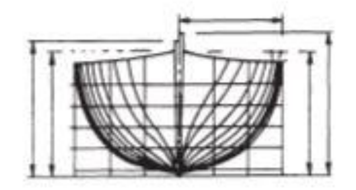

Рис. 3. «Рижский корабль», XII-XIII вв. (Дмитренко 2003)

Важно и то, что Саксон Грамматик описывает Прибалтийскую Русь как морскую державу, обладающую большим флотом во времена не только Фротона III, но и Фротона I. В связи с этим следует отметить, что на острове Сааремаа и в некоторых других местах Рижского залива были найдены каменные корабли, отличающиеся от скандинавских «чертовых ладей» делением судна на три части. Эти погребальные сооружения Х. Моора датировал первой половиной I тысячелетия до н.э. Аналогичные «каменные ладьи» были найдены и на мысе Токмак в северо-восточном Прикаспии, длина которых составляла 14 м, а ширина — 4 м (Галкин 1991: 62-63). Почти те же самые размеры были впоследствии и у т.н. «Рижскому кораблю», который был в 1939 г. найден в Риге (рис. 3). Длинна его была 14,3 м, ширина — 4,9 м, грузоподъемность примерно 30 т. Одними размерами сходство не ограничивается и распространяется на конструктивные особенности обоих судов, разделенных между собой многими столетиями: ««Рижский корабль», построенный

в XII-XIII вв. латышами или литовцами, имеет, кроме прочего, сходство с ладьями с мыса Токмак: в носу и корме две полупалубы, которые как бы делили судно на три части» (Дмитренко 2003: 126, 113-114). «Рижский корабль» был достаточно высокобортный, высота борта составляла 2,4 м. Судно было оснащено парусом, однако парус на Балтике появляется во второй половине I тысячелетия н.э., а до этого суда двигались на веслах. Следы этой традиции прослеживаются в том, что в верхнем поясе обшивки «Рижского корабля» было обнаружено четыре отверстия для весел. Это обстоятельство заставляет вспомнить слова Саксона Грамматика о том, во время морской битвы между русами и данами в гуннскую эпоху корабли первых «плохо управляются из-за высокого расположения гребцов». Это позволяет предположить, что флот Олимара состоял в основном из торговых судов, примером которого является «Рижский корабль», причем традиции такого судостроения в данном регионе восходит к эпохе бронзы.

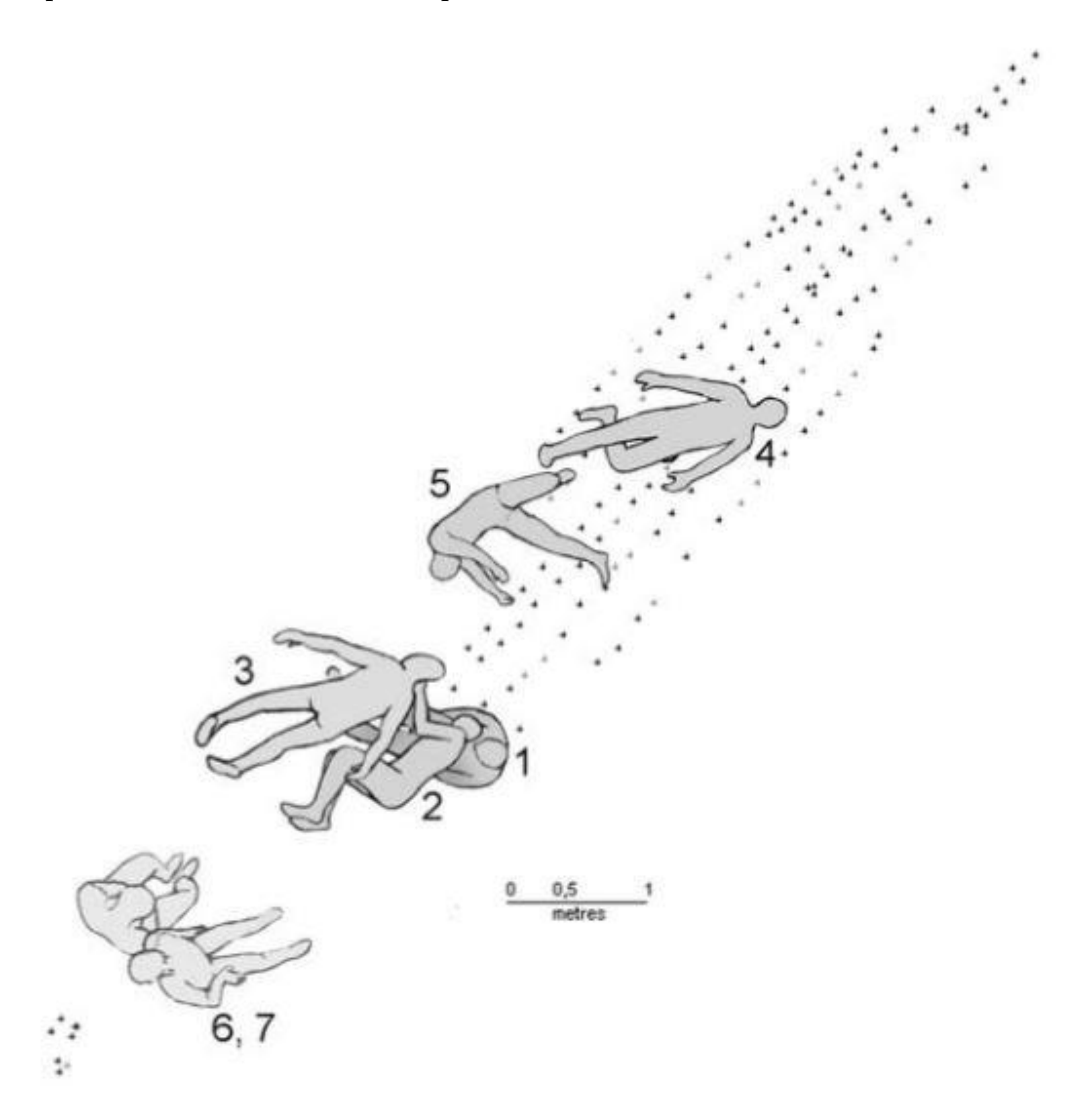

Рис. 4. Схема расположения тел на ладье из Сальме I (Allmäe 2011a)

Однако в Прибалтике был открыт и другой тип судов. Осенью 2008 г. на острове Сааремаа у села Сальме случайно были обнаружены остатки древнего корабля, в котором находились кости людей и животных (рис. 4). К сожалению, часть захоронения была разрушена при прокладке электрокабеля и археологи приступили к изучению этого уникального памятника далеко не сразу. В ходе исследований выяснилось, что длина судна составляла 11,5 метров при 2-х метрах в ширину, высота сохранившейся средней части судна около 50 см (предполагается, что первоначально она составляла около 75 см). Считается, что это было судно с 6 парами весел и, соответственно, минимальная численность экипажа должна была составлять двенадцать человек.

По мнению специалистов это был быстрый, легкий и маневренный военный корабль (рис. 5). При обследовании 7 скелетов было установлено, что все они принадлежали мужчинам, умершими в возрасте от 18 до 45 лет и страдавших пародонтозом. Поскольку моряки и воины на море подолгу обходились без свежего продовольствия, дефицит витамина С часто вызывал воспаление десен. На ладье было найдено два меча, наконечники копий и стрел, втульчатый топор, десяток ножей, три из которых в комплекте с точильными брусками, наконечники стрел, предметы обихода и 275 деталей ладейного крепежа. Впоследствии на месте обнаружения древнего корабля в деревне Сальме на Сааремаа нашли еще обоюдоострый бронзовый меч с позолоченным орнаментом, датируемым примерно 750 г. и принадлежавший, по всей видимости, богатому воину или предводителю высокого ранга. Также на корабли нашли кости крупного рогатого скота (коров и баранов), овцы, козла, свиньи и ястреба.

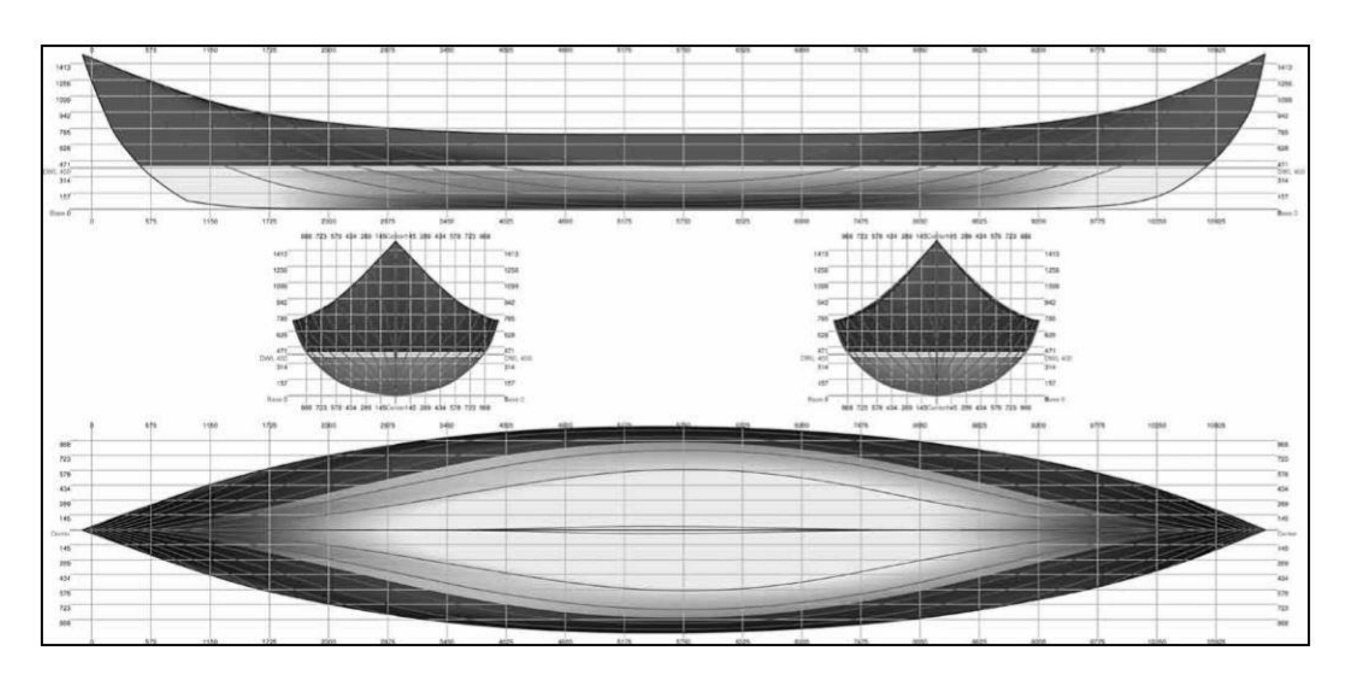

Рис. 5. Реконструкции ладьи из Сальме I (Konsa 2011)

Радиоуглеродный анализ дерева ладьи и остеологических материалов подтвердил, что захоронение представляет собой единое целое и может быть датировано промежутком между 650-720 гг. н.э. Сам корабль, вероятно, был сделан в начале 600-х годов и до того, как был захоронен на Сааремаа, некоторое время плавал по морю. Почти все скандинавские погребения в кораблях вендельского периода и эпохи викингов содержат кости лошадей и собак. Поскольку в захоронении судна Сальме I эти животные отсутствуют, эстонские археологи обратили внимание на эту исключительную особенность. Другой особенностью является большое количество мужчин, захороненных в одном корабле. В различных работах приводятся лишь три случая ингумации в ладьях с количеством большим, чем три комплекта останков, по всей Северной Европе. Это захоронения в Наббероре на шведском острове Эланд, Скар на Оркнейских островах и Каупанг в Норвегии. Во всех случаях там были погребены умершие разного пола. На судне Сальме I найдены одни мужчины. Третьим отличием от скандинавских погребений является отсутствие кургана над судном (Allmäe 2011a; Allmäe 2011b; Конса 2008; Konsa 2009; Konsa 2011; Берендсон 2010; На раскопках 2010).

Летом 2010 года в 30 метрах от корабля Сальме I была найдена другая ладья, в которой по обряду ингумации было захоронено уже 28 человек, некоторые со следами ран. Тела на корабле были уложены в четыре слоя. Второе судно оказалось больше первого (16 м или, по последним данным, 17-17,5 м), у каждого погребенного там было по мечу, у некоторых по два. Общее количество мечей оценивается примерно в 40 штук. Также на корабле было найдено 12 щитов, 91 наконечник стрел, четыре собачьих скелета, кости крупного рогатого скота. Благодаря обилию оружия и наличию костей собак ладью Сальме II приписали скандинавам. Само погребение во втором корабле предварительно отнесли к началу эпохи викингов (около 650-750 г. н.э.) (Peets 2010; Peets 2012; Берендсон 2010).

Поскольку коллективные захоронения воинов на корабле скандинавской традиции не свойственны, необходимо вспомнить приводимые в «Деяниях данов» законы Фротона III о погребении павших рутенских воинов в зависимости от общественного положения: «Тела же каждого центуриона или сатрапа должно было сжечь на воздвигнутых кострах в собственных кораблях. Тела рулевых должны были предаваться пламени по десяти на корабле, но каждый павший герцог или король должен был сжигаться на своем собственном корабле. Он пожелал, чтобы совершенно точно осуществлялись погребения павших, дабы не допустить одинаковых для всех погребений без различия» (Хрестоматия 2004: 86). Конечно, более чем сомнительно, чтобы датский конунг занимался установлением погребений побежденных племен, скорее всего Саксон Грамматик просто описал известные ему погребальные обычаи рутенов, приписав их установление мудрой деятельности своего короля. Хоть датский хронист говорит о трупосожжении в ладьях, вполне возможно, что ему первоначально предшествовало коллективное трупоположение воинов на их кораблях. О том, что подобный ритуал на эстонском острове не был случайным, говорят массовые захоронения в двух кораблях.

Необходимо обратить внимание и на форму ладьи Сальме I. Она отличается как от драккаров, так и от более ранних скандинавских судов из Нидама и Квальзунда. С другой стороны, сравним эстонскую находку с западнославянскими кораблями: ладьей на 10 пар гребцов из Гданьска (IX-XI вв.), рыбачьей лодкой VIII-IX вв. из Щецина (рис. 6) и ладьей из Ральсвика на Рюгене, построенной около 977 г. (рис. 7, 8). Легко заметить, что ладья Сальме I практически тождественна более поздним славянским судам, плававшим по Варяжскому морю. Это говорит о том, что все они принадлежат к единой кораблестроительной традиции. Понятно, что кораблестроительные традиции не возникают в одночасье и для их развития, как показывают скандинавские наскальные изображения и археологические находки древнейших судов, требуются столетия. Полагать, что на южном или восточном побережье Балтики развитие шло принципиально иными темпами, у нас нет никаких оснований. Таким образом, хоть ладья Сальме I и датируется VII — началом VIII в., однако сам факт ее находки косвенно подтверждает описание в «Деяниях данов» Прибалтийской Руси как морской державы.

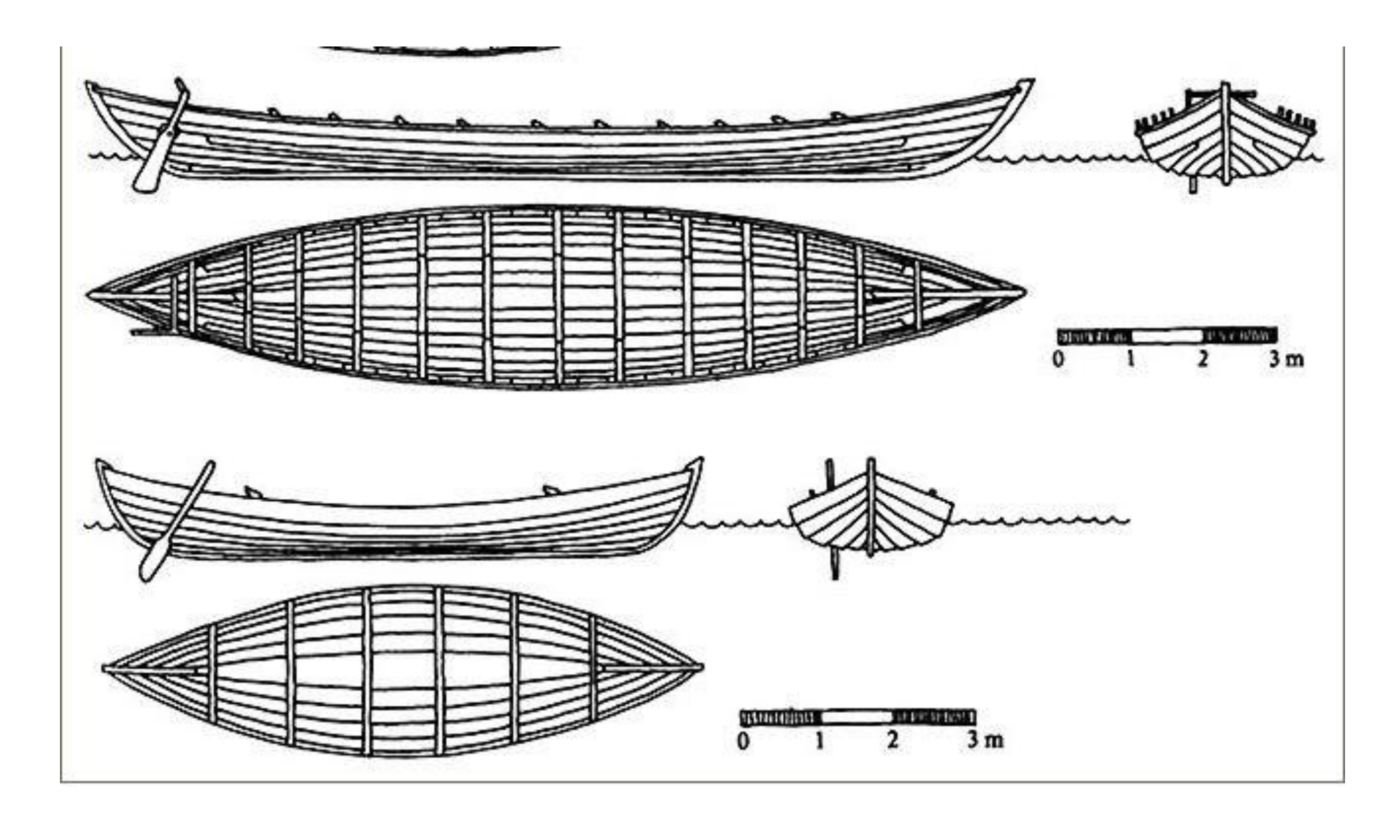

Рис. 6. Ладья на 10 пар гребцов из Гданьска (IX-XI вв.)
и рыбачья лодка VIII-IX вв. из Щецина (Херрман 1986)

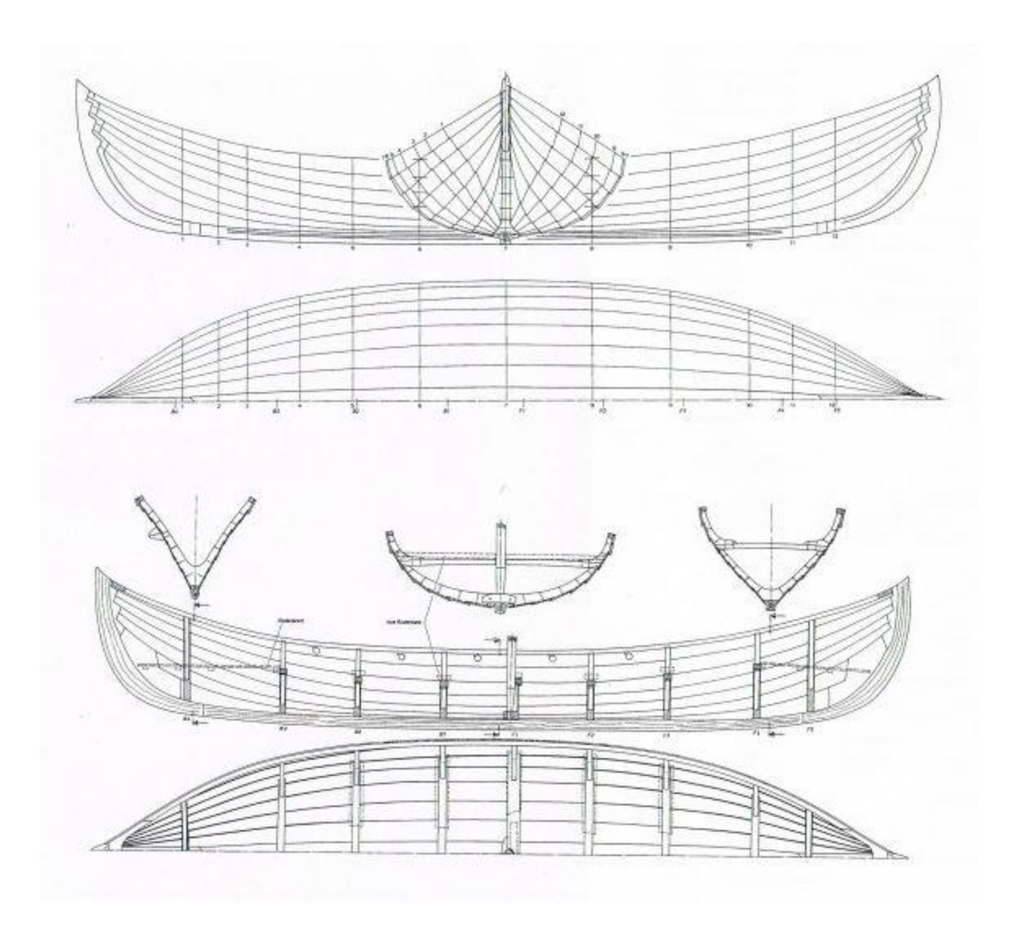

Рис. 7. Чертеж ладьи из Ральсвика, X в. (Пауль 2011)

Рис. 8. Реконструированная ладья из Ральсвика (Пауль 2011)

С этими недавними археологическими открытиями следует сопоставить и давно известные данные языкознания. Именно из славянских языков, а отнюдь не наоборот, скандинавские языки заимствовали такие понятия как lodja (ладья) и torg (торг) (Шаровольский 1904: 5). Очевидно, что название ладьи было заимствовано скандинавами не в эпоху викингов, когда их собственные суда бороздили моря вокруг всей Европы и даже доплывали до Америки. Вряд ли это был и рубеж нашей эры, когда, согласно Тациту, свеоны имели свой собственный флот на Балтике. Поскольку наиболее ранние славяно-германские контакты датируются V-III вв. до н.э. (Мартынов 1989: 38), то, по всей видимости, заимствование интересующего нас слова произошло примерно в этот период. Ни письменные источники, ни археологические данные не позволяют говорить о широком распространении мореплавания у славян в это время. Поскольку Саксон Грамматик с самого начала описывает прибалтийских русов именно как морской народ, имеющий достаточно большой флот, наиболее естественно предположить, что слово ***ладья*** попала в германские языки именно из языка Прибалтийской Руси.

Рассмотрим теперь войну данов с гуннами при Фротоне III и участие в ней русов. Чтобы оценить степень достоверности этого сообщения датского хрониста, необходимо принять во внимание ту атмосферу, в которой создавалась сага, которая и легла в основу этого повествования. Если в славянских языках слово ***обры***, как в древности они называли кочевников авар, стало нарицательным обозначением великанов, то аналогичную картину мы видим и у германцев с той лишь разницей, что великанами они называли гуннов: нов.-в.-нем. Hune (Фасмер 1967: 142). Понять причины этого можно: ворвавшись в Европу, эта первая волна кочевников разгромила готов, под их ударами пало королевство бургундов, а жившие около Балтийского моря германцы под предводительством Радагайса в 404 г. были вынуждены двинуться на юг, причем численность его армии из готов, вандалов, свевов и бургундов римские авторы оценивали в четыреста тысяч. Столкновение с гуннами отразилось как в скандинавской «Старшей Эдде», так и в немецкой «Песне о нибелунгах».

Понятно, что во время всеобщего страха перед гуннами любая локальная победа над ними неизбежно превращалась в эпическом творчестве в эпохальную судьбоносную битву, в которой участвовали десятки, если не сотни королей, а кровь лилась рекой. Если датчанам удалось в ту эпоху одержать победу над каким-нибудь гуннским отрядом, эта событие в их сагах неизбежно должно было разрастись до масштабов, более подходящих описанию мировой войны, а не отдельного сражения. Весьма важно свидетельство непосредственного современника тех событий и участника посольства к гуннам византийского писателя V в. Приска Панийского. Он сообщает, что власть Аттилы распространялась на «острова на Океане», под которыми современные исследователи понимают датские острова (Шувалов 2004: 95-96). Данная подробность показывает, что экспансия кочевников была устремлена не только на юг, но и на север Европы. Погребения гуннов или перенявших их культуру других племен начала V в. обнаружены около Кракова, Висбадена, Майнца, Вормса

и Страсбурга (Сулимирский 2008: 176). Все это делает весьма вероятным столкновения дан с гуннами.

Естественно возникает вопрос: насколько соответствует действительности утверждение «Деяний данов» о том, что русы были союзниками гуннов? Как саги, так и опиравшийся на них Саксон Грамматик могли записать в соратники гуннов любое количество народов, однако говорят они именно о русах. Поскольку гунны обитали в степях, а русы Саксона Грамматика жили на берегу моря, может возникнуть мысль, что это известие о союзе неправдоподобно по чисто географическим соображениям. Однако это не так и попытка заключения подобного союза против Византии со стороны авар, второй волны азиатских кочевников в Европе, с далекими племенами на берегах Балтики была отражена в письменных источниках. В 592 г. во время войны с аварами византийцы захватили трех славян, отправленным послами к этим кочевникам: «Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних (племен), чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных (императором), с извинениями…» (Свод 1995: 15, 17) В следующем столетии различные источники фиксируют совместные действия против Константинополя в 626 г. аварских сухопутных сил и славянского флота, причем в последнем Я.Е. Боровский не без оснований видит флот днепровских русов (Боровский 1988: 118). Это показывает, что уже вторая волна азиатских кочевников в войнах стремилась обеспечить себе поддержку морских сил другого народа и, таким образом, в подобном же стремлении их предшественников нет ничего необычного. Если гунны собирались воевать с данами, то союз с другим морским народом, способным отвлечь хотя бы часть сил противника на себя, им тем более был желателен. Указание Приска Панийского о распространении власти Аттилы на «острова на Океане» подтверждает это предположение. Очевидно, что конница гуннов, сколь бы многочисленна она не была, сама по себе не была страшна жителям островов, и привести их к покорности мог только флот или, по крайней мере, угроза его применения. Что же касается численности флота из тридцати тысяч кораблей, на каждом из которых было по триста гребцов, то здесь перед нами обычное эпическое преувеличение. То же самое можно сказать и о великой империи Фротона III от Рейна до Руси, о которой не знают другие источники.

Интересно и то, что имя, весьма похожее на имя короля Прибалтийской Руси Олимара, нам встречается на противоположном берегу Балтийского моря. Мекленбургские генеалогии упоминают короля Алимера в качестве далекого предка ободритских князей и сообщают о его браке с Идой, королевой Рюгена (Buchholtz 1753: 40). С учетом того, что данный остров впоследствии стал известен мусульманским авторам как остров русов (Трухачев 1981), можно предположить, что данный брак обеспечивал продвижение русов на запад, а Олимар Саксона Грамматика и Алимер мекленбургских генеалогий были одним и тем же лицом.

Примеры того, что известия «Деяний данов» о русах отражают определенную историческую действительность не ограничиваются вышеперечисленными и были рассмотрены в других трудах автора (Серяков 2016; Серяков 2017).

Мы видели, что начиная с I в. н.э. в Прибалтике фиксируется топонимика с корнем ***рус-*** , а в средневековье также отдельные русы на материке и русское население на о. Сааремаа, другим названием которого было Русел. При этом собственно русских местное население называет krievs или vene и эти этнонимы скорее всего возникли еще до образования Древнерусского государства. По этой причине топонимика и ономастика с корнем ***рус-***, особенно учитывая географию ее распространения, в интересующем нас регионе едва ли может быть связана с жителями Древней Руси. В самой Прибалтике бытовало предание о Русавальде, а «Сага о гутах» в связи с Западной Двиной в эпоху переселения готов упоминает Рюцаланд, причем форма данного названия весьма архаична. Археологические данные указывают на появление в Прибалтике скандинавов в самом начале I тыс. до н.э. и притом на тех территориях, которые были упомянуты Саксоном Грамматиком в связи с походом на восток Фротона I. У жителей Прибалтики той эпохи уже существовали укрепленные городища, а найденные на о. Сааремаа и других местах Рижского залива захоронения в виде отличных от скандинавских «каменных ладей», как по размерам, так и по конструктивным особенностям сходных с «Рижским кораблем» XII—XIII вв., дают основания предположить их занятие и мореплаванием. Показателен и факт заимствования скандинавами названия ладьи из славянского языка. Найденная все на том же Сааремаа-Руселе боевая ладья Сальме I, построенная в начале 600-х гг., косвенно свидетельствует в пользу описания Прибалтийской Руси как морской державы в гуннскую эпоху. Коллективные захоронения воинов на обоих ладьях из Сальме совершенно не свойственны скандинавской традиции, но зато напоминают тот погребальный ритуал, который якобы установил у русов Фротон III. Основным отличием от него является отсутствие трупосожжения, которое могло появиться позже. Пример авар, этой второй волны азиатских кочевников, показывает, что для войны со своими противниками они стремились заручиться у других племен поддержкой флота. Нет ничего невозможного в таком же стремлении и у их предшественников гуннов. Если гипотеза о том, что под «островами на Океане», на которые распространялась власть Аттилы, Приск Панийский подразумевал датские острова, то поддержка флота гуннам была тем более необходима. Почти полное совпадение имен короля Прибалтийской Руси Олимара Саксона Грамматика и предка ободритских князей Алимера позволяет предположить, что это было одно и то же лицо. В совокупности эти данные показывают, что в основе описанных в «Деяниях данов» двух войн королей этого народа с Прибалтийской Русью лежала определенная историческая действительность. Естественно, что по законам эпического жанра произошедшие события были значительно преувеличены и приукрашены, но таковы особенности этого вида творчества. Понятно, что любой эпос требует к себе критического отношения, однако при соблюдении данного условия творения Гомера и Вергилия

уже давно и успешно используются в качестве важных исторических источников при изучении истории древних Греции и Рима. То же самое можно сказать и о древнейшей недатированной части ПВЛ, восходящей к устным народным преданиям о расселении славян в Восточной Европе, основанию Киева и хазарской дани. Логика исторического исследования требует от нас не игнорировать древнейшую, восходящей к эпической традиции, части труда Саксона Грамматика, а, при использовании критического подхода и сопоставления его с другими независимыми данными, использовать его наряду с ПВЛ в качестве важного исторического источника по истории Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева 1990 - *Агеева Р.А*. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.

Берендсон 2010 - *Берендсон Р*. В захоронении в Сальме нашли 26 останков знати. 2010 / Электронный ресурс: http://rus.postimees.ee/309377/v-zahoronenii-v-salme-nashli-26-ostankov-znati (Дата обращения - 12.12.2017).

Боровский 1988 - *Боровский Я.Е*. Византийские, старославянские и старогрузинские источнике о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси. М., 1988.

Витсен 1996 - *Витсен Н*. Путешествие в Московию. СПб., 1996.

Галкин 1991 - *Галкин Л.П*. Откуда «приплыли» каменные ладьи? // Наука и жизнь. 1991. № 9.

Генрих Латвийский 1938 - *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938.

Граудонис 1987 - *Граудонис Я.Я.* Эпоха бронзы и раннего железа на территории Латвии. Научный доклад. М., 1987.

Дмитренко 2003 - *Дмитренко С.Г*. Морские тайны древних славян. СПб., 2003.

Древнерусские города 1987 - Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.

Древняя Русь 2009а - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 1. М., 2009.

Древняя Русь 2009б - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 5. М., 2009.

Карамзин 1818 - *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818.

Конса 2008 - *Конса М*. Самое древнее судно Эстонии // Baltfort: balticmilitary history magazine. 2008. № 4.

Мартынов 1989 - *Мартынов В.В*. Славянский, италийский, балтийский // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989.

Мачинский, Кулешов 2004 - *Мачинский Д.А., Кулешов В.С*. Северные народы середины IV – первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004.

На раскопках 2010 - На раскопках в Сальме нашли меч богатого воина. 2010 / Электронный ресурс: http://rus.postimees.ee/313692/na-raskopkah-v-salme-nashli-mech-bogatogo-voina (Дата обращения - 12.12.2017).

Назаренко 1980 - *Назаренко А.В.* Об имени «Русь» в немецких источниках IX-XI вв. // Вопросы языкознания. 1980. № 5.

Пауль 2011 - *Пауль А.* Реконструкция древнеславянской ладьи. 2011 / Электронный ресурс: http://nap1000.livejournal.com/6450.html (Дата обращения - 12.12.2017).

Саксон Грамматик 2017 - *Саксон Грамматик*. Деяния данов. Т. 1. М., 2017.

Свод 1995 - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995.

Серяков 2016 - *Серяков М.Л*. Великое начало. Рождение Руси. М., 2016.

Серяков 2017 - *Серяков М.Л*. Русы во времена великих потрясений. М., 2017.

Сулимирский 2008 - *Сулимирский Т*. Сарматы. М., 2008.

Татищев 1962 - *Татищев В.Н*. История российская. Т. 1. М.; Л., 1962.

Тиандер 1906 - *Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Трусман 1894 - *Трусман Ю.* Русские элементы в Эстляндии в XIII-XIV вв. // Временник Эстляндской губернии. 1893. Кн. 1. Ревель, 1894.

Трусман 1895 - *Трусман Ю.* Происхождение населения на о. Эзель, Даго и Моне // Временник Эстляндской губернии. 1894. Кн. 2. Ревель, 1895.

Трухачев 1981 - *Трухачев Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980. М., 1981.

Фасмер 1967 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967.

Фридрих фон Кейслер 1900 - *Фридрих фон Кейслер*. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. СПб., 1900.

Херрман 1986 - *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Хрестоматия 2004 - Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. М., 2004.

Шаровольский 1904 - *Шаровольский И.В.* О славянских заимствованиях в северных германских языках // Изборник Киевский. Киев, 1904.

Шлецер 1809 - *Шлецер А.Л.* Нестор. Ч. I. СПб., 1809.

Шувалов 2004 - *Шувалов П.В.* Pelles sappherinae и восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V-VI вв. // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004.

Эпоха бронзы 1987 - Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Allmäe 2011a - *Allmäe R.* Human bones in Salme I boat-grave, the Island of Saaremaa; Estonia // Papers on anthropology. XX. Tartu, 2011.

Allmäe 2011b - *Allmäe R., Maldrea L., Tomek T.* The Salme I Ship Burial: An Osteological View of a Unique Burial in Northern Europe // Interdisciplinaria archaeologica. 2011. V. II. Issue 2.

Baltija 1890 - Baltija…Kurseme un Widsemes latweeschu dafe Latweeschu Inrika laika 1200 un wehlaku lihds 1300 P. Riga, 1890.

Baranauskas 2004 - *Baranauskas T.* Saxo Grammaticus on the Balts // Saxo and the Baltic Region. A Symposium. Odense, 2004.

Bliujiene 2011 - *Bliujiene A.* Northern Gold. Leiden, 2011.

Buchholtz 1753 - *Buchholtz S.* Versuch in der Geschichte Herzogthums Mecklenburg. Rostock, 1753.

Dumézil 1956 - *Dumézil G.* Aspects de la fonction guerrière chez les Indo-européens. Paris, 1956.

Konsa 2009 - *Konsa M., Heinsalu A., Vassiljev J.* Arheoloogilise objekti geoloogilisi aspekte: muinaslaev Salme muinasrannal // Piirideta geoloogia. Tartu, 2009.

Konsa 2011 - *Konsa M.* Salmen laivahauta Saarenmaalla // Hiisi. Lehti muinaisuuden harrastajille. 2011. № 2.

Livokiel 1999 - Livokiel-letkiel-livokiel sonarontoz. Libiesu-latviesu-libiesu vardnica. Riga, 1999.

Peets 2010 - *Peets J., Allmäe R., Maldre L.* Archaeological investigations of Pre-Viking Age burial boat in Salme village at Saaremaa // Archaeological fieldworkj in Estonia. 2010. Tallinn, 2010.

Peets 2012 - *Peets J., Allmäe R., Maldre L.* Research results of the Salme ship burials in 2011-2012 // Archaeological fieldwork in Estonia. 2012. Tallinn, 2012.

Saxonis Grammatici 1886 - *Saxonis Grammatici*. Gesta Danorum. Strassburg, 1886.

REFERENCES

Ageeva 1990 - *Ageeva R.A.* Strany i narody: proiskhozhdenie nazvanij [Countries and people: origin of names], Moscow, 1990 [in Russian].

Allmäe 2011a - *Allmäe R.* Human bones in Salme I boat-grave, the Island of Saaremaa; Estonia, in: Papers on anthropology, XX, Tartu, 2011 [in English].

Allmäe 2011b - *Allmäe R., Maldrea L., Tomek T.* The Salme I Ship Burial: An Osteological View of a Unique Burial in Northern Europe, in: Interdisciplinaria archaeologica, 2011, V, II, Issue 2 [in English].

Baltija 1890 - Baltija…Kurseme un Widsemes latweeschu dafe Latweeschu Inrika laika 1200 un wehlaku lihds 1300 P. [The Baltic from 1200 to 1300], Riga, 1890 [in Latvian].

Baranauskas 2004 - *Baranauskas T*. Saxo Grammaticus on the Balts, in: Saxo and the Baltic Region, A Symposium, Odense, 2004 [in English].

Berendson 2010 - *Berendson R.* V zahoronenii v Sal'me nashli 26 ostankov znati [In Salma found 26 remains of the nobility in burial], 2010, Electronic resource: http://rus.postimees.ee/309377/v-zahoronenii-v-salme-nashli-26-ostankov-znati (Date of access - 12.12.2017) [in Russian].

Bliujiene 2011 - *Bliujiene A*. Northern Gold, Leiden, 2011 [in English].

Borovskij 1988 - *Borovskij Ya.E.* Vizantijskie, staroslavyanskie i starogruzinskie istochnike o pohode rusov v VII v. na Car'grad [Byzantine, old Slavic and old Georgian a source about a campaign of rus in the 7th century to Constantinople], in: Drevnosti slavyan i Rusi [Antiquities of Slavs and Russia], Moscow, 1988 [in Russian].

Buchholtz 1753 - *Buchholtz S*. Versuch in der Geschichte Herzogthums Mecklenburg [History of the duchy Mecklenburg], Rostock, 1753 [in German].

Dmitrenko 2003 - *Dmitrenko S.G.* Morskie tajny drevnih slavyan [Sea secrets of ancient Slavs], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Drevnerusskie goroda 1987 - Drevnerusskie goroda v drevneskandinavskoj pis'mennosti [The Old Russian cities in drevneskandinavsky writing], Moscow, 1987 [in Russian].

Drevnyaya Rus' 2009a - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. 1 [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. Volume 1], Moscow, 2009 [in Russian].

Drevnyaya Rus' 2009b - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. 5 [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. Volume 5], Moscow, 2009 [in Russian].

Dumézil 1956 - *Dumézil G*. Aspects de la fonction guerrière chez les Indo-européens [Aspects of military science of Indo-Europeans], Paris, 1956 [in French].

Epoha bronzy 1987 - Epoha bronzy lesnoj polosy SSSR [Era of bronze of a forest strip of the USSR], Moscow, 1987 [in Russian].

Fasmer 1967 - *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 2 [Etymological dictionary of Russian. Volume 2], Moscow, 1967 [in Russian].

Fridrih fon Kejsler 1900 - *Fridrih fon Kejsler.* Okonchanie pervonachal'nogo russkogo vladychestva v Pribaltijskom krae v XIII stoletii [The end of initial Russian dominion in the Baltic region in the XIII century], St. Petersburg, 1900 [in Russian].

Galkin 1991 - *Galkin L.P.* Otkuda «priplyli» kamennye lad'i? [From where stone castles «came»?], in: Nauka i zhizn' [Science and life], 1991, № 9 [in Russian].

Genrih Latvijskij 1938 - *Genrih Latvijskij.* Hronika Livonii [Chronicle of Livonia], Moscow; Leningrad, 1938 [in Russian].

Graudonis 1987 - *Graudonis Ya.Ya.* Epoha bronzy i rannego zheleza na territorii Latvii. Nauchnyj doklad [Era of bronze and early iron in the territory of Latvia. Scientific report], Moscow, 1987 [in Russian].

Herrman 1986 - *Herrman J.* Slavyane i normanny v rannej istorii Baltijskogo regiona [Slavs and Normans in early history of the Baltic region], in: Slavyane i skandinavy [Slavs and Scandinavians], Moscow, 1986 [in Russian].

Hrestomatiya 2004 - Hrestomatiya po istorii Rossii s drevnejshih vremen do 1618 g. [The anthology of history of Russia from the most ancient times to 1618], Moscow, 2004 [in Russian].

Karamzin 1818 - *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. 1 [History of the state Russian. Volume 1], St. Petersburg, 1818 [in Russian].

Konsa 2008 - *Konsa M.* Samoe drevnee sudno Estonii [The most ancient vessel of Estonia], in: Valtfort: balticmilitary history magazine, 2008, № 4 [in Russian].

Konsa 2009 - *Konsa M., Heinsalu A., Vassiljev J*. Arheoloogilise objekti geoloogilisi aspekte: muinaslaev Salme muinasrannal [Archaeological objects in geological aspect: Salma], in: Piirideta geoloogia [Geology without borders], Tartu, 2009 [in Estonian].

Konsa 2011 - *Konsa M*. Salmen laivahauta Saarenmaalla [Salma to Saaremaa], in: Hiisi. Lehti muinaisuuden harrastajille [Pages of history], 2011, № 2 [in Estonian].

Livokiel 1999 - Livokiel-letkiel-livokiel sonarontoz. Libiesu-latviesu-libiesu vardnica, Riga, 1999 [in Latvian].

Machinskij, Kuleshov 2004 - *Machinskij D.A., Kuleshov V.S.* Severnye narody serediny IV – pervoj poloviny VI v. v «Getica» Iordana [The northern people of the middle of IV – the first half of the 6th century in «Getica» of Jordanes], in: Ladoga i Gleb Lebedev [Ladoga and Gleb Lebedev], St. Petersburg, 2004 [in Russian].

Martynov 1989 - *Martynov V.V.* Slavyanskij, italijskij, baltijskij [Slavic, Italic, Baltic], in: Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya [Slavs. Ethnogenesis and ethnic history], Leningrad, 1989 [in Russian].

Na raskopkah 2010 - Na raskopkah v Sal'me nashli mech bogatogo voina [On excavation in Salma found a sword of the rich soldier], 2010, Electronic resource: http://rus.postimees.ee/313692/na-raskopkah-v-salme-nashli-mech-bogatogo-voina (Date of access - 12.12.2017) [in Russian].

Nazarenko 1980 - *Nazarenko A.V.* Ob imeni «Rus'» v nemeckih istochnikah IX-XI vv. [About the name «Russia» in the German sources of the 9-11th centuries], in: Voprosy yazykoznaniya [Linguistics questions], 1980, № 5 [in Russian].

Paul' 2011 - *Paul' A.* Rekonstrukciya drevneslavyanskoj lad'i [Reconstruction of an Old Slavic castle], 2011, Electronic resource: http://nap1000.livejournal.com/6450.html (Date of access - 12.12.2017) [in Russian].

Peets 2010 - *Peets J., Allmäe R., Maldre L*. Archaeological investigations of Pre-Viking Age burial boat in Salme village at Saaremaa, in: Archaeological fieldworkj in Estonia, 2010, Tallinn, 2010 [in English].

Peets 2012 - *Peets J., Allmäe R., Maldre L*. Research results of the Salme ship burials in 2011-2012, in: Archaeological fieldwork in Estonia, 2012, Tallinn, 2012 [in English].

Sakson Grammatik 2017 - *Sakson Grammatik.* Deyaniya danov. T. 1 [Deeds of the Danes. Volume 1], Moscow, 2017 [in Russian].

Saxonis Grammatici 1886 - *Saxonis Grammatici*. Gesta Danorum [Deeds of the Danes], Strassburg, 1886 [in German].

Seryakov 2016 - *Seryakov M.L.* Velikoe nachalo. Rozhdenie Rusi [Great beginning. Birth of Russia], Moscow, 2016 [in Russian].

Seryakov 2017 - *Seryakov M.L.* Rusy vo vremena velikih potryasenij [Russians at the time of great shocks], Moscow, 2017 [in Russian].

Sharovol'skij 1904 - *Sharovol'skij I.V.* O slavyanskih zaimstvovaniyah v severnyh germanskih yazykah [About Slavic loans in northern German languages], in: Izbornik Kievskij [Izbornik Kiyevsky], Kiev, 1904 [in Russian].

Shlecer 1809 - *Shlecer A.L.* Nestor. Ch. I [Nestor. Part I], St. Petersburg, 1809 [in Russian].

Shuvalov 2004 - *Shuvalov P.V.* Pelles sappherinae i vostochnyj put'. K voprosu o politicheskoj istorii Balto-Skandii v V-VI vv. [Pelles sappherinae and east way. To a question of political history of Balto-Skandiya in the 5-6th centuries], in: Ladoga i Gleb Lebedev [Ladoga and Gleb Lebedev], St. Petersburg, 2004 [in Russian].

Sulimirskij 2008 - *Sulimirskij T.* Sarmaty [Sarmatians], Moscow, 2008 [in Russian].

Svod 1995 - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah. T. 2 [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume 2], Moscow, 1995 [in Russian].

Tatishchev 1962 - *Tatishchev V.N.* Istoriya rossijskaya. T. 1 [History is the Russian. Volume 1], Moscow; Leningrad, 1962 [in Russian].

Tiander 1906 - *Tiander K.* Poezdki skandinavov v Beloe more [Trips of Scandinavians to the White Sea], St. Petersburg, 1906 [in Russian].

Truhachev 1981 - *Truhachev N.S.* Popytka lokalizacii Pribaltijskoj Rusi na osnovanii soobshchenij sovremennikov v zapadnoevropejskih i arabskih istochnikah X-XIII vv. [Attempt of localization of Baltic Russia on the basis of messages of contemporaries in the Western European and Arab sources of the 10-13th centuries], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1980 [The most ancient states in the territory of the USSR. Materials and researches. 1980], Moscow, 1981 [in Russian].

Trusman 1894 - *Trusman Yu.* Russkie elementy v Estlyandii v XIII-XIV vv. [The Russian elements in Estlyandiya in the 13-14th centuries], in: Vremennik Estlyandskoj gubernii. 1893. Kn.1 [Vremennik Estlyandska of the province. 1893. Book 1], Revel, 1894 [in Russian].

Trusman 1895 - *Trusman Yu.* Proiskhozhdenie naseleniya na o. Ezel', Dago i Mone [Population origin on the lake Ezel, Dago and Mone], in: Vremennik Estlyandskoj gubernii. 1894. Kn. 2 [Vremennik Estlyandska of the province. 1894. Book 2], Revel, 1895 [in Russian].

Vitsen 1996 - *Vitsen N.* Puteshestvie v Moskoviyu [Travel to Moskovia], St. Petersburg, 1996 [in Russian].

Серяков Михаил Леонидович – Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).
Mikhail Seryakov – Independent researcher (St. Petersburg, Russia).
E-mail: mikhail-serjakv@rambler.ru

УДК 902/904

ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ АРХЕОЛОГИИ ЯНТАРНОГО БЕРЕГА I-V ВВ. Н.Э.

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

Древности Янтарного берега, северо-восточной окраины Barbaricum, изучаются в юго-восточной части Балтии, на территории бывшей провинции Восточная Пруссия с 1724 г. За два с половиной столетия археологических работ накоплен богатейший материал по истории материальной и духовной культуры эстиев, обитателей Янтарного берега в римское время. Благодаря своим природным богатствам этот европейский регион был известен во многих частях нашего континента, торговые контакты эстиев связывали их с самыми разными народами Barbaricum. Правда, основной акцент археологических исследований в юго-восточной Балтии последнего столетия был сконцентрирован на изучении местных древностей эпохи раннего средневековья. В предлагаемой статье сведены данные о публикациях относительно археологии более раннего времени – эпохи римских влияний.

Ключевые слова: историография, археология, Янтарный берег, римское время.

A HISTORIOGRAPHIC ESSAY ON THE AMBER COAST'S ARCHAEOLOGY OF THE 1st – 5th CENTURIES AD

Vladimir Kulakov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dm St. Ulyanova, 19,
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

The antiquities of the Amber Coast, the north-eastern outskirts of Barbaricum, have been under study in the south-eastern part of the Baltic, on the territory of the former province of East Prussia, since 1724. A wealth of artifacts on the history of material and spiritual culture of the Aesti, inhabitants of the Amber Coast in the Roman times, has been accumulated in the last two and a half centuries of the archaeological works. Due to its natural resources, this European region was known in many places of our continent, and the Aesti's trade contacts linked them to the diverse peoples of the Barbaricum. However, the last century's archaeological research in the south-eastern Baltic has focused on the study of local antiquities dated to the early Medieval period. The proposed article consolidates data on archaeological publications related to an earlier period - the era of the Roman influences.

Keywords: historiography, archaeology, Amber Coast, Roman era.

* * *

Древности Янтарного берега, северо-восточной окраины Barbaricum, изучаются в юго-восточной части Балтии, на территории бывшей провинции Восточная Пруссия с 1724 г. За два с половиной столетия археологических работ накоплен богатейший материал по истории материальной и духовной культуры эстиев, обитателей Янтарного берега в римское время. Благодаря своим природным богатствам этот европейский регион был известен во многих частях нашего континента, торговые контакты эстиев связывали их с самыми разными народами Barbaricum. Правда, основной акцент археологических исследований в юго-восточной Балтии последнего столетия был сконцентрирован на изучении местных древностей эпохи раннего средневековья. Ныне любой западноевропейский студент-историк знает о древностях земли пруссов эпохи викингов, результаты изучения которых представлены в нескольких монографиях. Однако обобщающей работы о началах истории указанной части Ойкумены пока нет. В немалой мере это связано с утратой значительной части археологических коллекций музея «Пруссия» (Кёнигсберг) в результате трагических событий конца Второй Мировой войны. Балтийская экспедиция Института археологии РАН за 40 лет своей работы на территории Калининградской области, а также польские археологи, работавшие в послевоенное время в приграничных районах соседнего государства, накопили данные, позволяющие нам предпринять попытку создания первого в истории науки обзора непростой и динамичной исторической ситуации, сложившейся на Янтарном берегу в I-V вв. н.э.

Античные авторы донесли до нас информацию об эстиях – народе, обитавшем в начале нашей эры на берегах Балтии. Об их роли в торговле с Римской Империей на раннем этапе её развития Плиний Старший сообщает в своей «Естественной истории»: «И поныне жив еще римский всадник, посланный туда (на янтарный берег) для приобретения янтаря Юлианом, ведавшим устройством гладиаторских игр при принцепсе Нероне. Он обошёл местные торговые пункты и берега и привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищавшие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр» (Плиний Старший 1937: 49).

Пользовавшийся информацией германских и, возможно, кельтских торговцев Публий Корнелий Тацит описывает жизнь эстиев следующим образом: «Что касается правого побережья Свевского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык – ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов… Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им

нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях единственные их всех собирают янтарь, … ведь он долго лежал вместе со всем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется: собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену» (Тацит Корнелий 1969: 372).

Итак, судя по сообщениям римских письменных источников, эстии в начале нашей эры находились в постоянном контакте с соседними племенами, были похожи своим обликом на представителей определённых германских племён, торговые связи эстиев простирались до самого римского лимеса. Крайне важным является упоминание многочисленных «торговых пунктов» (emporia), на которых в ареале эстиев велась торговля янтарём.

Уже в XVIII в. среди представителей местной интеллигенции зародился интерес к древностям аборигенов. Если первоначально члены образовавшегося в 1844 г. Общества по изучению древностей «Пруссия» (Кёнигсберг) занимались сбором антикварных раритетов, то к началу второй половины XIX в. можно говорить о появлении в Янтарном крае регулярных археологических раскопок.

Подлинным отцом археологии юго-восточной Балтии следует считать Отто Тишлера, математика по образованию. Используя свои знания по формальной логике, он, будучи директором Департамента древностей Общества «Пруссия», в сентябре 1879 г. проведя раскопки грунтового могильника Dollkeim/Коврово, систематизировал добытые там находки в рамках типологического метода (Tischler 1880a: 82). Результаты его эпохальной работы были представлены в 1880 г. на Выставке доисторических и антропологических находок Германии, где на картонах XVIII-XLI были показаны систематизированные О. Тишлером находки римского времени (Tischler 1880b: 393-421). Созданная этим археологом на основе анализа находок на могильнике Dollkeim/Коврово хронологическая таблица (фазы B-D) является базой для хронологических изысканий в археологии Европы первой половины I тыс. н.э. За последние полвека рамки указанных выше, выделенных основоположником прусской археологии для римского периода, уточнялись рядом ведущих европейских археологов (Eggers 1955: 196-244; Godłowski 1970: 42-56; Lund Hansen 1987: 39).

Ученик О. Тишлера, использовав полевые дневники своего учителя, на заре XX в., впервые опубликовал по комплексам результаты работ на нескольких могильниках римского времени (Tischler, Kemke 1903: 1-46).

Продолжателем типологического метода в анализе археологического материала римского времени применительно к наиболее репрезентативной части погребального инвентаря – фибулам – стал в начале XX в. Оскар Альмгрен. В его работе (Almgren 1923) находки из прусских могильников заняли достойное место.

В начале XX в. члены Общества по изучению древностей «Пруссия» развернули активные полевые работы на территории провинции, затронувшие в основном погребальные памятники эпохи римского влияния. Результаты этих работ

были опубликованы в статьях, выходивших в журнале «Prussia» и нередко страдавших минимумом графической и текстовой информации. Насыщенный информацией очерк истории изучения древностей эстиев в первой половине XX в. дал Войцех Новаковски в своей монографии, явившейся первой работой, в которой комплексно были освящены древности Янтарного каря и Мазурского Поозерья начала нашей эры (Nowakowski 1996: 6-9). До польского коллеги краткие обзоры этих древностей в предвоенное время представляли Вильгельм Герте (Gaerte 1929) и Карл Энгель вместе с Вольфгангом Ла Бомом (Engel, La Baume 1937). Работа В. Новаковски интересна прежде всего активным введением в научный оборот архивных материалов Музея «Пруссия», долгое время считавшихся пропавшими в ходе войны. С привлечением этих данных автору удалось создать хронологию находок на могильниках эстиев, выделив при этом хрономаркеры:

Фаза I – фибулы типов Jezerine, Almgren 239 – фазы A_3-B_2 (30-25 гг. до н.э. – 70-80 гг. н.э.).

Фаза II – фибулы типов A.69, A.72 – фаза B_2 - начало фазы B_2/C_1.

Фаза III – фибулы групп A.VI, VII – вторая пол. II – сер. III в. н.э.

Фаза IV – фибулы типа A.190 – ок. 230 г. н.э. – сер. V в. н.э. (Nowakowski 1996: 94-96).

Правда, В. Новаковски выделил в древностях Самбии материал фаз V и VI, продолжая относить их к культуре «Dollkeim/Коврово» (так варшавский исследователь именует самбийско-натангийскую группу западнобалтской культуры), не замечая появление к середине V в. прусской археологической культуры. Критике данных воззрений В. Новаковски мне пришлось посвятить значительное место в одной из своих монографий (Кулаков 2003).

В русской историографии опубликованы два очерка истории изучения древностей эстиев, представленные автором этих строк (Kulakov 2005: 3-8; Кулаков 2016а: 7-17). В последней работе обзор исследовательской деятельности в Янтарном крае доведён до конца первого десятилетия III тысячелетия н.э. Поэтому подробно стоит остановиться на полевой деятельности и публикациях нескольких последних лет.

Основной массив полевых работ на памятниках римского времени на территории Калининградской области с 2005 г. ведёт новостроечная Самбийская экспедиция Института археологии РАН под руководством А.Н. Хохлова. Конкретно могильники римского времени доверено изучать Самбийско-Натангийскому отряду САЭ под началом К.Н. Скворцова. Научную поддержку этим работам поручено вести специалисту по западноевропейским древностям IV-V вв. н.э. М.М. Казанскому, осуществлявшему эту поддержку прежде всего в виде рецензий на издания К.Н. Скворцова и введений к ним (Казанский 2012: 174-178; Шаров, Казанский 2010: 11-13). К сожалению, все эти издания, показывающие отсутствие у их автора должной профессиональной подготовки, ранее получили отрицательные рецензии (Кулаков 2009: 183-189; Кулаков, Лухтанас 2011: 160-165) и не оставили заметного следа в археологических исследованиях юго-восточной Балтии. Низкий

уровень подготовки сотрудников Самбийской экспедиции сказался и на результате их полевых исследований, которые зачастую проводились в так называемых «межусадебных пространствах», а не в пределах поселений римского времени (Кулаков 2012: 108-111).

В отличие от полевых работ, специально не ориентируемых на выполнение каких-либо научных проектов, связанных с изучением древностей Янтарного края римского времени, публикационная деятельность по данной тематике за последние годы и в России, и в Польше развивается быстрыми темпами.

Самой заметной в Польше послевоенного времени публикацией по проблемам археологии эстиев является монография Войцеха Новаковски, изданная 20 лет тому назад (Nowakowski 1996: 1-169). Книга страдала таким количеством неточностей и прямых ошибок и недосказаний (автор практически не обратил никакого внимания на погребальный обряд эстиев и, в частности, на конские захоронения), что мне в рамках критики творения варшавского специалиста по древностям западных балтов пришлось написать ответную монографию (Кулаков 2003).

Несколько статей посвящено полевым работам за последнее десятилетие. Упоминавшийся выше нач. Самбийско-Натангийского отряда САЭ опубликовал результаты своей шурфовки эталонного для Самбии могильника римского времени Grebieten (Зеленоградский р-н). Несмотря на то, что шурфовка вредоносна для культурного слоя и комплексов любого могильника и не позволяет сделать серьёзных выводов об исследованных объектах, автор не постеснялся привести даже фото своего шурфа (Prassolov, Skvortsov 2016: fig. 6). Не только на могильнике Grebieten, но и на других могильниках римского времени К.Н. Скворцов активно использовал метод шурфовки (Скворцов 2012: 14, 15). К сожалению, публикации результатов раскопок указанного автора страдают необоснованной краткостью. Выводы автора, базирующиеся на указанном материале, в ряде случаев весьма ошибочны. Так К.Н. Скворцов считает, что «первые торговые и административные центры на Янтарном пути» располагались на холмистой гряде Alkgebirge (центр Самбии) (Скворцов 2017: 180), что совершенно невозможно ввиду естественных географических причин (отсутствие выхода к морским бухтам, в частности). Не обладая должными знаниями по археологии эстиев и пруссов, упомянутый автор заявил о том, «что к середине VI в. начинает прослеживаться резкое оскудение погребального инвентаря и его унификация…» (Скворцов 2016: 158). На самом деле это «оскудение» связано лишь с постепенной ассимиляцией в балтской среде потомков германоязычных видивариев, использовавших в своём обиходе до середины VI в. весьма престижные предметы, декорированные в зверином стиле (Кулаков 2016: 50). Прусские погребения второй половины VI – рубежа VII-VIII вв., исследованные Мирославом Петшаком на берегу Вислинского залива, по-прежнему поражают обилием и роскошью деталей инвентаря (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: pl. LIX).

В последние годы в методике археологических исследований появились не только негативные (как, например, шурфовка могильников), но и позитивные аспекты. К последним следует отнести применение металлодетектора при обследовании болотистых берегов озёр на Мазурах, позволившее польским археологам обнаружить клад римской militaria (Nowakiewicz, Rzeszotarska-Nowakiewicz 2012). К сожалению, абсолютно неправомерное применение сотрудниками САЭ металлодетекторов при изучении могильников Самбии римского времени даёт вполне одностороннее впечатление о находящихся там комплексах, фиксируя лишь металлические предметы (Skvorzov 2014: 277-283).

Кроме публикаций результатов современных исследований большое внимание авторами статей отведено републикации материалов старых раскопок (Кулаков 2016б: 78-84; 2017: 66-88; Хомякова 2013: 1-13; Хомякова, Успенский 2015: 122-137).

Основной массив статей посвящён проблемам вещеведения на базе археологических материалов начала нашей эры. В. Новаковский разобрал типологию и хронологию изготовленных местными мастерами фибул группы AVI с навершиями в виде бычьих голов (Nowakowski 2016: 129-139). Литовские, польские и немецкие коллеги, сравнивая находки на Литовском Взморье и в Мазурском Поозерье, пришли к выводу о том, что в эпоху Великого переселения народов эти два региона связывались торговыми контактами по рр. Шяшупе и Юра (Banytė-Rovell, Bitner-Wróblewska, Reich 2016: 146). К сожалению, указанным археологам осталась неизвестной точка зрения автора этих строк, который ранее писал об этом пути, правда, фиксируя его по рр. Инстручу, Анграпе и Писсе (Кулаков 2010: 292). Польскими коллегами была пересмотрена интерпретация «хирургических инструментов» римского времени из погр. 66 могильника Gonschor/Gąsior (Bitner-Wróblewska, Wyczólkowski 2017: 81-95). Бартош Контны опубликовал интересное исследование втульчатых топоров западных балтов начала нашей эры, доселе не привлекавших к себе внимание археологов (Kontny 2016: 37-63). Интересно выявление аспектов генезиса пластинчатых браслетов эстиев, проведённое О.А. Хомяковой (Khomiakova 2017: 63-83). Известный немецкий археолог Дитер Кваст суммировал накопленную к настоящему времени информацию о фибулах серии Zwiebelknopffibeln, к сожалению, не учтя ни находки таких фибул в юго-восточной Балтии, ни русскоязычные публикации по этому вопросу (Quast 2015: 305-328). Евгениуш Хотливы опубликовал сводную работу о костяных гребнях Barbaricum римского времени, показав северную границу их распространения у границ современной Калининградской обл. (Chotliwy 2010: ryc. 1).

Вслед за автором этих строк (Кулаков 2016а: 1-362) был рассмотрен вопрос германских импортов среди племён Barbaricum (Quast 2017: 357-368). Этому же вопросу, однако применительно к V-VI вв., посвящёна новейшая статья М.М. Казанского (Казанский 2017: 265-273). Слабое знакомство автора с балтийской проблематикой видно буквально с первых строк его публикации. Использование им термина «Восточная Пруссия» применительно к современной Калининградской

области является анахронизмом, многократное искажение топонимов («Шеварлинг» вместо «Шёнварлинг», «Калару» вместо «Келары» – Казанский 2017: 266, рис. 5) запутывает читателя. Пытаясь показать себя специалистом по ключевым вопросам археологии Янтарного края, М. Казанский на самом деле демонстрирует себя как эпигона в процессе исследования древностей поздней фазы развития древностей эстиев. Изучение заморских связей этой группы населения юго-восточной Балтии было начато Анной Битнер-Врублевской (Bitner-Wróblewska 2001: 1-257), сравнившей встречаемость ряда типов фибул на Самбии и на западной оконечности Балтии. М. Казанский фактически повторил это исследование через 16 лет после выхода в свет монографии варшавской коллеги. Вопрос о матримониальных связях жителей Мазурского Поозерья и обитателей берегов юго-восточной Скандинавии был рассмотрен автором этих строк 6 лет тому назад (Кулаков 2011: 36-65). М. Казанский, судя по сноскам к его статье, не знаком с указанным изданием, как и с многими другими библиографическими позициями по вопросу, который он пытается изучать. К сожалению, его новейшая публикация не приносит ничего нового в массив наших знаний о древностях эстиев и пруссов середины I тыс. н.э.

В последние годы начата работа по реконструкции социальной структуры в обществе эстиев. Первым к этой теме обратился автор этих строк, попытавшийся по устойчивым признакам погребального обряда и инвентаря выделить социальные группы эстиев и условно наименовать их в соответствии с известными нам группами в социальной градации обществ Barbaricum римского времени (Кулаков 2005: 278-382). Позднее сотрудники САЭ предложили свою версию палеосоциологии Самбии, а заодно и гендерной принадлежности погребённых. Было выявлено отсутствие различий в принципах снаряжения в мир Иной взрослых и детей (Казанский, Мастыкова, Скворцов 2017: 28, 29). Как это повелось у сотрудников САЭ в последнее десятилетие, считающих себя первооткрывателями археологии Янтарного берега, палеосоциальные реконструкции, основанные на материалах Балтийской археологической экспедиции (БАЭ ИА РАН), ими не были приняты в расчёт (как и их литовскими коллегами – Kačkut 2014: 43-72) ввиду «необоснованного использования римской терминологии, … отсутствия чётко сформулированных критериев выделения социальных страт» (Казанский, Мастыкова, Скворцов 2017: 30, сноска 3). Такая точка зрения базируется на крайней невнимательности, проявленной авторами упомянутого выше палеосоциального опуса, проявленной ими при прочтении моей монографической статьи 2005 г. Многочисленные «уровни», ранее предложенные К.Н. Скворцовым (Скворцов 2015: 69, 70), в рамках которых М.М. Казанский с соавторами пытался воссоздать социальную структуру общества эстиев, выглядят искусственной схемой и предельно затрудняют палеосоциальные исследования. О.А. Хомякова вообще высказала сомнение в возможности построения «многоуровневой системы общества с чётко выделенными стратами для периода формирования археологической культуры римского времени на Калининградском полуострове», хотя и отнесла владелиц «самбийских» поясов к местной элите (Хомякова 2016: 44, 45). Правда, то, что владелицы упомянутых

поясов, являлись, скорее всего, представительницами различных культурно-этнических групп (Кулаков 2016а: 67), О.А. Хомякова так и не заметила. Этот же автор опубликовал основанную во многом на данных немецких архивов довольно содержательную сводку предметов из инвентаря эстиев, украшенных ажурным декором (Хомякова 2015: 190-228).

Начатое мною исследование поселенческой археологии (Кулаков 2005: 65-92) древнего населения Янтарного края продолжено через 12 лет на современном инструментальном уровне (Хомякова, Сходнов, Чаукин 2017: 56, 57).

Приведённый выше очерк историографии древностей эстиев, ориентированный на знакомство читателей прежде всего с новейшими публикациями, свидетельствует о постоянно возрастающем интересе не только польских, но и отечественных археологов к указанной проблематике. Правда, большинство из них ещё не готово по уровню своих знаний к адекватной оценке аспектов археологии Янтарного берега римского времени.

ЛИТЕРАТУРА

ИА РАН - Институт археологии Российской академии наук.

Казанский 2012 - *Казанский М.М.* Рецензия на: Скворцов К.Н. Могильник Митино V-XIV вв. (Калининградская обл.). По результатам исследований 2008 г. Ч. I, II. М., 2010 // Российская археология. 2012. № 2. С. 174-178.

Казанский 2017 - *Казанский М.М.* Эстии и Океан: о распространении некоторых типов фибул эпохи переселения народов и меровингского времени // Археологические вести. Вып. 23. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2017. С. 265-273.

Казанский, Мастыкова, Скворцов, 2017 - *Казанский М.М., Мастыкова А.В., Скворцов К.Н.* Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (V-VII вв.) // Российская археология. 2017. № 3. С. 28-45.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 348 с.

Кулаков 2005а - *Кулаков В.И.* Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I-XI вв. н.э. // Stratum plus. 2005. № 4. С. 278-382.

Кулаков 2005б - *Кулаков В.И.* Поселенческая археология Янтарного края // Труды Института практического востоковедения. Т. I. Сборник статей к 10-летию ИПВ. М.: Институт практического востоковедения, 2005. С. 65-92.

Кулаков 2009 - *Кулаков В.И.* Новое издание по археологии Центральной и Восточной Европы // Archaeologia Lituana. T. 10. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2009. С. 183-189.

Кулаков 2010 - *Кулаков В.И.* Прусские находки в Британском музее // Stratum plus. 2010. № 4. С. 289-308.

Кулаков 2011 - *Кулаков В.И.* Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв. Saarbrucken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 150 c.

Кулаков 2012 - *Кулаков В.И.* Исследования памятников археологии первой половины I тысячелетия н.э. в Калининградской области в 1946-2010 гг. // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2012. № 1 (275). С. 95-111.

Кулаков 2016а - *Кулаков В.И.* Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга, 2016. 362 с.

Кулаков 2016б - *Кулаков В.И.* Corjeiten/Путилово: данные раскопок О. Тишлера (1884, 1885 гг.) // Научные чтения, посвящённые Виктору Владимировичу Мартынову. Сборник научных работ. Вып. IV. Часть 1. Минск: РИВШ, 2016. С. 78-84.

Кулаков 2016в - *Кулаков В.И.* Звериный стиль в земле пруссов (кон. IV – X вв.) // Исторический формат. 2016. № 2. С. 21-58.

Кулаков 2017 - *Кулаков В.И.* Kirpehnen/Поваровка-1 и Kirpehnen-II/Поваровка-2: данные раскопок // Исторический формат. 2016. № 4. С. 66-88.

Кулаков, Лухтанас 2011 - *Кулаков В.И., Лухтанас А.Б.* Издание по археологии прусских древностей // Archaeologia Lituana. T. 12. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2011. С. 160-165.

САЭ - Самбийская археологическая экспедиция ИА РАН.

Скворцов 2012 - *Скворцов К.Н.* Новые находки памятников римского времени на побережье Вислинского залива // Stratum plus. 2012. № 4. С. 1-18.

Скворцов 2015 - *Скворцов К.Н.* Социальная стратификация населения Самбийского полуострова в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов (по материалам погребальных памятников) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы Международной научной конференции. М.: ИА РАН, 2015. С. 68-71.

Скворцов 2016 - *Скворцов К.Н.* Формирование социальных элит у эстиев в конце римского времени и в эпоху Великого переселения народов // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 146-162.

Скворцов 2017 - *Скворцов К.Н.* Могильник Путмилово-2 (Калининградская область, Зеленоградский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. Материалы спасательных археологических исследований. № 19. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 178-181.

Хомякова 2013 - *Хомякова О.А.* Поле погребений Родники (бывш. Preußisch Arnau/Käppchen) и его место в культурном ландшафте микрорегиона озера Чистый Пруд: опыт предварительного анализа // Stratum plus. 2013. № 4. С. 1-13.

Хомякова 2015 - *Хомякова О.А.* Стиль ажурной орнаментики римского времени в юго-восточной Прибалтике // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Четвёртая конференция. Ч. I. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 190-228.

Хомякова 2016 - *Хомякова О.А.* Вопросы социальной интерпретации погребений с «самбийскими» поясами римского времени из ареала культуры Доллькайм-Коврово // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 243. С. 33-49.

Хомякова, Сходнов, Чаукин 2017 - *Хомякова О.А., Сходнов И.Н., Чаукин С.Н.* Методы визуализации и ГИС-анализа в изучении культурного ландшафта памятников юго-восточной Прибалтики первой половины I тыс. н.э. // Археология и гоеоинформатика. Третья Международная конференция. Тезисы докладов. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 56-57.

Хомякова, Успенский 2015 - *Хомякова О.А., Успенский П.С.* Могильник римского времени Изобильное (Klein Fliess, Kr. Labiau) в Калининградской области: архивные данные и новые исследования // Российская археология. 2015. № 3. С. 122-137.

Шаров, Казанский 2010 - *Шаров О.В., Казанский М.М.* Предисловие // Germania-Sarmatia. Т. II. Калининград; Курск: Калининградский Областной историко-художественный музей, 2010. С. 11-13.

Almgren 1923 - *Almgren O.* Studien zur Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte und Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch, 1923.

Banytė-Rovell, Bitner-Wróblewska, Reich 2016 - *Banytė-Rovell R., Bitner-Wróblewska A., Reich Chr.* West Lithuania as a golden Bridge between the Sea and the Baltic Hinterland in Northeast Poland during the Roman and Migration Periods // Archaeologia Baltica. Vol. 23. Klaipėda: Klaipėdos universitetas Press, 2016. S. 140-151.

Bitner-Wróblewska 2001 - *Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2001. 257 s.

Bitner-Wróblewska, Wyczólkowski 2017 - *Bitner-Wróblewska A., Wyczólkowski M.* The Tormator from Galindia. Roman Period Woodturning Tools from the Cemetery at Jaskowska See/Gonschor (Now Gąsior), North-Eastern Poland // Orbis Barbarorum. Monumenta Archaeologica. Series Gemina. Tomus VI. Warszawa; Schleswig: Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 81-95.

Chotliwy 2010 - *Chotliwy E.* Grzebenie dzwonowatego typu w Europie. Szczecin: PPHU Totem S.C., 2010. 240 s.

Eggers 1955 - *Eggers H.J.* Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im Freien Germanien // Jahrbücher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz. Bd. 5. Lief. 2. Mainz: Verlag des RGZM, 1955. S. 196-244.

Engel, La Baume 1937 - *Engel C., La Baume W.* Kulturen und Völker der Fruhzeit im Preußenlande. I. Teil. Königsberg: Komissionsverlag von Gräfe und Unzer, 1937.

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929. 405 s.

Godłowski 1970 - *Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakladem Uniwersytetu Jagellońskiego, 1970. 126 s.

Kačkutė 2014 - *Kačkutė R.* Romėniškojo laikotarpio Vakarų Lietuvos ir Nemuno žemupio gyventojų socialinių santykių analizė kapinynų medžiagos pagrindų // Lietuvos archeologija. T. 40. Vilnius: Diemedžio leidykla, 2014. S. 43-72.

Khomiakova 2017 - *Khomiakova O.* The Origins of Cuff Bracelets in West Balt Cultures (according to Data frtom Sambian-Natangian Culture Cemeteries) // Lietuvos Archeologiija. T. 43. Vilnius, 2017. S. 63-83.

Kontny 2016 - *Kontny B.* Siekiery tulejkowe z kultur bogaczewskiej i sudowskijej // Wiadomości archeologiczne. T. LXVII. Warszawa, 2016. S. 37-63.

Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011 - *Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M.* Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland. Gdańsk; Warszawa: Institut archeologii Uniwersitetu Warszawskiego, 2011. 296 s.

Kulakov 2005 - *Kulakov V.* The Amber Lands in the Time of the Roman Empire. BAR S1356. Oxford: Hadrian Books Ltd., 2005. 168 s.

Lund Hansen 1987 - *Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden. København: Gyldendal, 1987. 346 s.

Nowakiewicz, Rzeszotarska-Nowakiewicz 2012 - *Nowakiewicz T., Rzeszotarska-Nowakiewicz A.* Jezioro Nidajno koło Czaszkowa na Mazurach: niezwykłe miejsce kultu z okresu późnej starożytności. Warszawa: Drukarnia Klimiuk, 2012. 143 s.

Nowakowski 1996 - *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar, 1996. 169 s.

Nowakowski 2016 - *Nowakowski W.* Items with the Ox-Head on the Shores of the Baltic Sea in the Roman Period // Archaeologia Baltica. Vol. 23. Klaipėda: Klaipėdos universitetas Press, 2016. S. 129-139.

Prassolov, Skvortsov 2016 - *Prassolov J.A., Skvortsov K.N.* On the Significance and Research Potential of the Grebieten Burial Ground: a Reconstruction of the prewar State of Knowledge and the Prospects for modern Research // Archaeologia Baltica. Vol. 23. Klaipėda: Klaipėdos universitetas Press, 2016. S. 81-95.

Quast 2015 - *Quast D.* Zwiebelknopffibeln im Barbaricum nördlich der mittleren und unteren Donau // Romania Gothica. The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture. Budapest: Kódex Könivgyártó Kft, 2015. S. 305-328.

Quast 2017 - *Quast D.* Germanischer Import der jüngeren Römischer Kaiserzeit in der Germania inferior // Orbis Barbarorum. Monumenta Archaeologica. Series Gemina. Tomus VI. Warszawa; Schleswig: Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 357-368.

Skvorzov 2014 - *Skvorzov K.* Zniszczony pochówek z zaweszką lunulowatą z pólwyspu Sambijskiego // Wiadomosci Archeologiczne. T. LXV. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2014. S. 277-283.

Tischler 1880b - *Tischler O.* Königsberg // Katalog der Ausstellung Prahistorischer und Anthropologischer Funde Deutschlands. Berlin: Druck von C. Berg & v. Holten, 1880. S. 393-452.

Tischler 1880a - *Tischler O.* Rede auf XI. Allgemeine Versammlung. Vierte Sitzung am Montag. Den 9. August 1880 // Correspondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jahrg. München, 1880. S. 71-83.

Tischler, Kemke 1902 - *Tischler O., Kemke H.* Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: Komission Verlag, 1902. 46 s.

REFERENCES

Almgren 1923 - *Almgren O.* Studien zur Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte und Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen [Studying fibulas northern Europe of the first centuries of our era and consideration of provincial Roman and South Russian forms], Leipzig, Verlag von Curt Kabitzsch Publ., 1923 [in German].

Banytė-Rovell, Bitner-Wróblewska, Reich 2016 - *Banytė-Rovell R., Bitner-Wróblewska A., Reich Chr.* West Lithuania as a golden Bridge between the Sea and the Baltic Hinterland in Northeast Poland during the Roman and Migration Periods, in: Archaeologia Baltica, Vol. 23, Klaipėda, Klaipėdos universitetas Press Publ., 2016, pp. 140-151 [in English].

Bitner-Wróblewska 2001 - *Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period, Warszawa, Drukarnia Janusz Bieszczad Publ., 2001, 257 p. [in English].

Bitner-Wróblewska, Wyczólkowski 2017 - *Bitner-Wróblewska A., Wyczólkowski M.* The Tormator from Galindia. Roman Period Woodturning Tools from the Cemetery at Jaskowska See/Gonschor (Now Gąsior), North-Eastern Poland, in: Orbis Barbarorum, Monumenta Archaeologica, Series Gemina, Tomus VI, Warszawa; Schleswig, Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2017, pp. 81-95 [in English].

Chotliwy 2010 - *Chotliwy E.* Grzebenie dzwonowatego typu w Europie [Burials of subbell type in Europe], Szczecin, PPHU Totem S.C. Publ., 2010, 240 p. [in Polish].

Eggers 1955 - *Eggers H.J.* Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im Freien Germanien [About absolute chronology of monuments of the Roman time in Germany], in: Jahrbücher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 5. Lief. 2 [Year-book of the Roman-German Central museum of Mainz. Volume 5. Release 2], Mainz, Verlag des RGZM Publ., 1955, pp. 196-244 [in German].

Engel, La Baume 1937 - *Engel C., La Baume W.* Kulturen und Völker der Fruhzeit im Preußenlande. I. Teil [Cultures and the people of the early period in Prussia. Part I], Königsberg, Komissionsverlag von Gräfe und Unzer Publ., 1937 [in German].

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens [Background of East Prussia], Königsberg, Gräfe und Unzer Verlag Publ., 1929, 405 p. [in German].

Godłowski 1970 - *Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe, Kraków, Nakladem Uniwersytetu Jagellońskiego Publ., 1970, 126 p. [in English].

Homyakova 2013 - *Homyakova O.A.* Pole pogrebenij Rodniki (byvsh. Preußisch Arnau/Käppchen) i ego mesto v kul'turnom landshafte mikroregiona ozera Chistyj Prud: opyt predvaritel'nogo analiza [Field of burials Springs (бывш. Preußisch Arnau/Käppchen) and its place in a cultural landscape of the microregion of the lake the Pure Pond: experience of the preliminary analysis], in: Stratum plus, 2013, № 4, pp. 1-13 [in Russian].

Homyakova 2015 - *Homyakova O.A.* Stil' azhurnoj ornamentiki rimskogo vremeni v yugo-vostochnoj Pribaltike [Style of an openwork twiddle of the Roman time in the southeast Baltics], in: Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoj Evropy v epohi rimskih vliyanij i Velikogo pereseleniya narodov. Chetvyortaya konferenciya. Ch. I [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe during eras of the Roman influences and Great resettlement of the people. Fourth conference. Part I], Tula, Gosudarstvennyj muzej-zapo-vednik «Kulikovo pole» Publ., 2015, pp. 190-228 [in Russian].

Homyakova 2016 - *Homyakova O.A.* Voprosy social'noj interpretacii pogrebenij s «sambijskimi» poyasami rimskogo vremeni iz areala kul'tury Doll'kajm-Kovrovo [Questions of social interpretation of burials with «sambiysky» belts of the Roman time from an area of culture of Dollkaym-Kovrovo], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. 2016. Vyp. 243 [Short messages of Institute of archeology. 2016. Release 243], pp. 33-49 [in Russian].

Homyakova, Skhodnov, Chaukin 2017 - *Homyakova O.A., Skhodnov I.N., Chaukin S.N.* Metody vizualizacii i GIS-analiza v izuchenii kul'turnogo landshafta pamyatnikov yugo-vostochnoj Pribaltiki pervoj poloviny I tys. n.e. [Methods of visualization and the GIS-analysis in studying of a cultural landscape of monuments of the southeast Baltics of the first half of I thousand AD], in: Arheologiya i goeoinformatika. Tret'ya Mezhdunarodnaya konferenciya. Tezisy dokladov [Archeology and goyeoinformatika. Third International conference], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2017, pp. 56-57 [in Russian].

Homyakova, Uspenskij 2015 - *Homyakova O.A., Uspenskij P.S.* Mogil'nik rimskogo vremeni Izobil'noe (Klein Fliess, Kr. Labiau) v Kaliningradskoj oblasti: arhivnye dannye i novye issledovaniya [Burial ground of the Roman time Rich (Klein Fliess, Kr. Labiau) in the Kaliningrad region: contemporary records and new researches], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2015, № 3, pp. 122-137 [in Russian].

IA RAN - Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk [Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences] [in Russian].

Kačkutė 2014 - *Kačkutė R.* Romėniškojo laikotarpio Vakarų Lietuvos ir Nemuno žemupio gyventojų socialinių santykių analizė kapinynų medžiagos pagrindų [Analysis of the social relations of residents of the Western Lithuania of the Roman time], in: Lietuvos archeologija. T. 40 [Lithuanian archeology. Volume 40], Vilnius, Diemedžio leidykla Publ., 2014, pp. 43-72 [in Lithuanian].

Kazanskij 2012 - *Kazanskij M.M.* Recenziya na: Skvorcov K.N. Mogil'nik Mitino V-XIV vv. (Kaliningradskaya obl.). Po rezul'tatam issledovanij 2008 g. Ch. I, II. M., 2010 [The review on: Skvortsov K.N. Burial ground of Mitino of the 5-14th centuries. (Kaliningrad Region). By results of researches of 2008. Part I, II. Moscow, 2010], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2012, № 2, pp. 174-178 [in Russian].

Kazanskij 2017 - *Kazanskij M.M.* Estii i Okean: o rasprostranenii nekotoryh tipov fibul epohi pereseleniya narodov i merovingskogo vremeni [Aesti and Ocean: about distribution of some types фибул eras of resettlement of the people and merovingsky time], in: Arheologicheskie vesti. Vyp. 23 [Archaeological messages. Release 23], St. Petersburg, Institut istorii material'noj kul'tury RAN Publ., 2017, pp. 265-273 [in Russian].

Kazanskij, Mastykova, Skvorcov, 2017 - *Kazanskij M.M., Mastykova A.V., Skvorcov K.N.* Priznaki social'noj stratifikacii u naseleniya sambijsko-natangijskoj kul'tury v nachale srednevekov'ya (V-VII vv.) [Signs of social stratification at the population of sambiysko-natangiysky culture at the beginning of the Middle Ages (the 5-7th centuries)], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2017, № 3, pp. 28-45 [in Russian].

Khomiakova 2017 - *Khomiakova O.* The Origins of Cuff Bracelets in West Balt Cultures (according to Data frtom Sambian-Natangian Culture Cemeteries), in: Lietuvos Archeologiija, T. 43, Vilnius, 2017, pp. 63-83 [in English].

Kontny 2016 - *Kontny B.* Siekiery tulejkowe z kultur bogaczewskiej i sudowskijej [Sleeves from Bogachyov's culture and Sudovia], in: Wiadomości archeologiczne, T. LXVII [Archaeological sheets. Volume LXVII], Warszawa, 2016, pp. 37-63 [in Polish].

Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011 - *Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M.* Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland, Gdańsk; Warszawa, Institut archeologii Uniwersitetu Warszawskiego Publ., 2011, 296 p. [in English].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia till 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 348 p. [in Russian].

Kulakov 2005 - *Kulakov V.* The Amber Lands in the Time of the Roman Empire, BAR S1356, Oxford, Hadrian Books Ltd. Publ., 2005, 168 p. [in English].

Kulakov 2005a - *Kulakov V.I.* Arheologicheskie kriterii social'noj istorii Yantarnogo berega v I-XI vv. n.e. [Archaeological criteria of social history of the Amber coast in the 1-11th centuries AD], in: Stratum plus, 2005, № 4, pp. 278-382 [in Russian].

Kulakov 2005b - *Kulakov V.I.* Poselencheskaya arheologiya Yantarnogo kraya [Settlement archeology of the Amber land], in: Trudy Instituta prakticheskogo vostokovedeniya. T. I. Sbornik statej k 10-letiyu IPV [Works of Institute of practical oriental studies. Volume I. The collection of articles to the 10 anniversary of IPV], Moscow, Institut prakticheskogo vostokovedeniya Publ., 2005, pp. 65-92 [in Russian].

Kulakov 2009 - *Kulakov V.I.* Novoe izdanie po arheologii Central'noj i Vostochnoj Evropy [The new edition on archeology of Central and Eastern Europe], in: Archaeologia Lituana. T. 10 [Lithuanian archeology. Volume 10], Vilnius, Vilniaus universitetas Publ., 2009, pp. 183-189 [in Russian].

Kulakov 2010 - *Kulakov V.I.* Prusskie nahodki v Britanskom muzee [Prussian finds in the British museum], in: Stratum plus, 2010, № 4, pp. 289-308 [in Russian].

Kulakov 2011 - *Kulakov V.I.* Dekorativnoe iskusstvo Yantarnogo kraya. Ornament fibul V-VII vv. [Decorative art of the Amber land. Ornament fibulas 5-7th centuries], Saarbrucken, LAP Lambert Academic Publishing, 2011, 150 p. [in Russian].

Kulakov 2012 - *Kulakov V.I.* Issledovaniya pamyatnikov arheologii pervoj poloviny I tysyacheletiya n.e. v Kaliningradskoj oblasti v 1946-2010 gg. [Researches of monuments of archeology of the first half of the I millennium AD in the Kaliningrad region in 1946-2010], in: Komunikaty Mazursko-Warmińskie, 2012, № 1 (275), pp. 95-111 [in Russian].

Kulakov 2016a - *Kulakov V.I.* Sokrovishcha Yantarnogo kraya. Pokazateli inokul'turnyh vliyanij na drevnosti Sambii i Natangii v I-IV vv. n.e. [Treasures of the Amber land. Indicators of foreign culture influences on Sambiya and Natangiya's antiquities in the 1-4th centuries AD], Kaliningrad, Kaliningradskaya kniga Publ., 2016, 362 p. [in Russian].

Kulakov 2016b - *Kulakov V.I.* Corjeiten/Putilovo: dannye raskopok O. Tishlera (1884, 1885 gg.) [Corjeiten/Putilovo: data of excavation of O. Tishler (1884, 1885)], in: Nauchnye chteniya, posvyashchyonnye Viktoru Vladimirovichu Martynovu. Sbornik nauchnyh rabot. Vyp. IV. Chast' 1 [The scientific readings devoted to Victor Vladimirovich Martynov. Collection of scientific works. Release of IV. Part 1], Minsk, RIVSh Publ., 2016, pp. 78-84 [in Russian].

Kulakov 2016v - *Kulakov V.I.* Zverinyj stil' v zemle prussov (kon. IV – X vv.) [Animal decorative style on Prussian lands (at the end of the 4th-10th centuries)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2, pp. 21-58 [in Russian].

Kulakov 2017 - *Kulakov V.I.* Kirpehnen/Povarovka-1 i Kirpehnen-II/Povarovka-2: dannye raskopok [Kirpehnen/Povarovka-1 and Kirpehnen-II/Povarovka-2: The excavation data], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 4, pp. 66-88 [in Russian].

Kulakov, Luhtanas 2011 - *Kulakov V.I., Luhtanas A.B.* Izdanie po arheologii prusskih drevnostej [The edition on archeology of Prussian antiquities], in: Archaeologia Lituana. T. 12 [Lithuanian archeology. Volume 12], Vilnius, Vilniaus universitetas Publ., 2011, pp. 160-165 [in Russian].

Lund Hansen 1987 - *Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden [Roman import in the north], København, Gyldendal Publ., 1987, 346 p. [in German].

Nowakiewicz, Rzeszotarska-Nowakiewicz 2012 - *Nowakiewicz T., Rzeszotarska-Nowakiewicz A.* Jezioro Nidajno koło Czaszkowa na Mazurach: niezwykłe miejsce kultu z okresu późnej starożytności [The lake Nidaino about Chzhashkuva in Mazuriya: unusual place of departure of a cult of the late period of antiquity], Warszawa, Drukarnia Klimiuk Publ., 2012, 143 p. [in Polish].

Nowakowski 1996 - *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10 [Samland during the Roman period and its communications with the Roman Empire and the barbarous world. Publications of the Prehistoric seminar of Marburg. Special release 10], Marburg; Warszawa, Vorgeschichtliches Seminar Publ., 1996, 169 p. [in German].

Nowakowski 2016 - *Nowakowski W.* Items with the Ox-Head on the Shores of the Baltic Sea in the Roman Period, in: Archaeologia Baltica, Vol. 23, Klaipėda, Klaipėdos universitetas Press Publ., 2016, pp. 129-139 [in English].

Prassolov, Skvortsov 2016 - *Prassolov J.A., Skvortsov K.N.* On the Significance and Research Potential of the Grebieten Burial Ground: a Reconstruction of the prewar State of Knowledge and the Prospects for modern Research, in: Archaeologia Baltica, Vol. 23, Klaipėda, Klaipėdos universitetas Press Publ., 2016, pp. 81-95 [in English].

Quast 2015 - *Quast D.* Zwiebelknopffibeln im Barbaricum nördlich der mittleren und unteren Donau [Broshkovy buttons in Barbarikum to the North from Central and lower Danube], in: Romania Gothica. The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture, Budapest, Kódex Könivgyártó Kft Publ., 2015, pp. 305-328 [in German].

Quast 2017 - *Quast D.* Germanischer Import der jüngeren Römischer Kaiserzeit in der Germania inferior [German import of the early Roman Empire], in: Orbis Barbarorum. Monumenta Archaeologica. Series Gemina. Tomus VI, Warszawa; Schleswig, Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2017, pp. 357-368 [in German].

SAE - Sambijskaya arheologicheskaya ekspediciya IA RAN [Sambiysky archaeological expedition of Institute archeology of RAS] [in Russian].

Sharov, Kazanskij 2010 - *Sharov O.V., Kazanskij M.M.* Predislovie [Preface], in: Germania-Sarmatia, Volume II, Kaliningrad; Kursk, Kaliningradskij Oblastnoj istoriko-hudozhestvennyj muzej Publ., 2010, pp. 11-13 [in Russian].

Skvorcov 2012 - *Skvorcov K.N.* Novye nahodki pamyatnikov rimskogo vremeni na poberezh'e Vislinskogo zaliva [New finds of monuments of the Roman time for the coast of Vistula Lagoon], in: Stratum plus, 2012, № 4, pp. 1-18 [in Russian].

Skvorcov 2015 - *Skvorcov K.N.* Social'naya stratifikaciya naseleniya Sambijskogo poluostrova v pozdnerimskoe vremya i v epohu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov) [Social stratification of the population of the Sambiysky peninsula in the late Roman time and during an era of Great resettlement of the people (on materials of funeral monuments)], in: Social'naya stratifikaciya naseleniya Kavkaza v konce antichnosti i nachale srednevekov'ya: arheologicheskie dannye. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Social stratification of the population of the Caucasus at the end of antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data. Materials of the International scientific conference], Moscow, IA RAN Publ., 2015, pp. 68-71 [in Russian].

Skvorcov 2016 - *Skvorcov K.N.* Formirovanie social'nyh elit u estiev v konce rimskogo vremeni i v epohu Velikogo pereseleniya narodov [Formation of social elite at Aesti at the end of the Roman time and during an era of Great resettlement of the people], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. 2016. Vyp. 244 [Short messages of Institute of archeology. 2016. Release 244], pp. 146-162 [in Russian].

Skvorcov 2017 - *Skvorcov K.N.* Mogil'nik Putmilovo-2 (Kaliningradskaya oblast', Zelenogradskij rajon) [Burial ground of Putmilovo-2 (Kaliningrad region, Zelenograd district)], in: Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016 g. Materialy spasatel'nyh arheologicheskih issledovanij [Cities, settlements, necropolises. Excavation of 2016. Materials of saving archaeological researches], № 19, Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2017, pp. 178-181 [in Russian].

Skvorzov 2014 - *Skvorzov K.* Zniszczony pochówek z zaweszką lunulowatą z pólwyspu Sambijskiego [The destroyed burial from the peninsula Sambiysky], in: Wiadomosci Archeologiczne. T. LXV [Archaeological sheets. Volume LXV], Warszawa, Państwowe Muzeum Archeologiczne Publ., 2014, pp. 277-283 [in Polish].

Tischler 1880b - *Tischler O.* Königsberg [Konigsberg], in: Katalog der Ausstellung Prahistorischer und Anthropologischer Funde Deutschlands [The exhibition catalog of prehistoric and anthropological finds in Germany], Berlin, Druck von C. Berg & v. Holten Publ., 1880, pp. 393-452 [in German].

Tischler 1880a - *Tischler O.* Rede auf XI. Allgemeine Versammlung. Vierte Sitzung am Montag. Den 9. August 1880 [Speech of XI. General meeting. The fourth session on Monday. August 9, 1880], in: Correspondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jahrg [Bulletin of the German society of anthropology, ethnology and background], München Publ., 1880, pp. 71-83 [in German].

Tischler, Kemke 1902 - *Tischler O., Kemke H.* Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt [East Prussian antiquities since great burials after Christ's birth], Königsberg, Komission Verlag Publ., 1902, 46 p. [in German].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Vladimir Kulakov – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 902/904

ИЗМЕНЕНИЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ XX В. ВЗГЛЯДА НА РОЛЬ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО КОМПОНЕНТА В КУЛЬТУРЕ САМБИИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

Волею исторических судеб юго-восточная Балтия с 1283 г. почти на семь веков прочно вошла в зону германской политической и культурной гегемонии. Первая попытка представить очерк прусской истории была предпринята Августом фон Коцебу и мало отличалась от краеведческих штудий XVII-XVIII вв. В 1827 г. в Кёнигсберге увидел свет первый том второго в истории региона обзора его прошлого. Профессор Кёнигсбергского Университета ИоганнесФойгт, автор данной фундаментальной монографии, первым из профессиональных прусских историков сформировал концепцию пребывания германцев в ареале эстиев, охватывавшем в римское время полуостров Самбию и его окрестности. В рамках идей пангерманизма, актуальных в эпоху Второго Рейха, члены Общества по изучению древностей «Пруссия» в своих научных работах вскользь, без особой аргументации упоминали о главенствующей роли восточных германцев на Янтарном берегу в начале нашей эры. После завершения Первой Мировой войны на волне подъёма в Германии патриотических настроений прусские археологи, в своих научных работах относившиеся к проблеме германского присутствия в исторической Пруссии вполне критически, в своих научно-популярных работах безапелляционно декларировали германское присутствие на Самбии в эпоху римских влияний. В послевоенное время немецкая точка зрения на этно-культурную ситуацию в юго-восточной Балтии начала нашей эры со стороны советских исследователей подверглась жёсткой и вполне политизированной критике. Польские археологи в это время высказывали предположения о пребывании на землях исторической Пруссии в древности представителей различных племён, не упоминая при этом германцев. В конце XX – начале XXI вв. русские археологи, используя новейшие достижения археологии Калининградской области, пришли к выводу о присутствии в земле эстиев в первой половине I тыс. н.э. в разное время отдельных групп кельтского и древнегерманского населения, привлечённых сюда из различных регионов Европы перспективой участия в янтарной торговле. Польские археологи, не зная о выводах русских археологов, позже независимо подтвердили их выводы.

Ключевые слова: археология, римское время, историография, Самбия, древние германцы, балты.

A CHANGE OF VIEWS THROUGHOUT THE 20TH CENTURY ON THE ROLE OF EARLY GERMANS IN THE SAMBIAN CULTURE IN ROMAN TIMES

Vladimir Kulakov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dm St. Ulyanova, 19,
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract
By the will of historical destinies, since 1283 and for almost seven centuries, the south-eastern Baltic has been in the zone of German political and cultural hegemony. The first attempt to present an outline of the Prussian history was undertaken by August von Kotzebue and was very similar to the local history works of the 17th -18th centuries. Then followed a fundamental monograph on the regional history, published in 1827 and authored by Johannes Voigt, professor of the University of Königsberg. Voigt was the first among professional Prussian historians to formulate the concept of Germanic peoples living on the territory of Aesti, which in Roman times encompassed the Sambia Peninsula and its environs. Within the framework of the ideas of pan-Germanism, which were popular in the Second Reich, members of the society for the study of antiquities «Prussia» in their scientific works casually mentioned the dominant role of the eastern Germanic peoples on the Amber Coast at the beginning of the Common Era. After the end of World War I, on the rise of patriotic sentiments in Germany, the Prussian archaeologists, while quite critically examining the problem of Germanic influences on historical Prussia, categorically declared the Germanic presence in Sambia in Roman times. In the postwar period, the German scientific views on the ethno-cultural situation in the south-eastern Baltic in the beginning of the Common Era were undermined by harsh and quite politicized criticism from Soviet researchers. At that time, Polish archaeologists speculated that the lands of historical Prussia were inhabited by different tribes, without mentioning the Germans. In late 20th - early 21st centuries Russian archaeologists, using the latest archaeological findings in the Kaliningrad region, concluded that several groups of the Celtic and Early Germanic people from various parts of Europe were dwelling on the territory of Aesti, attracted there by the prospect of amber trade in the first half of the 1st millennium CE. Polish archaeologists, not knowing about the works of the Russian archaeologists, later independently confirmed their findings.

Keywords: archaeology, Roman times, historiography, Sambia, early Germanic peoples, Balts.

* * *

Волею исторических судеб юго-восточная Балтия, исконная территория расселения части западнобалтских племён, с 1283 г. почти на семь веков прочно вошла в зону германской политической и культурной гегемонии. Если в XVI и XVII вв. краеведы Пруссии интересовались преимущественно пережитками местного догерманского прошлого, сохранившимися среди сельских жителей герцогства, то в начале XVIII в. предпринимаются первые попытки археологического исследования местных древностей (Кулаков 2003: 9-10). Первая попытка представить очерк прусской истории была предпринята Августом фон Коцебу (Kotzebue 1808; 1809) и мало отличалась от краеведческих штудий XVII-XVIII вв. В 1827 г. в Кёнигсберге увидел свет первый том второго в истории региона обзора его прошлого. Профессор Кёнигсбергского Университета Иоганнес Фойгт (1786-1863), автор данной

фундаментальной монографии (рис. 1), первым из профессиональных прусских историков сформировал концепцию пребывания германцев в ареале эстиев, охватывавшем в римское время полуостров Самбию и его окрестности.

Рис.1. Иоганнес Фойгт.

Основываясь на сведениях Йордана VI в. и краеведа началп века Симона Грунау, И. Фойгт считал, что, переправившись из Скандинавии в дельту р. Вислы и основав там крепость Gothiskandzia, готы начали продвижение далее на юг. Параллельно этому процессу германские пришельцы расселялись в земле венедов (так И. Фойгт именует жителей будущей исторической Пруссии) вплоть до бассейна р. Pregel/Преголя. В конечном итоге готы захватили земли от Галиндии до Самбии. В ходе Готских войн Император Максимиан дошёл до берегов Балтики. Потерпев от римлян поражение, при своём пятом короле Филимере готы покинули южный берег Балтийского моря. После этого контроль над Пруссией перешёл к вандалам и видивариям (Voigt 1827: 97-106). К сожалению, эта концепция не могла быть подтверждена данными археологии, ведь серьёзный научный процесс изучения прусских древностей начался лишь в 1844 г. с образованием в Кёнигсберге Общества по изучению древностей «Пруссия». В течение четырёх десятилетий после этого события прусские археологи разрабатывали методику исследований и накапливали в результате раскопок фактический материал. В 80-х годах XIX в. отец прусской

археологии Отто Тишлер (1843-1891) (рис. 2), анализируя раскопанные к тому времени погребальные памятники запада Самбии, считал население этого региона в начале нашей эры готами. По его мнению, к фазе C восточные германцы покинули Янтарный берег (Tischler 1887: 23). Эта часть теоретического наследия основоположника прусской археологии не привлекла внимания современных историографов его научной деятельности (Hoffmann 1993f: 328-330). Подобным же образом вскользь и весьма в мягких выражениях была упомянута точка зрения И.В. Хейдека (Hoffmann 1993b: 148) на германский характер древностей мазурской культурной группы VI-VII вв. На самом деле этот художник, увлекавшийся археологией, был абсолютно уверен в готском происхождении пальчатых фибул, обнаруженных при раскопках могильника Daumen/Tumiany (woj. mazursko-warmińskie Polski). Гипотезу о занятии готами в III-V вв. н.э. территории Пруссии (очевидно, распространённую в научных кругах в конце XIX в.) он считал подтверждённой окончательно (Heydeck 1895: 69-70).

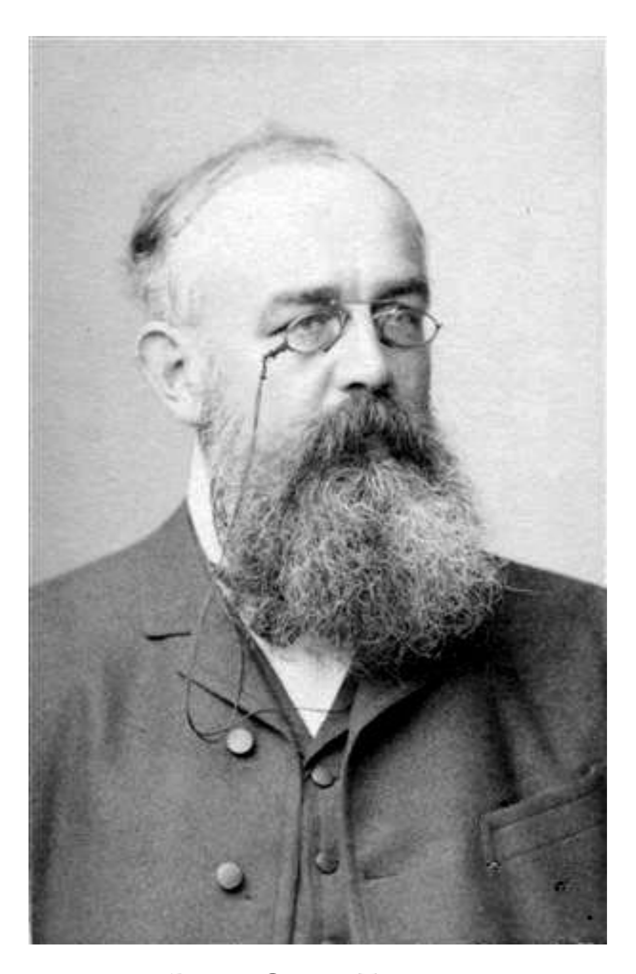

Рис.2. Отто Тишлер.

Ещё в 1919 г. известный шведский археолог Нильс Оберг (1888-1957) сформулировал этническую принадлежность древностей юго-восточной Балтии римского времени. Он считал, что Самбия была заселена готами в I-V вв. н.э., а

Мазуры приняли германцев в начале или в середине VI в. (упомянутый Прокопием Кесарийским поход герулов в страну гаутов: Åberg 1919: 10). В предвоенное время сложилась концепция германской этнической характеристики древностей Мазурского Поозерья римского времени (Fromm 1932: 281), ныне отнесённых к «богачевской» культуре, оставленной западными балтами под мощным вельбарским влиянием. Считалось, что после миграции из низовий р. Вислы основной части готов и гепидов во II в. н.э. некоторая их часть остаётся на побережье Вислинского залива и позднее смешивается с пруссами (Ehrlich 1931: 18).

Рис.3. Карл Энгель (в центре) и Фридрих Йенш (справа) в процессе раскопок (грунтовой могильник Linkuhnen/Ржевское, ныне – Славский р-н, 1931 г.) (Archiv R. Grenz).

Межвоенный период развития прусской археологической школы в начале III тыс. н.э. привлекал к себе внимание современных археологов дважды. Первый историографический обзор археологии Балтии 1933-1945 гг. принадлежит автору этих строк. Подвергнув справедливой критике далёкие от науки историографические обзоры П.И. Кушнера и Ф.Д. Гуревич, я признал, что ведущий в предвоенное время прусский археолог Карл Энгель (1895-1947), член партии с 1933 г. (рис. 3), акцентировал роль древнегерманских племён в истории Янтарного края римского

времени (Kulakov 2001: 536). Второй ведущий археолог Пруссии в предвоенное время – Херберт Янкун – занял иную позицию в этно-культурной дискуссии (см. ниже).

Второй обзор истории прусской археологии представил Войцех Новаковски (Nowakowski 2004: 65-102). Не зная о моей статье, вышедшей ранее, варшавский коллега в принципе подтвердил мою точку зрения на специфику прусской археологической школы межвоенного периода. Автор при этом упомянул, что Карл Энгель в 1932 г. сомневался в готской гегемонии на Самбии в римское время (Nowakowski 2004: 81-82).

К началу 40-х годов политические воззрения, господствовавшие в нацистской Германии, начинают радикально отражаться на выводах германских (в т.ч. – и прусских) археологов. Если в конце XIX в. идеи пангерманизма создавали некий германофильский шлейф в работах классиков прусской археологии (см. выше), то лозунг Regermanisation der Deutschen (нем. «Регерманизация немцев»), воздвигнутый после 1933 г. в Германии, захватил самое пристальное внимание многих археологов. Важным отличием выводов прусских археологов (начиная с Вильгельма Герте, выпустившего в 1929 г. самую первую научно-популярную книгу по прусским древностям: Gaerte 1929) от их предшественников конца XIX – начала XX вв. – широкое использование научно-популярной литературы. Так, например, руководитель Департамента древностей провинции Восточная Пруссия Вольфганг Ла Бом (1885-19171) констатировал на страницах своих многочисленных брошюр начало продвижения германских племён от бассейна р. Одер к р. Висле ок. 750 г. до н.э. Балты признаются им автохтонами юго-восточной Балтии, однако, по мнению чиновника от археологии, они находились с начала римского времени под сильным влиянием древних германцев (La Baume 1940: 6). К. Энгель и В. Ла Бом в 1937 г. издали краткий научно-популярный итог развития прусской археологии за последние сто лет (Engel, La Baume 1937), в котором подчёркивается важная роль германских этно-культурных влияний на западных балтов (причём – начиная с культуры воронковидных кубков: Engel, La Baume 1937: 42). К сожалению, эта специфика научной деятельности предвоенных столпов прусской археологии не была освящена ни в биографических изданиях (La Baume 1953: 278-280; Kleemann 1956: 139-140), ни в историографических обобщениях (Hackmann 1996: 191-199).

Несмотря на давно сложившийся тезис об обязательной для нацисткой Германии радикальной трактовки роли древних германцев в истории Европы у Херберта Янкуна (1905-1990) (рис. 4) была своя точка зрения на участие этой этно-культурной группы в жизни Янтарного края. Исследуя трупоположения на Самбии фазы B, этот немецкий археолог пришёл к выводу о том, что чуждые балтам ингумации тем не менее не являются свидетельством присутствия на полуострове восточных готов (носителей вельбарских древностей, применявших трупоположение благодаря кельтскому влиянию). Готско-балтские контакты могут быть выявлены лишь при анализе всего доступного археологам материала (Jankuhn 1933: 57). Правда, при таких довольно объективных научных воззрениях с 1933 г. Х. Янкун участвует в нацистском движении, в 1937 г. вступает в партию, а в 1938 г. становится

членом организации «Ahnenerbe», затем – вступает в 5-ю танковую дивизию СС «Викинг» (закончил войну в чине оберштурмбаннфюрера СС), что, очевидно, не способствовало научной деятельности. Тем не менее свою точку зрения на поселенческую ситуацию на Самбии в римское время он не изменил и в послевоенное время. Опираясь на картирование различных деталей материальной культуры эстиев I-II вв. н.э., этот исследователь пришёл к выводу о том, что на Янтарном берегу в раннеримское время существовала особая этно-культурная общность (без конкретизации её принадлежности к балтам или к германцам), сохранявшая в материале связь с традициями курганов раннего железного века и характеризующаяся круглыми в плане каменными кладками и конскими захоронениями (Jankuhn 1950: 58). Тем самым Х. Янкун повторил тезис Эмиля Холлака, высказанный им на полстолетие раньше (Hollack 1908: 154-155).

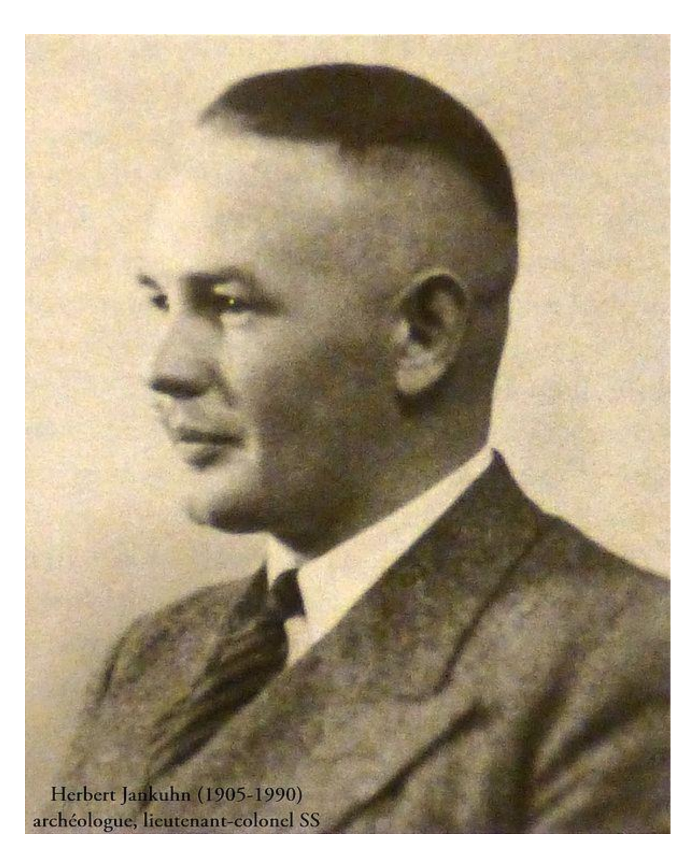

Рис.4. Херберт Янкун (фото до 1945 г.).

С 1944 г., времени принятия решения на Тегеранской конференции о будущем включении части имперской провинции Восточная Пруссия в состав СССР, советские учёные обратили внимание на проблемы прусской археологии. Правда, первый историографический обзор изучения этих проблем в соответствии с идеями ленинизма-сталинизма был выдержан в далёком от объективности стиле: «…В. Герте, а вслед за ним К. Энгель и Ла-Бом (так в тексте – К.В.) впряглись в колесницу гитлеризма и завершили свой позорный путь выпуском в 1936 г. нацистского археологического атласа» (Кушнер 1951: 113).

Историк Нового времени Фрида Давидовна Гуревич (1912-1988) (рис. 5), первой начавшая в 1949 г. археологические работы в Калининградской области, излагая историю прусской археологии, лишь намекнула на германофильские воззрения О. Тишлера. Зато впоследствии Ф.Д. Гуревич практически во всех крупных работах исследователей древней Пруссии находит пангерманские идеи (Гуревич 1960: 332-335). На примере научно-популярных работ К. Энгеля автор обозначила задачи, стоявшие в предвоенное время перед прусской археологией – «обосновать притязания Германии на земли Востока» (Гуревич 1960: 335). Правда, какое отношение ареал эстиев и пруссов имеет к «землям Востока», Фрида Давидовна читателям не сообщила.

Рис.5. Ф.Д. Гуревич.

Польские археологи в послевоенное время развернули изучение древностей западных балтов на территории южной части бывшей Восточной Пруссии, согласно решениям Потсдамской мирной конференции, отошедшей к Польской Народной Республике. Ведущий в послевоенное время специалист по прусской археологии Ежи Окулич-Козарин (1931-2012) (рис. 6), внук известного псковского археолога Н.Ф. Окулича-Козарина, секретаря Псковского Археологического Общества, соглашался с высказанной ранее прусскими археологами (см. выше) точкой зрения о заметном влиянии европейских культур на развитие древностей на землях исторической Пруссии с раннего железного века (Okulicz 1973: 335). При этом Е. Окулич-Козарин не верил в сообщение Йордана о соседстве готов с эстиями в низовьях р. Вислы и считал это позднейшей реконструкцией (Okulicz 1973: 349).

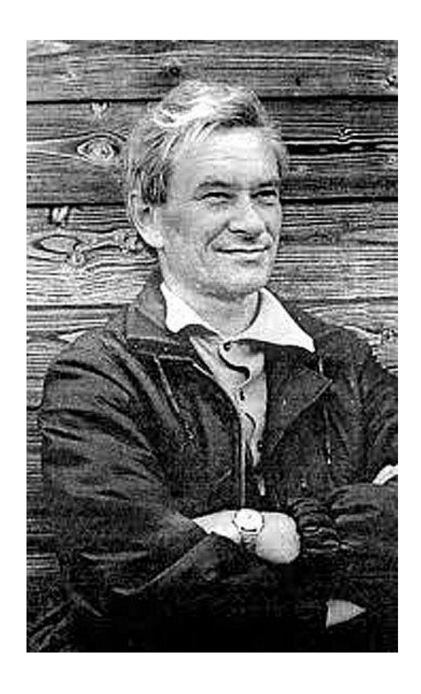

Рис.6. Ежи Окулич-Козарин.

Более того, варшавский исследователь впервые в балтийской археологии выдвинул тезис о начале в V в. экспансии пруссов к устью р. Вислы, на земли, освободившиеся от носителей вельбарской культуры (Okulicz 1973: 446). Этот тезис поддержал другой титан польской археологии К. Годловски, выявивший во второй половине V – с середины VI вв. н.э. две волны прусских переселений на запад (Godłowski 1981: 112-118). Упомянутый исследователь декларировал сильное кельтское этническое влияние, которое испытывали южные соседи балтов – носители пшеворских традиций. Северную часть пшеворского ареала занимали бургунды. К. Годловски, в отличие от своих советских современников, признавал частично готский этнос носителей вельбарской культуры (Godłowski 1985: 141-144). Известный в Польше исследователь погребальных традиций балтов Ян Ясканис в чертах ритуала эстиев начала нашей эры (прежде всего – в традиции ингумации) видел культское, а замет – имперское влияния (Jaskanis 1974: 254). В польской археологической школе в первые десятилетия после 1945 г. утвердилась традиция обнаружения в западнобалтском ареале в первой половине I тыс. н.э. самых разных этносов, включая представителей «жёлтой, тихоокеанской расы» (Antoniewicz 1962: 7-10). Правда, древние германцы, в отличие от немецких коллег предвоенного времени, в упомянутом контексте в польских работах не упоминались.

Ученик Ежи Окулич-Козарина Войцех Новаковски (рис. 7) сравнил данные античных авторов и археологические материалы. Он предложил упомянутых в римских письменных источниках эстиев считать западными балтами, а «диких феннов» – носителями культуры штрихованной керамики (Nowakowski 1990: 91-95). Несмотря на этот довольно спорный тезис, научная деятельность В. Новаковски в начале 90-х гг. XX в. была позитивна для прусской археологии: его усилиями был прорван «заговор молчания», сформировавшийся вокруг археологии эстиев начала нашей эры (Кулаков 2003: 21). В. Новаковски справедливо считал, что с фазы B_2 «готы» устья р. Вислы и эстии Самбии и Натангии находились в плотном контакте,

основанном на интересе к занятиям янтарной торговлей (Nowakowski 1996: 98), тем самым повторив аналогичный тезис Е. Окулича-Козарина (Okulicz 1976: 182). Правда, эти контакты, по мнению варшавского археолога, носили не характер взаимного переселения отдельных этнических групп, а представляли из себя импорт вельбарских украшений на Янтарный берег. Зачем это делалось, В. Новаковски не объясняет, хотя в древностях эстиев раннеримского времени более чем обильно количество украшений и без вельбарского «импорта».

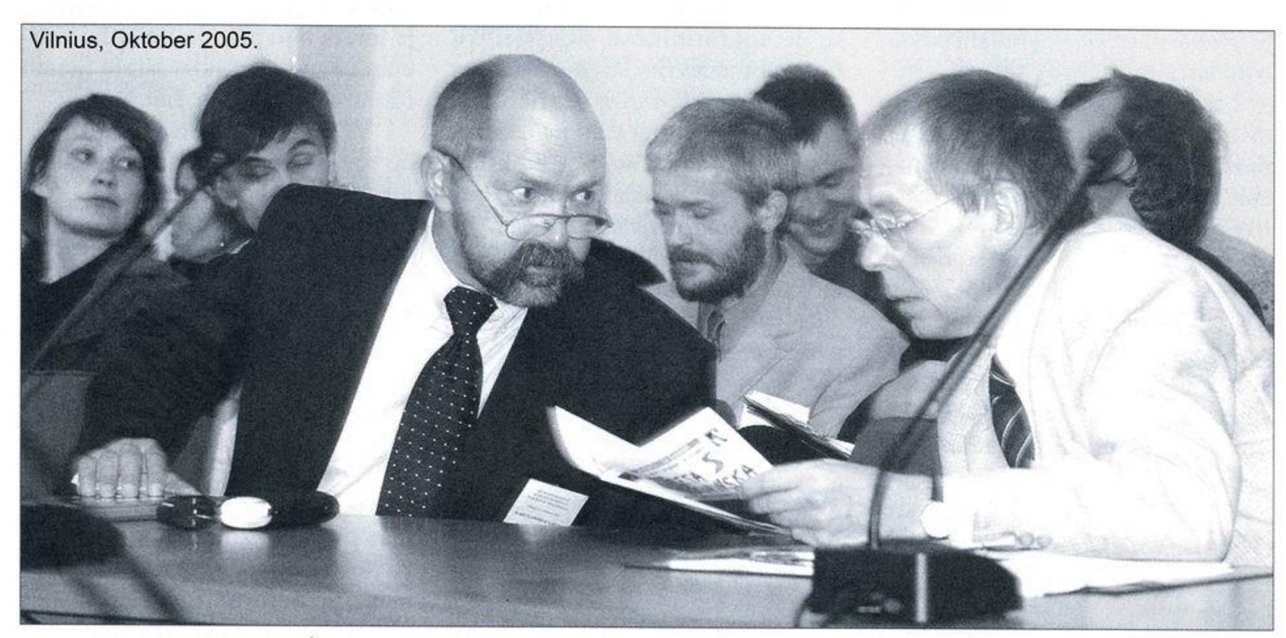

Рис.7. Автор этих строк и В. Новаковски на конференции в Вильнюсе (октябрь 2005 г.).

Подводя итог послевоенным дискуссиям об этнической картине в римскую эпоху на берегах юго-восточной Балтики, А. Битнер-Врублевска и В. Врублевски согласились с упомянутым тезисом Е. Окулича-Козарина – В. Новаковски об интересе к янтарной торговле, привлекавшей балтов и германцев к Самбии (Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2015: 65). В бассейне р. Passarge/Pasłęka указанные авторы видят на фазе B_2 границу шириной ок. 30 км между поселениями германских по своему этносу носителей вельбарской культуры и западнобалтскими селищами. Основываясь на сведениях Тацита, авторы признают среди эстиев балтского этноса группы носителей германского языка (Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2015: 68-69). Таким образом, наши польские коллеги ныне признают полиэтничный состав эстиев античных авторов, причём как в раннеримское время, так и в эпоху Великого переселения народов, времени появления видивариев Йордана (Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2015: 74). Анна Битнер–Врублевска и её супруг Войцех Врублевски в своей работе традиционно для современных польских археологов не учитывают русскую историографию вопроса об этно-культурной принадлежности населения юго-восточной Балтии в римское время. Иначе европейский читатель узнал бы, что

Марк Борисович Щукин (1937-2008) ещё в прошлом веке предполагал появление на Самбии «блуждающих венедов», торговавших в Балтии янтарём (Щукин 1998: 206). Данные письменных источников и результаты археологических работ последних лет в юго-восточной Балтии позволили сделать вывод о проникновении ок. 50-170 гг. н.э. на Самбию групп кельтов и германцев, расселившихся среди автохтонов-балтов (Кулаков 2004: 103-108). Распределение среди жителей Янтарного края импортов провинциально-римского и германского происхождения, а также появление в их обрядности признаков германского происхождения прямо свидетельствуют о пребывании уже с середины I в. н.э. на Самбии отдельных групп северных и восточных (Кулаков 2016: 21-30), а также, возможно, и западных (Кулаков 2003: 246-255) германцев. Таким образом, через 60 лет после призыва Х. Янкуна (см. выше) привлечь к выявлению максимума археологических данных для доказательства (или опровержения) присутствия германцев на Самбии в начале нашей эры на этот вопрос получен положительный ответ.

Итак, завершая обзор этно-культурных воззрений адептов прусской археологии, можно сделать следующие выводы:

1. В рамках идей пангерманизма (в частности, тезис alldeutsche Schicksal – нем. «общегерманская судьба»: Кулаков 2002: 243), актуальных в эпоху Второго Рейха, члены Общества по изучению древностей «Пруссия», стоявшие у истоков прусской археологии, в своих научных работах вскользь, без особой аргументации упоминали о главенствующей роли восточных германцев на Янтарном берегу в начале нашей эры.

2. После завершения Первой Мировой войны на волне подъёма в Германии патриотических настроений (как результат считавшегося немцами несправедливым Версальского мира) прусские археологи, в своих научных работах относившиеся к проблеме германского присутствия в исторической Пруссии вполне критически, в своих научно-популярных работах (их число к 1941 г. неуклонно росло) безапелляционно декларировали германское присутствие на Самбии в эпоху римских влияний (Kulakov 2001: 537).

3. В послевоенное время немецкая точка зрения на этно-культурную ситуацию в юго-восточной Балтии начала нашей эры со стороны советских исследователей подверглась жёсткой и вполне политизированной критике. Польские археологи в это время высказывали предположения о пребывании на землях исторической Пруссии в древности представителей различных племён, не упоминая при этом германцев.

4. В конце XX – начале XXI вв. русские археологи, используя новейшие достижения археологии Калининградской области, пришли к выводу о присутствии в земле эстиев в первой половине I тыс. н.э. в разное время отдельных групп кельтского и древнегерманского населения, привлечённых сюда из различных регионов Европы перспективой участия в янтарной торговле. Польские археологи, не зная о выводах русских археологов, позже независимо подтвердили их выводы.

ЛИТЕРАТУРА

Гуревич 1960 - *Гуревич Ф.Д.* Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 76. М.; Л.: Наука, 1960. С. 328-451.

Кулаков 2002 - *Кулаков В.И.* Пангерманизм // Военная энциклопедия. Т. 6. М.: Воениздат, 2002. С. 243.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кулаков 2004 - *Кулаков В.И.* Эстии, венеды и германцы на Самбии // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 100-108.

Кулаков 2016 - *Кулаков В.И.* Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга, 2016. 362 с.

Кушнер 1951 - *Кушнир П.И.* Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики. Опыт исторического изучения этнической территории // Этнические территории и этнические границы. М.: Издательство академии наук СССР, 1951. С. 109-278.

Щукин 1998 - *Щукин М.Б.* Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. Вып. 4. История и культура древних и средневековых обществ. Сборник научных статей, посвящённых 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. С. 198-208.

Åberg 1919 - *Åberg N.* Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig: Almqvist, Wiksells Boktryckeri-A.-D., 1919. 175 s.

Antoniewicz 1962 - *Antoniewicz J.* The Sudovians. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 1962.

Archiv R. Grenz - Archäologische Landesmuseum Gottorf (Schlweswig).

Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2015 - *Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W.* Aestii Tacyta. Kim naprawdę byli // Barbaricum. Vol. 11. Warszawa: Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego, 2015. S. 65-78.

Ehrlich 1931 - *Ehrlich B.* Germanische und altpreußische Siedlungen am Frischen Haff // Ostdeutsche Monatschrift. 12. Jg. H. 1. 1931. S. 14-19.

Engel, La Baume 1937 - *Engel C., La Baume W.* Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Erläuterungsband zum Atlas der ost- und westpreußischen Landesgeschichte. T. 1. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1931. 155 s.

Fromm 1932 - *Fromm L.* Die Goten im Kreise Allenstein // Unsere Heimat. Nr 24. Allenstein, 1932. S. 280-281.

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußen. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929. 406 s.

Godłowski 1981 - *Godłowski K.* Okres wędrówek ludów na Pomorzu // Pomorania Antiqua. T. X. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. S. 101-119.

Godłowski 1985 - *Godłowski K.* Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszem okresie przedrzymskim i okresie rzymskim // Prace komisji archeologicznej. Nr 23. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódż: Ossolineum, 1985. S. 110-158.

Hackmann 1996 - *Hackmann J.* Ostpreussen und Westpreussen in deutscher und polnischer Sicht: Landeshistorie als beziehungsgeschichtliches Problem. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1996. 459 s.

Heydeck 1895 - *Heydeck J.* Das Gräberfeld von Daumen und ein Rückblick auf den Anfang einer deutsch-nationalen Kunst // Prussia. Bd. 19. Königsberg: Im Selbstverlage der Gesellschaft (Prussia), 1895. S. 41-80.

Hoffmann 1993a - *Hoffmann M.* Otto Tischler – w stulecie śmierci // Pomorania Antiqua. T. XV. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 1993. S. 313-338.

Hoffmann 1993b - *Hoffmann M.* Johannes Wilhelm Heydeck – prehistoryk i artysta malarz // Borussia. T. 6. Olsztyn: Wspólnota Kulturowa «Borussia», 1993. S. 144-148.

Hollack 1908 - *Hollack E.* Die Grabformen ostpreussischer Gräberfelder // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 40. H. 2. Berlin: Behrend & C° (vormals A. Asher & Co. Verlag), 1908. S. 146-155.

Jankuhn 1933 - *Jankuhn H.* Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande // Prussia. Bd. 30. H. 1. Konigsberg: Buchdruckerei R. Leupold, 1933. S. 3-62.

Jankuhn 1950 - *Jankuhn H.* Zum räumliche Gliederung der älteren Kaiserzeit in Ostpreußen // Archaeologia Geographica. Jg. 1. H. 4. Hamburg; Waldsbek: Hanseatische Druckanstalt GmbH, 1950. S. 54-64.

Jaskanis 1974 - *Jaskanis J.* Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I-V w. n.e.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1974. 296 s.

Kleemann 1956 - *Kleemann O.* Wolfgang La Baume Curriculum vitae // Eds H. Kuhn & O. Kleemann Documente archaeologica W. La Baume dedicata. Bonn: Verlag Röhrscheid, 1956. S. 139-140.

Kotzebue 1808, 1809 - *Kotzebue v.* Preußens ältere Geschichte. Bd. 1-3. Riga: C.J.G. Hartmann, 1808, 1809.

Kulakov 2002 - *Kulakov W.I.* Archäologische Forschungen im Baltikum zwischen 1933 und 1945 // Prähistorie und Nazionalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichtsforschung in den Jahren 1933-1945. Heidelberg: Synchron Wissenschaftsverlag, 2002. S. 535-544.

La Baume 1940 - *La Baume W.* Ost- und Westpreußen in germanischen Vorzeit. Königsberg: Ostdeutsche Verlagsanstalt und Druckerei, 1940. 61 s.

La Baume 1953 - *La Baume W.* Nachruf Carl Engel (1895-1947) // Zeitschrift für Ostforschung, Lander und Völker in östlichen Mitteleuropa. 2. Jg. Marburg: Herder-Institut, 1953. S. 278-280.

Nowakowski 1990 - *Nowakowski W.* Ludy na pólnocno-wschodnich skrajach Barbaricum. «Germania» Tacyta w świetle analizy źródel archeologicznych // Meander. 1990. Bd. 2. H. 3.

Nowakowski 1996 - *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Druk, 1996. 169 s.

Nowakowski 2004 - *Nowakowski W.* Three centuries of Balt archaeology in East Prussia // Archaeologia Polona. Vol. 42. Warszawa: Letter Quality, 2004. S. 65-102.

Okulicz 1973 - *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od póznego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1973. 588 s.

Okulicz 1976 - *Okulicz J.* Powiazania pobrzeża Bałtuku i centrum sambijskiego z południem w podokresie wczesnorzymskim // Godłowski K. red. Kultury arheologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego. Vol. CCCCXXII. Prace Archeologiczne. Warszawa; Kraków: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 1996.

Tischler 1887 - *Tischler O.* Sitzung am 6. Mai 1886 (Das Gräberfeld Corjeiten bei Germau) // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. 27. Bd. Königsberg: In Comission von W. Koch, 1887. S. 22-24.

Voigt 1827 - *Voigt I.* Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergang der Herrschaft des deutschen Ordens. 1. Bd. Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Vornträuger, 1827. 723 s.

REFERENCES

Åberg 1919 - *Åberg N.* Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit [East Prussia during great resettlement of the people], Uppsala; Leipzig, Almqvist, Wiksells Boktryckeri-A.-D. Publ., 1919, 175 p. [in German].

Antoniewicz 1962 - *Antoniewicz J.* The Sudovians, Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku Publ., 1962 [in English].

Archiv R. Grenz - Archäologische Landesmuseum Gottorf (Schlweswig) [Archaeological state museum Gottorf (Schleswig)] [in German].

Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2015 - *Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W.* Aestii Tacyta. Kim naprawdę byli [Whom were Tacitus's Aesti], in: Barbaricum. Volume 11, Warszawa, Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2015, pp. 65-78 [in Polish].

Ehrlich 1931 - *Ehrlich B.* Germanische und altpreußische Siedlungen am Frischen Haff [The German and drevneprussky settlements on a Vistula Lagoon], in: Ostdeutsche Monatschrift. 12. Jg. H. 1 [East German magazine. Volume 12. Part 1], 1931, pp. 14-19 [in German].

Engel, La Baume 1937 - *Engel C., La Baume W.* Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Erläuterungsband zum Atlas der ost- und westpreußischen Landesgeschichte. T. 1 [Cultures and the people of the early period in Prussia. Explanations to the atlas of history of the countries of East and Western Prussia. Volume 1], Königsberg, Gräfe und Unzer Verlag Publ., 1931, 155 p. [in German].

Fromm 1932 - *Fromm L.* Die Goten im Kreise Allenstein [Gotha in the area Olsztyn], in: Unsere Heimat [Our house], Nr 24, Allenstein, 1932, pp. 280-281 [in German].

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußen [Background of East Prussia], Königsberg, Gräfe und Unzer Verlag Publ., 1929, 406 p. [in German].

Godłowski 1981 - *Godłowski K.* Okres wędrówek ludów na Pomorzu [The period of migration of the people in Pomerania], in: Pomorania Antiqua. T. X [Ancient Pomerania. Volume X], Gdańsk, Muzeum Archeologiczne w Gdańsku Publ., pp. 101-119 [in Polish].

Godłowski 1985 - *Godłowski K.* Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszem okresie przedrzymskim i okresie rzymskim [Cultural changes in the southern and central Poland during the dorimsky period and the Roman period], in: Prace komisji archeologicznej [Works of the archaeological commission], Nr 23, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódż, Ossolineum Publ., 1985, pp. 110-158 [in Polish].

Gurevich 1960 - *Gurevich F.D.* Iz istorii yugo-vostochnoj Pribaltiki v I tysyacheletii n.e. [From history of the southeast Baltics in the I millennium AD], in: Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. 76 [Materials and researches on archeology of the USSR. Release 76], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1960, pp. 328-451 [in Russian].

Hackmann 1996 - *Hackmann J.* Ostpreussen und Westpreussen in deutscher und polnischer Sicht: Landeshistorie als beziehungsgeschichtliches Problem [East Prussia and the Western Prussia in German and in Polish: earth history as it is interconnected - a historical problem], Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag Publ., 1996, 459 p. [in German].

Heydeck 1895 - *Heydeck J.* Das Gräberfeld von Daumen und ein Rückblick auf den Anfang einer deutsch-nationalen Kunst [Beginning of German-national art], in: Prussia. Bd. 19 [Prussia. Volume 19], Königsberg, Im Selbstverlage der Gesellschaft (Prussia) Publ., 1895, pp. 41-80 [in German].

Hoffmann 1993a - *Hoffmann M.* Otto Tischler – w stulecie śmierci [Otto Tishler – by century from the date of death], in: Pomorania Antiqua. T. XV [Ancient Pomerania. Volume 15], Gdańsk, Muzeum Archeologiczne w Gdańsku Publ., 1993, pp. 313-338 [in Polish].

Hoffmann 1993b - *Hoffmann M.* Johannes Wilhelm Heydeck – prehistoryk i artysta malarz [Johannes Wilhelm Gejdek is a researcher of ancient history and the artist], in: Borussia. T. 6 [Prussia. Volume 6], Olsztyn, Wspólnota Kulturowa «Borussia» Publ., 1993, pp. 144-148 [in Polish].

Hollack 1908 - *Hollack E.* Die Grabformen ostpreussischer Gräberfelder [East Prussian burials], in: Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 40. H. 2 [Magazine of ethnology. Volume 40. Part 2], Berlin, Behrend & C° (vormals A. Asher & Co. Verlag) Publ., 1908, pp. 146-155 [in German].

Jankuhn 1933 - *Jankuhn H.* Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande [Zone sets of the early Roman Empire in Samland], in: Prussia. Bd. 30. H. 1 [Prussia. Volume 30. Part 1], Konigsberg, Buchdruckerei R. Leupold Publ., 1933, pp. 3-62 [in German].

Jankuhn 1950 - *Jankuhn H.* Zum räumliche Gliederung der älteren Kaiserzeit in Ostpreußen [About spatial structure of older imperial period in East Prussia], in: Archaeologia Geographica. Jg. 1. H. 4 [Archaeological geography. Volume 1. Part 4], Hamburg; Waldsbek, Hanseatische Druckanstalt GmbH Publ., 1950, pp. 54-64 [in German].

Jaskanis 1974 - *Jaskanis J.* Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I-V w. n.e.) [Funeral ceremony of the western Balts at the end of antiquity (the 1-5th century AD)], Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Ossolineum Publ., 1974, 296 p. [in Polish].

Kleemann 1956 - *Kleemann O.* Wolfgang La Baume Curriculum vitae [Autobiography Wolfgang La Baume], in: Eds H. Kuhn & O. Kleemann Documente archaeologica W. La Baume dedicata [Archaeological heritage of Wolfgang La Baume], Bonn, Verlag Röhrscheid Publ., 1956, pp. 139-140 [in German].

Kotzebue 1808, 1809 - *Kotzebue v.* Preußens ältere Geschichte. Bd. 1-3 [History of Prussia. Volume 1-3], Riga, C.J.G. Hartmann Publ., 1808, 1809 [in German].

Kulakov 2002 - *Kulakov V.I.* Pangermanizm [Pan-Germanism], in: Voennaya enciklopediya. T. 6 [Military encyclopedia. Volume 6], Moscow, Voenizdat Publ., 2002, p. 243 [in Russian].

Kulakov 2002 - *Kulakov W.I.* Archäologische Forschungen im Baltikum zwischen 1933 und 1945 [Archaeological researches in the Baltic States between 1933 and 1945], in: Prähistorie und Nazionalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichtsforschung in den Jahren 1933-1945 [Background and Nazi socialism. A research of background and early history in Central and Eastern Europe in 1933-1945], Heidelberg, Synchron Wissenschaftsverlag Publ., 2002, pp. 535-544 [in German].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia till 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 364 p. [in Russian].

Kulakov 2004 - *Kulakov V.I.* Estii, venedy i germancy na Sambii [Estiya, veneda and Germans on Sambiya], in: Vostochnaya Evropa v srednevekov'e. K 80-letiyu Valentina Vasil'evicha Sedova [Eastern Europe in the Middle Ages. To Valentin Vasilyevich Sedov's 80 anniversary], Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 100-108 [in Russian].

Kulakov 2016 - *Kulakov V.I.* Sokrovishcha Yantarnogo kraya. Pokazateli inokul'turnyh vliyanij na drevnosti Sambii i Natangii v I-IV vv. n.e. [Treasures of the Amber land. Indicators of foreign culture influences on Sambiya and Natangiya's antiquities in the 1-4th centuries AD], Kaliningrad, Kaliningradskaya kniga Publ., 2016, 362 p. [in Russian].

Kushner 1951 - *Kushnir P.I.* Etnicheskoe proshloe yugo-vostochnoj Pribaltiki. Opyt istoricheskogo izucheniya etnicheskoj territorii [Ethnic past of the southeast Baltics. Experience of historical studying of the ethnic territory], in: Etnicheskie territorii i etnicheskie granicy [Ethnic territories and ethnic borders], Moscow, Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Publ., 1951, pp. 109-278 [in Russian].

La Baume 1940 - *La Baume W.* Ost- und Westpreußen in germanischen Vorzeit [East and Western Prussia in the German time], Königsberg, Ostdeutsche Verlagsanstalt und Druckerei Publ., 1940, 61 p. [in German].

La Baume 1953 - *La Baume W.* Nachruf (1895-1947) [Carl Engel's obituary (1895-1947)], in: Zeitschrift für Ostforschung, Lander und Völker in östlichen Mitteleuropa. 2. Jg. [The magazine of researches of the countries and people in Eastern Central Europe. Volume 2], Marburg, Herder-Institut Publ., 1953, pp. 278-280 [in German].

Nowakowski 1990 - *Nowakowski W.* Ludy na pólnocno-wschodnich skrajach Barbaricum. «Germania» Tacyta w świetle analizy źródel archeologicznych [The people at northeast edges of Barbarikum. Tacitus's Germany in the light of the analysis of archaeological sources], in: Meander, 1990, Bd. 2, H. 3 [in Polish].

Nowakowski 1996 - *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10 [Samland in the period of the Roman Empire and his communication with the Roman Empire and the barbarous world. Publications of the Prehistoric seminar of Marburg. Release 10], Marburg; Warszawa, Druk Publ., 1996, 169 p. [in German].

Nowakowski 2004 - *Nowakowski W.* Three centuries of Balt archaeology in East Prussia, in: Archaeologia Polona, Volume 42, Warszawa, Letter Quality Publ., 2004, pp. 65-102 [in English].

Okulicz 1973 - *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od póznego paleolitu do VII w. n.e. [Background of Prussian lands from a late paleolith till the seventh century of our era], Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Ossolineum Publ., 1973, 588 p. [in Polish].

Okulicz 1976 - *Okulicz J.* Powiazania pobrzeża Bałtuku i centrum sambijskiego z południem w podokresie wczesnorzymskim [Contacts of the coast of the Baltic Sea and the sambiysky center with the South in the rannemaniansky period], in: Godłowski K. red. Kultury arheologiczne i strefy kulturowe w

Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego. Vol. CCCCXXII. Prace Archeologiczne [Archaeological cultures and cultural zones of Central Europe during the Roman period. Scientific news of Jagiellonian University. Volume CCCCXXII. Archaeological works], Warszawa; Kraków, Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie Publ., 1996 [in Polish].

Shchukin 1998 - *Shchukin M.B.* Yantarnyj put' i venedy [Amber way and Venedi], in: Problemy arheologii. Vyp. 4. Istoriya i kul'tura drevnih i srednevekovyh obshchestv. Sbornik nauchnyh statej, posvyashchyonnyh 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mihaila Illarionovicha Artamonova [Archeology problems. Release 4. History and culture of ancient and medieval societies. The collection of the scientific articles devoted to the 100 anniversary since the birth of Mikhail Illarionovich Artamonov], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1998, pp. 198-208 [in Russian].

Tischler 1887 - *Tischler O.* Sitzung am 6. Mai 1886 (Das Gräberfeld Corjeiten bei Germau) [Meeting on May 6, 1886 (the cemetery Korzheyten about Germava)], in: Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. 27. Bd. [Works of fiziko-economic society of Konigsberg. Volume 27], Königsberg, In Comission von W. Koch Publ., 1887, pp. 22-24 [in German].

Voigt 1827 - *Voigt I.* Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergang der Herrschaft des deutschen Ordens. 1. Bd. [History of Prussia since the most ancient times before falling of domination of the German award. Volume 1], Königsberg, Im Verlage der Gebrüder Vornträuger Publ., 1827, 723 p. [in German].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Vladimir Kulakov – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 94 (367)

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭТНОНИМА «СЛАВЯНЕ» *)

С.В. Назин
Средняя общеобразовательная школа № 2000
Россия, 115522, г. Москва, Кантемировская улица, 22/6
e-mail: sergnasin@yandex.ru
SPIN-код: 9960-7570

Авторское резюме

В работе рассматриваются обстоятельства происхождения этнонима «славяне». Имя «славян» родилось в дунайских провинциях Римской империи в эпоху «кризиса III в.» в качестве самоназвание нероманизированного провинциального населения, изъяснявшегося на общепонятном языке, в основу которого лег подвергшийся сильному влиянию латыни язык паннонцев. В VI-VIII вв. имя дунайских «славян» и особенности их «племенного» языка распространились на периферийное праславянское население к северу от Карпат (венедов I-III и антов IV-VI вв.).

Ключевые слова: славяне, этногенез, склавины, анты, паннонцы, открытый слог.

ON THE ORIGIN OF THE ETHNONYM «SLAVS»

Sergey Nazin
School № 2000
22/6 The Kantemirovskaya Street, Moscow, 115522, Russia
e-mail: sergnasin@yandex.ru

Abstract

The paper examines emergence of the ethnonym «Slavs» (Slověne). The name «Slavs» originated in the Danubian provinces of the Roman Empire shortly before the «crisis of the 3rd century» as a self-name of the un-Romanized populace, which spoke a common language that developed from Pannonian under heavy influence of Latin. In the 6th – 8th centuries the Danubian name «Slavs» and their «tribal» language spread to the peripheral proto-Slavic population north of the Carpathians (to the Wends in the 1st – 3rd centuries and to the Antes in the 4th – 6th centuries).

Keywords: Slavs, ethnogenesis, Sclaveni, Antes, Pannonians, open syllable languages.

* * *

Согласно господствующим ныне теориям, славяне появились где-то к северу от Карпатских гор, в Висло-Одерском (Русанова 1976; Седов 1979; 2002) или Припятско-Днепровском регионе (Третьяков 1982; Щукин 1997; Гавритухин 2009) в виде носителей археологической культуры пражского типа, которые в эпоху

*) В основе статьи лежит доклад, прочитанный автором 14 февраля 2018 года на заседании Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН

Великого переселения народов заселили Восточную Европу и Балканский полуостров.

Главный недостаток подобных концепций состоит в том, что они обходят ключевой для славянского самосознания вопрос, а именно убеждение самих славян в своем приходе с Дуная. Попытки связать «дунайскую легенду» с деятельностью св. Кирилла и Мефодия в IX в. бездоказательны. Стремлению увидеть в ней память о пребывании славян в VI в. на нижнем Дунае противоречит то, что «Повесть временных лет» и ряд других ранних источников выводят славян из восточных предгорий Альп, отождествляют их с античными нориками и паннонцами.

Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы еще раз критически пересмотреть свидетельства истории и языкознания о ранних славянах и сопоставить их с господствующими в современной науке представлениями.

Где жили склавины?

Готский историк Иордан пишет: «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшее из обоих племен — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов» (Гетика, 35).

Описание земли склавенов дано по четырём сторонам света. Южным рубежом, очевидно, была граница Византийской империи по Дунаю, восточным – р. Днестр. Северной границей была река Висла в верхнем ее течении. Это следует из того, что Иордан описывает склавенов как жителей Скифии (Гетика, 33-34), а река Висла, «родившись в Сарматских горах, впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию» (Гетика, 17). На западе область расселения склавинов начиналась «от Мурсианского озера и города Новиетуна» *(a civitate Novietunense et laco qui appellatur Mursiano)*.

Иордан указывает положение Мурсинского озера, когда пишет: «Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро *(stagnus Morsianus)*» (Гетика, 30). Уточнить, где находится «то место», помогает известие «Естественной истории» Плиния Старшего. В ней сказано, что, начинаясь «в Германии», Дунай получает название Истра «как только начинает омывать берега Иллирии» (Естественная история, IV. 12 (79)). Младший современник Плиния Старшего Тацит сообщает, что Германия «отделена от галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем… они [живущие в современной Чехии маркоманы] как бы передовая застава Германии, поскольку ее граница — Дунай» (Германия, 1. 41-42).

Мы видим, что восточная граница Германии на Дунае совпадала с естественным рубежом между приальпийскими землями и Среднедунайской низменностью, который разделяет верхнее и среднее течение Дуная в районе Вены. Мурсианским озером может быть только расположенное на исторической границе

между «германской» Австрией и «скифской» Венгрией оз. Нейзидлерзее (венг. *Fertő* «болото»). До начала мелиоративных работ этот водоем превышал размерами Балатон, поскольку включал в себя огромное болото Ханшаг (нем. *Waasen* «топь»).

Определение Мурсианского озера одновременно как «озера» *(lacus)* и «стоячего пруда» *(stagnum)* объясняется внушительным размером и чрезвычайно малой – в среднем около метра – глубиной Нейзидлерзее. Вероятно, Иордан назвал это озеро Мурсианским по имени соседнего города Мурселла на реке Марцаль (венг. *Marcaly* < *Mursella*). На месте Мурселлы лежит современный поселок Морицхида (венг. *Mórichida*). Это название означает «мост через [реку] Мурец». Положение на исторической границе Германии и Венгрии, и соседство со сгустком топонимов и гидронимов на «мур» делают отождествление Мурсианского озера с современным Нейзидлерзее единственно возможным. Отдаленность от границы с «Германией» и отсутствие настоящего озера в окрестностях делает совершенно невероятным размещение Мурсианского озеро на месте античного болота *Hiulca palus* рядом с городами Мурса (совр. Осиек) и Мурселла (совр. Петриевцы) в месте впадения Дравы в Дунай (Скржинская 1957: 6).

Невероятно и отождествление Мурсианского озера с Балатоном (Скржинская 1957: 16). Иордан упоминает о двух озерах: Мурсианском и Пельсо (*lacum Pelsois; lacum Pelsodis*: Гетика, 268, 274), причем последнее явно находится в Паннонии. В Среднем Подунавье есть только два водоема, заслуживающих названия озера (нем. *See*) – Фертё *(Neusiedlersee)* и Балатон *(Plattensee)*. Очевидно, что это и есть два Иордановых озера, соответственно Мурсианское и Пельсо. Любые другие объяснения будут выглядеть явным насилием над географией хорошо известной древним области.

Что касается Новиетуна, то в Подунавье известно два города с этим названием (кельт. «новый город») – современные Исакча в устье Дуная и Дрново при впадении р. Крки в Саву. Рядом с Исакчей есть крупные озера и лиманы, но поскольку в тех местах нет названий наподобие Мурсы, Мурселлы или Мureца, отожествление их с Мурсианским озером будет полным произволом. Кроме того, границу Скифии и Германии невозможно поместить в низовья Дуная и здесь не поможет обычная в таких случаях оговорка о смутных географических представлениях древних. Город Новиодун-Дрново, напротив, полностью соответствует описанию Иордана. Если посмотреть на карту, мы увидим, что линия Нейзидлерзее – Дрново совпадает с естественной границей (300 м над уровнем моря) между восточными Альпами и Среднедунайской низменностью (см. рис. 1). Это и есть западная граница расселения «склавинов», которые в первой половине VI в. жили от Альп на западе до Днестра на востоке и от верхней Вислы на севере до византийской границы по Дунаю на юге, занимая всю Карпатскую котловину, включая венгерское Задунавье (античную Паннонию).

Ранняя локализация «склавинов» в Паннонии подтверждается известием Прокопия. Около 512 г. бежавшие из Подунавья герулы «последовательно прошли через все славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область,

достигли страны так называемых варнов. После них они прошли через племена данов... Отсюда они прибыли к океану, сели на корабли, пристали к острову Фуле и там остались» (Война с готами, II. 15. 2-4).

Герулы не могли возвращаться в Скандинавию через славянские земли на нижнем Дунае и в Поднестровье – для этого им пришлось бы дать необъяснимый крюк вокруг внешней стороны Карпат. Прямой путь на север через Моравские ворота привел бы герулов в Силезию. Проживание здесь в начале VI в. многочисленных славянских племен, которые можно «пройти одно за другим» невозможно: крайние западные памятники раннеславянской пражской культуры в то время не заходили западнее Вислы (Kazanski 1999: 58) (рис. 2а).

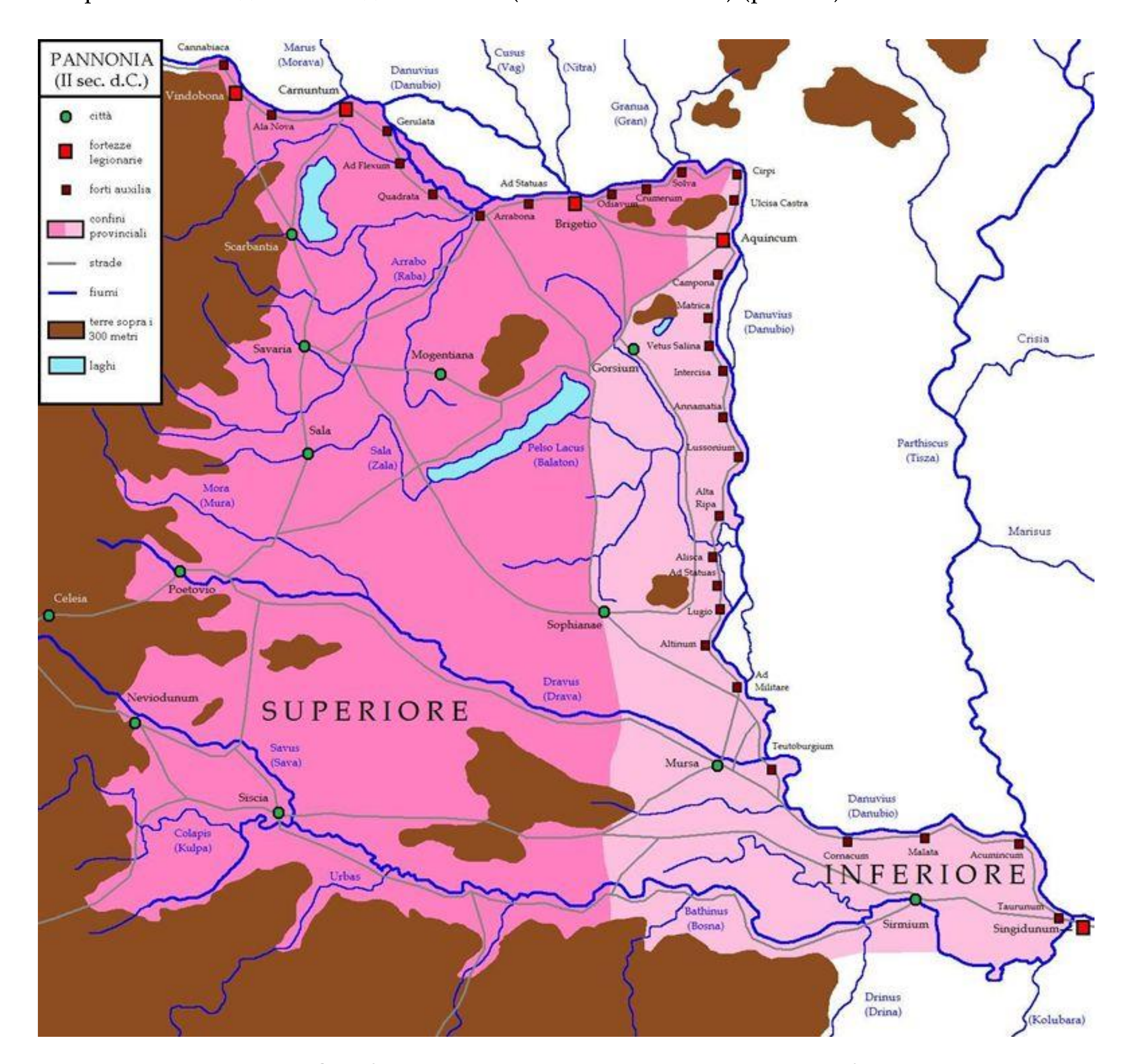

Рис. 1. Западная граница расселения склавинов по Иордану

Скорее всего, герулы выступили на север не сразу же после поражения от лангобардов, как можно понять при буквальном прочтении Прокопия, а после столкновений с гепидами и византийцами в районе Сирмия. Кратчайшая дорога к варнам, а этим именем Прокопий скорее всего именует саксов, шла на запад через полностью опустошенную землю «где в древности жили руги», то есть современную Австрию (чеш. *Rakusy*). Герулы уже пытались там поселиться, но вынуждены были уйти на юг в район Сирмия и Сингидуна, спасаясь от голода (Война с готами, II. 14. 24-25). Переправившись оттуда на северный берег Дуная, они могли попасть к тюрингам, которые до своего разгрома франками в 531 г. владели зарейнской Германией. Название «Закон англов и варинов, иже суть тюринги» *(Lex Angliorum Werinorum hos est Thuringorum)* подтверждает вхождение варнов в состав эфемерной Тюрингской державы. Путь герулов можно восстановить следующим образом: район Сирмия – земля «склавинов» (Паннония и вост. Норик) – огромная пустынная земля, оставленная ругами (Австрия) – земли варнов (владения тюрингских королей) – земля данов (Ютландия) (Рис. 2б).

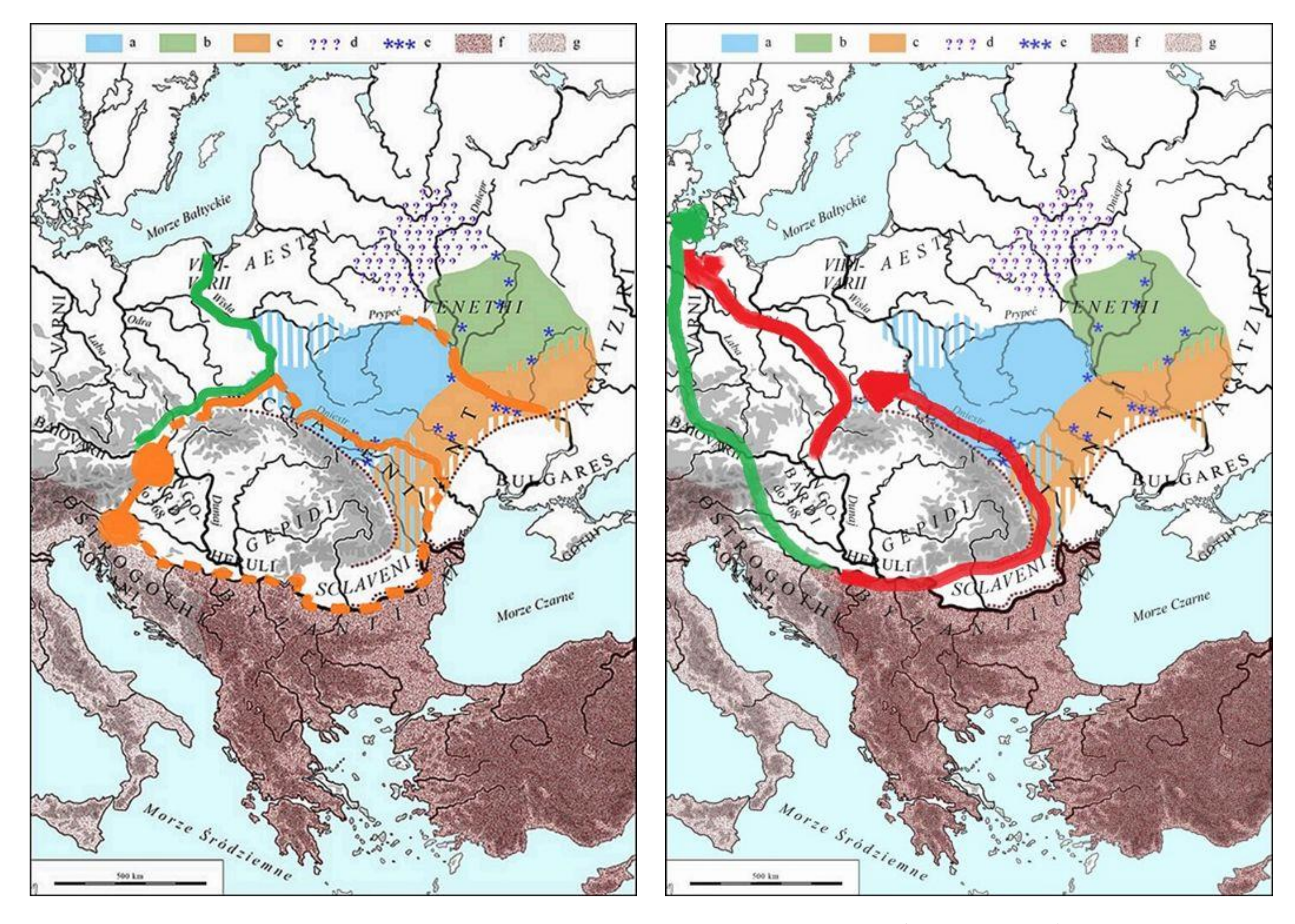

Рис. 2а. Границы расселения склавинов и антов (оранжевый)
и граница между Германией и Скифией (зеленый) по Иордану;
Рис 2b. Возможные пути герулов в Скандинавию.

Кто такие анты?

Мы видим, что Иордан представлял область расселения склавинов в первой половине VI в. в виде правильной геометрической фигуры, занимающим все пространство Карпатской котловины. Если сравнить эту область с ареалом раннеславянских памятников пражской культуры в первой половине VI в. мы легко убедимся в том, что они в целом лежит за пределами распространения иордановых «склавинов». Это значит, что знаменитая пражская культура VI-VII вв. не может отождествляться с собственно «славянами» (склавинами).

Иордан пишет: «Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами» (Гетика, 34). Очевидно, что область расселения венетов к востоку от Карпат и Вислы полностью совпадает с ранним пражским ареалом.

В сообщениях Иордана содержится известное противоречие. Поскольку венеты представляют собой совокупность склавинов и антов[1], то из занимаемых венетами «безмерных пространств» на долю склавинов остается узкая полоса земли между Карпатами и Днестром. Получается, что остальная и притом большая часть венетской области достанется живущими между Днестром и Днепром антам. При этом большая часть ареала склавинов в Карпатской котловине (см. выше) окажется лежащей вне области расселения венетов. Таким образом, венетами оказываются, в сущности, только анты. Включение в их состав склавинов обусловлено, во-первых, родством с антами (Война с готами, III. 14. 26-27, 29), а во-вторых, готским происхождением Иордана, который (единственный из всех современных византийских писателей!) знал германское имя славян – «венды», которое и использовал в качестве родового понятия[2]. В этой связи хотелось бы прояснить соотношение между этнонимами венеты и анты.

Поскольку анты по имени своему отличаются от склавинов, то есть «славян», этноним анты считают неславянским по происхождению и возводят его к гипотетическому названию славян у иноязычных соседей (Трубачев 2003: 98). При этом совершенно упускают из вида, что греческое слово *Ἄνται* «анты» передавало славянское (!) самоназвание этого народа. Очевидно, что анты не могли называть себя «славянами». В этом случае известный лже-Хильвудий (ант по происхождению) не смог бы выразить по-славянски простую мысль: «Я ант, а не склавин». И напротив – сами склавины должны были иметь особый славянский этноним для обозначения антов.

Самый полный перечень славянских племен содержится в «Повести временных лет». Некоторые названия – славяне, дреговичи, север – известны уже с

[1] Представление о венетах, склавинах и антах как трех (?) народах основано на произвольном толковании единственного отрывка Иордана (Мачинский 2012: 29-30).
[2] Прокопий вместо венетов говорит о спорах (Война с готами, III. 14. 29-30).

VI-VII вв. Невозможно предположить, что славянское самоназвание антов, которым в VI в. пользовалась половина (!) всех славян того времени бесследно исчезло из славянской этнической номенклатуры. Если греческое *Σκλάβηνοι* отражает самоназвание *словѣне,* то греческому *Ἄνται* должно соответствовать имя другого летописного племени.

Славянский прообраз этнонима *Ἄνται* можно восстановить на основе имени летописных вятичей (*вѧтичи*, **vęt-itji*). Начальному славянскому «в» соответствует греческое придыхание (псилия): слав. **vers* «верес(к)» – греч. *ἐρείκη*. Точно также передавался по-гречески начальный звук *v-* в имени адриатических венетов: *Veneti* > *Ἐνετοί* (Геродот, I. 196), *Ἐνετικοί* (Константин Багрянородный, 27. (38)). Носового звука **ę* (ѧ) в славянском языке в VI в. еще не было (Shevelov 1964: 328, Аникин, Иванов 2014: 254). Он развился позднее из слога **en*, который закономерно передавался греческим *αν*: лат. *calendae* > греч. *καλάνδαι*. Греческим *-αι* и латинским *-es* передано раннепраславянское окончание множественного числа. Его облик можно восстановить на основе литовских топонимов в форме множественного числа *Trakai* / польск. *Troki* и лит. *Šlavėnai* / др. -русс. *словѣне* (сюда же летописное *гъте* «жители Готланда»). Таким образом, самоназвание антов в VI в. можно реконструировать в виде **ventai* / **ventoi*. Фонетические процессы VII-IX вв. привели к тому, что слово превратилось в трудно произносимое **vętě* / **vęti,* что привело к появлению суффиксального варианта «вятичи».

Уже не вызывает сомнений, что имя вятичей восходит к названию упомянутых в памятниках I-II вв. восточноевропейских венедов (Аникин, Иванов 2014: 254). То обстоятельство, что венетами называются жившие в более раннее время неславянские племена в Италии и Галлии, не имеет к этнической принадлежности славянских венедов никакого отношения. Этноним *Γερμάνιοι* впервые упомянут Геродотом в V в. до н.э. в перечне персидских племен (Геродот, I. 125). Плиний Старший называет германцами *(Oretani qui et Germani vocantur)* иберийское племя оретанов (Естественная история, III. 29). Никому не придет в голову на основании этих примеров ставить под сомнение языковую принадлежность германцев Цезаря и Тацита.

Возведение имени антов к индоиранскому корню **anta-* «конец, граница», откуда якобы возникло название «Украина» (Фасмер I: 376) является очевидным недоразумением. Гипотетическое **anta-* «анты» действительно можно передать греческим *Ἄνται* – беда в том, что анты были не греками, а славянами. На славянской почве слог **an* мог превратиться только в носовое **ǫ* (ѫ) «юс большой». Такую этимологию можно было бы рассматривать только при наличии летописного племени «(в)утичей» *(*ǫtitji).*

Полное тождество венетов и антов можно подтвердить известием о разгроме антов готским королем Винитарием где-то в конце IV в. (Гетика, 245-246). Слово «винитарий» является обычным германским этнонимом на *-ari,* наподобие видивариев (Гетика, 36) или баювариев (бавар). Похожее имя Вандалария, то есть «вандала» носил дед Теодориха Великого. Очевидно, что прозвище Винитарий

означает просто «венет» и, – вспомним отечественных «воинов-афганцев», – было дано по этническому имени врагов, в битвах с которым прославился этот король[1]. Поскольку он сражался с антами, мы можем заключить, что готы IV в. называли их «винитариями». Таким образом, антов IV – начала VII вв. нужно считать прямыми потомками восточноевропейских венедов I-III вв., славянское самоназвание которых дожило до исторического времени в имени летописных вятичей.

Итак, если преемственность между венедами и антами не подлежит сомнению, то на вопрос о тождестве венетов и «склавинов» нужно дать однозначно отрицательный ответ. Склавины и венеты/анты суть два разных, хотя и родственных народа. Первые в массе своей занимали внутреннюю часть Карпатской котловины вплоть до восточных предгорий Альп, вторые – земли, простирающиеся на северо-восток от Карпат.

Что такое праславянский язык?

Праславянский или общеславянский язык был языком с открытыми слогом, в котором все слова оканчивались на гласный, что отразила дореволюционная русская орфография со знаком «ъ». В этом состоит фундаментальное отличие праславянского языка от балтийских, которые сохранили древнее состояние языка с закрытым слогом: лит. *Vilnius* и рус. *Вильна*. Тенденция к открытому слогу чужда индоевропейскому строю речи, единственными исключением был протороманский язык, в котором пали латинские закрытые слоги: лат. *lupus* > итал. *lupo*, исп. *lobo* и т.д.

Это обстоятельство, а также полное совпадение праславянской и прароманской фонетики и ряд других поразительных схождений указывают на то, что праславянский язык образовался вследствие сильнейшего воздействия народной латыни на архаический индоевропейский диалект предков славян (Иванов 1989: 26). Германские языки, несмотря на тысячелетние соседство с латинским языком, не испытали ничего подобного, из чего следует, что праславянский язык мог превратиться в язык открытого слога только в условиях романо-славянского двуязычия на территории Римской империи[2].

Где и когда могло состояться указанное взаимодействие? Традиционно его относят ко времени переселения славян на Балканский полуостров, где они столкнулись с восточным романским населением – предками современных румын. Истории известны примеры полного изменения первоначального языкового строя под воздействием более мощного и развитого языка. Так англосаксонский превратился в современный английский под влиянием французского языка за очень короткий срок с 1066 до конца XV в. (среднеанглийский период).

В отличие от англосаксов славяне пришли на Балканы как завоеватели. Местное влашское и албанское население было оттеснено в горы и первые упоминания о нем появились только в источниках X-XI вв. Румынский язык испытал

[1] Вероятно, это наследник Германариха Витимер (Аммиан Марцеллин, III, 3).
[2] Независимое превращение романского и славянского в языки открытого строя маловероятно.

на себе сильнейшее воздействие славянского: был заимствован огромный пласт лексики (41% словаря А. Чихаки 1879 г.), в том числе самое частотное в устной речи слово «да». Славянское происхождение имеет основная часть социальной и земледельческой терминологии румынского языка, исконная латинская лексика почти полностью вытеснена из описания важнейших эмоциональных и психологических качеств человека. Самобытный характер имеет только румынская скотоводческая лексика и слова, касающиеся преимущественно «биологической» стороны человеческой жизнедеятельности. Под влиянием славянского существенно преобразились также синтаксис, фонетика и морфология румынского языка.

В этих условиях обратное и главное, одновременное воздействие романского языка на славянский, превратившее его в язык с открытыми слогами, маловероятно. Например, влияние англо-нормандского языка на англосаксонский, сравнимое с воздействием славянского на румынский, было подчеркнуто односторонним. То же самое можно предположить и в случае со славянами и румынами. Славянский не мог испытать сильнейшего романского влияния по причине «культурного» превосходства автохтонного романского населения над славянскими завоевателями, поскольку римские города на Балканах с приходом славян были разрушены, «культурный» слой населения погиб или бежал, а оставшееся население отступило в горы. У славян, занявших лучшие земли в долинах Балканского полуострова (где господствует славянская топонимия и гидронимия) не было никакой причины учить язык албанских и «влашских» скотоводов, как не было ее у англосаксов, оттеснивших «влахов» (wealh, Welsh) Британии в бесплодные горы Уэльса и Шотландии.

Влияние романского языка на славянский, которое привело к превращению его в язык с открытым слогом имело место в условиях славяно-романского двуязычия. Это взаимодействие должно было происходить при полном преобладании романской речи и романского населения над славянами. В VI-VII вв. такое было невозможным, но этническая память славян сохранила совершенно определенное представление о господстве «волохов», которое собственно и считало началом своей истории: «Волохом бо нашедшим на Словены на Дунайские, и седшим в них и насилящим им» (Повесть 1950: 11).

Это событие нельзя приурочить ни к войнам славян и византийцев на нижнем Дунае (Мачинский 1981: 12), поскольку это противостояние окончилось победой славян, ни к разгрому франками аварского каганата (Петрухин 1996), поскольку нашествие волохов в летописи происходит ранее прихода *обров* «авар». Поэтому летописный рассказ о нашествии волохов на дунайских славян и следует считать описанием римского завоевания и господства («седшим в них и насилящим им») на Среднем Дунае.

Из вышеизложенного следует, что проходившее под сильнейшим влиянием поздней латыни становление славянского как языка с открытым слогом могло происходить только на территории римских провинций в Среднем Подунавье еще до начала великого переселения народов.

Что означает имя «славяне»?

Связь имени **slověne* «славяне» со «словом» интуитивно понятна. Сомнения, согласно которым суффикс *-ѣне/-яне* обычно служит для образования географических названий, не следует принимать во внимание. На славянской почве, где действует модель поляне – польский, древляне – деревский, волжане – волжский, ожидалась бы закономерное «славяне» – «славский». Именно поэтому имя славян нельзя сопоставлять с названием литовского поселка Шлавенаи *(Šlavėnai)* на р. Шлаве *(Šlavė)* и выводить из названия некой реки (Фасмер III: 666; Шрамм 1997: 71-73). «Славяне» – не географическое название.

Почти общепринято, что именем «славян», то есть «говорящих», славяне отделяли себя от не понимавших славянский язык «немых» соседей. Отсюда возник этноним «немцы» (Фасмер III: 62). Но у слова «немцы» никогда не было такого «всеохватного» значения. Славяне обозначали этим именем только западных соседей, – германцев, – да и то не всех. Константин Багрянородный называет «немцами» *(Νεμίτζιοι)* только бавар (О церемониях, II, 48). Венгры, заимствовавшие этноним *német* от славян, называли так только жителей южной Германии *(лат. teutones),* говоривших на верхненемецком языке. Носителей нижненемецких наречий звали «саксами» *(szász/saxones)* при этом обе «нации» могли жить в пределах одного и того же города (Виноградова, Мельникова, Шушарин 1989: 149).

Таким образом «немец» изначально было не обозначением всех «неславян», а узкоплеменным названием, что хорошо видно по летописному списку. «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, нѣмци, корлязи, венѣдици, фрягове и прочии, ти же присѣдять отъ запада къ полуденью и съсѣдяться съ племянемъ хамовымъ» (Повесть 1950: 10).

Слово «не́мец» трудно считать исконно славянским из-за «странного» ударения. Любому говорящему по-русски очевидно, что «слепой» не может быть «сле́пцем», «глупый» – «глу́пцем», «хромой» – «хро́мцем». Происхождение этнонима «не́мец» от славянского слова «немой» по этой причине совершенно исключается. Его следует рассматривать, как заимствование из кельтских языков (А.А. Шахматов по: Фасмер III: 62), где понятие *nemed* означает свободного полноправного члена племени, допущенного к племенном культу, отправлявшемуся друидами (буквально «древесными») в священных рощах (греч. *νέμος* «лес», лат. *nemus, -oris* «роща») (Simone 1984; Шкунаев 1989: 45, 48-49). Отсюда происходят названия одной из волн завоевателей Ирландии – «людей Немед» и галльского племени неметов (*nemetes*) около современного Шпейера (*Noviomagus Nemetum*).

Если противопоставление «говорящих» славян и «немых» немцев оказалось мнимым, то каким образом объяснить появление имени со значением «говорящие понятно»? Этноним с таким значением является совершенно необычным, поскольку отсылает к противопоставлению людей и животных (говорящие – бессловесные), в то время как архаическим этническим названиям присуще значение «настоящий», а не «говорящий» человек» (Никонов: 15).

В Европе есть только три народа, чье самоназвание означает «люди, говорящие на понятном языке»: это славяне, албанцы *(shqiptarët)* и баски *(euskaldunak)*. Типология этих имен, ставших известными относительно поздно, предполагает одну и ту же причину их появления. Она лежит на поверхности. Албанцы и баски представляют собой лингвистические реликты – остатки автохтонного населения балканского и иберийского полуострова, чудом избежавшего романизации. Поэтому этнонимы *euskaldunak* и *shqiptarët* могли возникнуть только в условиях враждебного сосуществования римлян и туземцем в границах Римской империи.

В позднейшее время противопоставление романского и нероманизированного населения провинций не имело бы смысла. Невозможно относить возникновение самоназваний албанцев и басков и к еще более поздним времени. В средневековой Испании самобытность басков охранялась особыми привилегиями (*fueros*). Следствием турецкого господства могла быть исламизация албанцев, но в «богохранимом государстве» не было ничего похожего на процессы языковой ассимиляции, какие происходили в Римской империи.

Уже говорилось, что славянский язык, как язык открытого слога мог сложиться только в условиях романо-праславянского двуязычия. Смысловое тождество самоназвания славян, албанцев и басков подтверждает, что этноним **slověne* возник среди провинциального населения Римской империи, которому в силу каких-то причин удалось сохранить свой язык.

Где располагался славянский этнический центр?

Утверждение, что «славяне» зародились в Римской империи, выглядит парадоксом, но на деле таковым не является. Обычно славянский этногенез представляют следующим образом. Ближе к середине I тыс. н.э. на ограниченной территории к северу от Карпат появляется пражская археологическая культура, носителями которой были первые славяне. Затем, в силу ряда причин, славянское население начинает резко расти, расширять свою территории и численность, в том числе за счет массовой ассимиляции иноязычного населения. Непомерно разросшаяся славянская общность разделяется на отдельные народы, а имя славян сохраняется в качестве местного самоназвания только на периферии, где славянское население соприкасается с иноплеменным.

Эта «библейская» картина умножившегося «аки песок морской» славянства имеет мало общего с реальными этногенетическими процессами, которые протекают прямо противоположным образом. Сначала возникает некая общность, отличающаяся от родственного по языку населения своим именем, например «римляне» или «тюрки». Затем эта общность устанавливает господство (или первенство) внутри своей языковой среды, ассимиляция иноязычного населения при этом возможна, но не играет особой роли. Новое имя усваивается родственными племенами в качестве родового, но продолжает существовать в качестве «местного» или «племенного» названия первоначального коллектива, который становится

центром образовавшейся этнической общности. Гибель этого центра равносильна остановке человеческого сердца и приводит к необратимому распаду этнического единства и началу нового этногенетического процесса.

Классическим примером может считаться этногенез древнерусского народа. В конце IX в. «русский» князь Олег во главе объединения ряда северных племен занимает Киев – главный город в «польской земле». Смена династии и прибытие многочисленных пришельцев способствуют усвоению полянами самоназвания «русский». Опираясь на население «Русской земли» (в сущности, на полян[1]) русские князья подчиняют себе прочие славянские племена. В XI-XII вв. племена уступают места городским землям, но противопоставление «Русской земли» в Поднепровье и населяющих ее собственно «русских» людей русскому населению других земель сохраняется в полной мере. Несмотря на постоянные усобицы, «Русь» сохраняет свое значение центра Руси – любой сколько-нибудь значительный князь стремиться иметь там город во владении. Причиной распада (древне)русского этноса стала не пресловутая «раздробленность», а гибель «Русской земли» в Поднепровье буквально стертой татарами с лица земли.

Если подходить к вопросу происхождения славян с этой точки зрения, мы увидим, что этнический центр славянства находится в западной части Среднего Подунавья – там, откуда выводит славян «Повесть временных лет». Именно здесь проживают славянские народы, использующие имя «славян» в качестве самоназвания: словенцы, словаки и хорваты кайкавского наречия[2].

Ошибочным является утверждение, что этноним «славяне» сохранился на периферии славянства, по соседству или в окружении иноязычного населения. Лужицкие сербы, самый характерный в этом отношении народ, никогда не использовали самоназвания славян в качестве «племенного» самоназвания. С другой стороны, все дунайские «славяне», подобно русским, украинцам и белорусам стали самостоятельными народами относительно недавно.

Кайкавский диалект и сегодня гораздо ближе к словенскому языку, чем к литературному хорватскому языку, сложившемуся на основе штокавского диалекта. Центральный словацкий диалект резко отделяется от западного и восточного словацкого наречия, как вообще от всех западнославянских языков, своими «югославянскими» особенностями, сближающими его в первую очередь со словенским и кайкавским (Смирнов 1989: 247).

В средние века венгры не делали разницы между славянами Среднего Подунавья пользующимся именем «славяне» в качестве самоназвания. Словаков, словенцев и кайкавское население Славонии они называли одним и тем же словом *tót(h)*, которому соответствовало латинское *sclavus.* Прочие славяне были известны

[1] Варяжская дружина сама по себе была бессильна в схватке с племенным ополчением, о чем свидетельствует судьба князя Игоря.

[2] Некогда носители кайкавского диалекта занимали все междуречье Савы и Дравы или Славонию. Хорватское имя в области Загреба, где живут кайкавцы, распространилось только в XVI-XVII вв. До этого хорватами называли носителей чакавского диалекта, живших к югу от хребта Гозд (Капелла) (Акимова: 145-147).

венграм под собственными именами: *orosz* «русский», *lengyel* «поляк», *cseh* «чех», *marót* «моравец», *horvát* «хорват», *bolgár* «болгар», *rác* «серб». Венгры никогда не путали их со «славянами» и не назвали их словом *tót(h).* С другой стороны, этноним «тоты» никогда не использовали для обозначения «славян вообще» (Шушарин 1997: 230).

Свидетельства архаичной венгерской этнонимии о существовании особого народа «славян» подтверждаются «Повестью временных лет». «Бе єдинъ языкъ словѣньск: [1] словѣне, иже сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, [2]и морава, [3] и чеси, [4] и ляхове, [5] и поляне, яже нынѣ зовомая Русь». Очевидно, что «словѣне, иже сѣдяху по Дунаеви» и есть те самые венгерские «тоты» («их же прияша угри») – предки словаков, словенцев и славонцев, которые накануне венгерского нашествия представляли собой единый народ с особым диалектом (Хелимский 1988).

Происхождение венгерского этнонима *tót(h)* (мн. ч. *tót(h)ok*) «(дунайские) славяне» наиболее правдоподобно объясняется из тюркского «тат», которым кочевники называли покоренное земледельческое население (Шушарин 1997: 262). Отношение «турок» (так византийцы называли венгров) к «татам» отразилось в поговорках *татсиз турк булмаз, башсиз бурк булмаз* «нет турка без тата, нет шапки без головы» (тюрк.) и *a kasa nem etel, a tot nem ember* «каша не еда, тот (т.е. славянин) не человек» (венг.).

Итак, летописная «зѣмля Словѣньска» на среднем Дунае имела для славянского мира то же значение, что и «Русская земля» в Поднепровье для остальной Руси. Именно отсюда славянское самосознание распространялось на периферийные славянские племена: ляхов, полян, вятичей и пр. Этот процесс нельзя смешивать с расселением «славян вообще», хотя переселения собственно «славян» с Дуная тоже имели место – речь идет о поморских словинцах и ильменских словенах[1].

Из Среднего Подунавья исходили важные культурные и лингвистические импульсы (Куркина 1993: 38; Трубачев 2003: 85), которые обеспечивали единство славян еще во времена св. Кирилла и Мефодия. Венгерское завоевание привело к гибели «Славянской земли» на Дунае. Лучшая часть ее – венгерское Задунавье – была заселена венграми, а собственно «славянское» население сохранилось только в Альпах, Татрах и междуречье Савы и Дравы. Там оно превратилось в словаков, словенцев и хорватов-кайкавцев (славонцев). Гибель славянского этнического ядра привела к распаду славян на южных, западных и восточных.

От кого происходят «славяне»?

Для того, чтобы лучше понять механизм возникновения «славян», следует еще раз перечислить сделанные выше выводы. «Славянами» (склавинами) в VI в. назвалась только та часть тогдашнего славянства, которая заселяла Карпатскую котловину. Праславянский язык с открытыми слогами сложился под сильнейшим

[1] Надеемся осветить этот вопрос в отдельной статье.

влиянием поздней латыни на территории римской империи еще до переселения славян на Балканы. Этноним «славяне» мог появиться только среди провинциального нероманизированного населения. Этническим центром славянства, где жили собственно «славяне», была западная часть Среднего Подунавья – земли римских провинций Паннонии и Норика (восточного). Эти выводы полностью подтверждают достоверность ранней славянской традиции о дунайской прародине славян.

Разумеется, эта традиция не может рассматриваться как изначально «общеславянская». Дунайская легенда имеет отношение только к склавинам, а не венетам (антам), только к дунайским «славянам», а не ляхам или вятичам. Последние не были дунайским выходцами, и их собственные предания остались нам неизвестными[1]. Поэтому хотелось бы обратить внимание читателя на то, что все нижесказанное относится только к предкам словаков, словенцев и хорватов-кайкавцев (а также ильменских словен и поморских словинцев).

Наличие славяноязычного автохтонного населения, которое значительно преобладало над прочими этническими элементами на Среднем Дунае можно сделать на основании известий Приска Панийского, который посетил ставку Атиллы в середине V в., задолго до первого упоминания имени славян. Приск называет подданных Аттилы скифами и сообщает, что «представляя разноплеменную смесь, скифы, кроме своего варварского языка, легко изучают и гунский или готский, а также и авсонский, если у кого из них есть сношения с римлянами, но мало кто из них говорит по-эллински, кроме пленников, уведенных из Фракии и иллирийского побережья» (Свод I: 87). Приск противопоставляет «скифов» и «готов» и употребляет название «царские скифы» как синоним слова «гунны», причем сообщает, что последние не занимаются земледелием (Приск, 1, 14,39).

Очевидно, что помимо «царских скифов» существовали скифы «нецарские», которые, в отличие от первых, были зависимыми земледельцами, то есть «татами» гуннов (как данники должны были доставлять ехавшим к Атилле послам «съестные припасы и красивых женщин для соития» (Свод I: 87). Это и были те «смешанные скифы» (буквально *ζύγκλιδες* «намытое волнами» (Свод I: 94)), говорившие на «своем варварском языке» отличном от гуннского, готского, латинского (авсонского) и греческого. О характере этого языка позволяют судить туземные слова *strava, μέδος, κάμον, Tisia* с прозрачными славянскими этимологиями (Гиндин 1981).

Название р. Тиса которое в древности была известна исключительно, как Патисс *(Pathiscus, Πάθισος)* вообще могло возникнуть только на славянской почве, где имя Патисс, воспринятое как «Потисье» было преобразовано в Тису (Гиндин 1981: 64-66). Стоит ли говорить, что название крупнейшего притока Дуная в славянской форме не могло войти в обиход уже в середине V в., если бы славянское население не составляло подавляющего большинства в государстве Атиллы.

[1] История любого народа воспринимается с точки зрения его этнического центра, «столицы».

Славяноязычные «смешанные скифы», жившие в Среднем Подунавье были прямыми потомками провинциального населения римской провинции Паннонии. Об этом позволяет судить название напитка из ячменя, которым они угощали слуг Приска. Словом *κάμον* или *camum* назывался напиток вроде египетского зитона или кельтской кервисии, то есть пиво *(κερβησία, cervesa)* (Свод I: 94).

Тацит сообщает, что жившее в Германии племя осов, говорило на паннонском языке, который отличался и от германского и от кельтского *(Cotinos Gallica, Osos Pannonica lingua coarguit non esse Germanos)* (Германия, 43). Тацит сообщает также, что осы представляли собой ветвь паннонского племени эрависков *(Sed utrum Aravisci in Pannoniam ab Osis, Germanorum natione, an Osi ab Araviscis in Germaniam commigraverint, cum eodem adhuc sermone institutis moribus utantur, incertum)*[1] (Германия, 28).

О языке паннонцев можно сказать только то, что он был индоевропейским (Тохтасьев 1998: 30). Топонимика и материальная культура Паннонии отличаются от таковых в западной части Балканского полуострова, из чего можно заключить, что паннонцы и иллирийцы были разными по языку и происхождению народами (Praistoria V: 755). На чрезвычайную близость паннонского и праславянского языка указывают следующие примеры.

Во-первых, название паннонского пива *κάμον* или *camum* достоверно объясняется только из праслав. **komъ* «ком», откуда серб. *кȍмина* «виноградные выжимки» и *кȍминјак* «виноградная самогонка» (Свод I: 92; ЭССЯ X: 173, 179). Во-вторых, речь идет о названиях озера *Pelso* «плес», племени *Oseriates* «озеро» и реки *Bustricius* «Быстрица» в Паннонии, а также имени бога в надписи из Интерцисы в Паннонии *DoBRATI. EUTICER. SER(vus). DE(dit)* «Богу До́броти Евтихий раб посвятил» (Трубачев 2003: 109). В-третьих, названия живших в Паннонии племен эрависков, таврисков и скордисков оканчиваются характерным суффиксом *-sk-*, который представлен в балтийских, германских и славянских языках, но полностью отсутствует в кельтском и в собственно иллирийской этнонимии западной части Балкан (Порциг 2003: 297). В-четвертых, вождь панноннского восстания против Рима (6-9 гг.) Батон *(Batho, - nis)* носил то же самое имя, как славянский князь XI в. Константин Бодин (*Βοδίνῳ* у Скилицы; *Βοδίνου* у Анны Комнины).

О пребывании языковых предках славян в Паннонии еще в конце I тыс. до н.э. свидетельствует то, что славянский язык разделяет с языком адриатических венетов важную лексическую инновацию – слово «молодой». В прочих индоевропейских языках (за исключением прусского) это слово сохранило первоначальное индоевропейское значение «мягкий, нежный». В венетских надписях представлены личные имена, соответствующие югославянским Младен, Младенка (Порциг 2003: 221). Сюда же следует отнести венетское *Tergeste*, лат. *Tergestum* (Триест) этимологически близкое прасл. **tъržišče* «торжище».

[1] Но арависки ли переселились в Паннонию, отколовшись от германской народности осов, или осы в Германию, отколовшись от арависков, при том что язык, учреждения, нравы у них и посейчас тождественны, неизвестно.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что летописные «словѣне дунайския», они же венгерские «тоты» *(tót(h)ok, Sclavi)* – предки современных словаков, словенцев и хорватов-кайкавцев – являются прямыми потомками античных паннонцев.

Как и когда появился этноним «славяне»?

Поскольку имя славян не могло появиться раньше римского завоевания Подунавья, мы не можем механически отождествлять паннонцев I-II вв. с носителями самоназвания **slověne*. Славяне, как албанцы и баски, являются новообразованием несводимым к античным племенам[1]. Такая новая общность действительно складывается в римских провинциях на Дунае – речь идет о так называемых «иллирицианах».

С III в. н.э. «войском иллирициан» *(exercitus Illyricianum)* стали называться римские войска на Дунае. Со времен Адриана (117-138 гг.) они осели в постоянных лагерях, а в правление Септимия Севера (193-212 гг.) их личный состав, набиравшийся из местного нероманизированного населения, окончательно утратил первоначально италийский (то есть романский) характер (Банников 2013: 60, 64). В 235 г. «иллирицианы», служившие главной опоры династии Северов, убили ее последнего представителя – Александра, и возвели на императорский престол своего ставленника – первого «солдатского императора» Максимина Фракийца[2]. Это событие стало свидетельством окончательного сложения новой этнической общности, противопоставившей себя «римлянам». Об этом говорят и монеты солдатских императоров с вызывающей легендой *GENIVS EXERC(itus) ILLVRICIANI* «гений иллирийского войска» вместо привычного *GENIUS POPULI ROMANI* «гений римского народа».

Ранние славянские заимствования из латыни имеют своим источником язык римского военного лагеря: **ščitъ – scutum* «щит», **kladivo – gladius* «меч», **sekyra – sekuris* «топор», **trǫba – tromba* «боевая труба», **kъmětъ – comes*, **kalika – caliga* «солдатский сапог», **kostьrъ – castrum* «военный лагерь», **valъ – vallum* «палисад», **kobyla – caballus* «холощеный (кавалерийский) конь», **vьlbǫdъ – elephans (-ntis)* «(боевой) слон», **golǫbъ – columbus* «(почтовый) голубь». Источником этих заимствований послужила солдатская латынь не позднее III в., так как в последующие столетия меч-гладиус вышел из употребления и был заменен спатой, а слово *columbus* было полностью вытеснено из народной латыни словом *palumbus – palomba* «голубь».

Римская армия на дунайской границе складывалась из самых разных этнических элементов, но основу ее составляли именно паннонцы и неудивительно, что именно их язык – *Pannonica lingua* – а не латынь стала языком военного лагеря, а затем и средством общения населения дунайских провинций. Истории хорошо

[1] Очевидно, что современные баски не являются «просто» потомками античных басконов.

[2] Паннонцы были движущей силой мятежа и главной опорой Максимина (Геродиан, VI. 8.1-5; VIII. 2.9; 3.5; 8.11; VIII. 6.1).

известны примеры такого рода. Языком общения армии Великих моголов стал язык «урду» – буквально «военный», «лагерный», который сложился на основе языка коренного населения Индии. В португальской Бразилии вплоть до конца XVIII в. языком общения был сложившийся на основе языка гуарани так называемый *língua geral paulista*, на котором говорили солдаты-«бандейранты» из Сан-Паулу.

Вероятно, имя «славяне» первоначально было надплеменным обозначением всего провинциального населения Подунавья, пользующегося военным «словом», а затем, в эпоху открытой борьбы Иллирии и Италии в эпоху «кризиса III в.» превратилось в этническое самоназвание. Праславянские этнонимы **slověne* и **volsi (sg. *volxъ)* будут соответствовать в таком случае латинским *Illyricianes* и *Romani*. В этой связи становится понятным сочетание *славяне – славянский*, невозможное в славянском, но полностью соответствующее заимствованным *христиане – христианский, армяне – армянский, самаряне – самарянский*. Прилагательное *словѣньскъ* (вместо «нормального» **словьскъ*) говорит о том, что имя *словѣне* было образовано под влиянием латинской модели на *-ani* по образцу слова *Romani* в смешанной романо-(пра)славянской языковой среде.

Из всего вышесказанного следует, что имя «славян» родилось в дунайских провинциях Римской империи в эпоху «кризиса III в.» в качестве самоназвание местного провинциального населения изъяснявшегося на общепонятном языке, в основу которого лег подвергшиеся сильнейшему влиянию лагерной латыни праславянская *Pannonica lingua*. В VI-VIII вв. имя дунайских «славян» и особенности их «племенного» языка распространились на периферийное праславянское население к северу от Карпат (венедов I-III и антов IV-VI вв.) и стало родовым самоназванием всех говорящих по-славянски.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова 1995 - *Акимова О.А.* Этническое и культурное самосознание хорватов в XV веке // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 138-156.

Аммиан Марцеллин 1994 - *Аммиан Марцеллин.* Римская история. СПб., 1994.

Аникин, Иванов 2014 - *Аникин А.Е., Иванов С.А.* Антская проблема как предмет этимологии и этноистории (возражение М.В. Грацианскому) // Византийский Временник. 2014. Т. 73 (98). С. 251-263.

Банников 2013 - *Банников А.В.* Эволюция римской военной системы в I-III вв. От Августа до Диоклетиана. СПб., 2013.

Война с готами 1950 - *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.

Гавритухин 2009 - *Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 7-25.

Германия 1969 - *Тацит Корнелий Публий.* Сочинения. Т. 2. М., 1969.

Геродиан 1996 - *Геродиан.* История императорской власти после Марка. М., 1996.

Гетика 1997 - *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.

Гиндин 1981 - *Гиндин Л.А.* К характеру славянизации карпато-балканского пространства // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 52-95.

Иванов 1989 - *Иванов В.В.* Латынь и славянские языки: проблемы взаимодействия // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 25-33.

Константин Багрянородный 1991 - *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.

Куркина 1993 - *Куркина Л.В.* Паннонославянская языковая общность в свете диалектных отношений праславянского языка // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 36-45.

Мачинский 1981 - *Мачинский Д.А.* Миграция славян в I тыс. н.э. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 31-52.

Мачинский 2012 - *Мачинский Д.А.* О прародине славян в I-V вв. и об этносоциуме русь/rōs в IX в. // Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. СПб., 2012. С. 25-127, 134-165.

Никонов 1970 - *Никонов В.А.* Этнонимия // Этнонимы: Сборник. М., 1970. С. 5-33.

Петрухин 1996 - *Петрухин В.Я.* «Дунайская прародина» и расселение славян // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 371-383.

Повесть 1950 - Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л., 1950.

Порциг 2003 - *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 2003.

Русанова 1976 - *Русанова И.П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.

Свод 1994-1995 - Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I (I-VI вв.); 1995. Т. II: (VII-IX вв.).

Седов 1979 - *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов 2002 - *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Скржинская 1957 - *Скржинская Е.Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (Из комментария к Иордану) // Византийский Временник. 1957. Т. 12. С. 3-30.

Смирнов 1989 - *Смирнов Л.Н.* Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 245-255.

Тохтасьев 1998 - *Тохтасьев С.Р.* Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания. Ч. 2. Славянские языки. СПб., 1998. С. 29-57.

Третьяков 1982 - *Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. Л., 1982.

Трубачев 2003 - *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003.

Фасмер 1986-1987 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV / Перевод с немецкого О.Н. Трубачева, с дополнениями. М., 1986-1987.

Хелимский 1988 - *Хелимский Е.А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988. С. 347-368.

Шкунаев 1989 - *Шкунаев С.В.* Община и общество западных кельтов. М., 1989.

Шрамм 1997 - *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.

Шушарин 1997 - *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997.

Щукин 1997 - *Щукин М.Б.* Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 110-147.

ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.

Kazanski 1999 - *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (Ier – VIIe siècle après J.-C.). Paris, 1999.

Praistoria 1987 - Praistoria Jugoslovenskih zemalja. I-V. Sarajevo, 1987.

Shevelov 1964 - *Shevelov George Y.* A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.

Simone 1984 - *Carlo di Simone.* Celtico Nemeto- "Bosco Sacro" ed i suoi derivati onomastici // Tübinger Beiträge zur Linguistik. 230. Tübingen, 1984. S. 349-353.

REFERENCES

Akimova 1995 - *Akimova O.A.* Etnicheskoye i kul'turnoye samosoznaniye khorvatov v XV veke [Ethnic and cultural self-consciousness of the Croats in the 15th century], in: Etnicheskoye samosoznaniye slavyan v XV stoletii [Ethnic identity of the Slavs in the 15th century], Moscow, 1995, pp. 138-156 [in Russian].

Ammianus Marcellinus 1994 - *Ammian Martsellin.* Rimskaya istoriy [Roman history], St. Petersburg, 1994 [in Russian].

Anikin, Ivanov 2014 - *Anikin A.E., Ivanov S.A.* Antskaya problema kak predmet etimologii i etnoistorii (vozrazheniye M.V. Gratsianskomu) [Ants' problem as an object of etymology and ethnohistory (objection to M.V. Gratsiansky)], in: Vizantiyskiy Vremennik [Byzantine Provisional], 2014, Vol. 73 (98), pp. 251-26 [in Russian].

Bannikov 2013 - *Bannikov A.V.* Evolyutsiya rimskoy voyennoy sistemy v I-III vv. Ot Avgusta do Diokletiana [The evolution of the Roman military system in the I-III centuries. From Augustus to Diocletian], St. Petersburg, 2013 [in Russian].

ESSYA - Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages. The common Slavic lexical fund] [in Russian].

Fasmer 1986-1987 - *Fasmer M.* Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. I-IV. Perevod s nemetskogo O.N. Trubacheva, s dopolneniyami [Etymological dictionary of the Russian language. T. I-IV. Translation from the German O. Trubachev, with additions], Moscow, 1986-1987 [in Russian].

Gavritukhin 2009 - *Gavritukhin I.O.* Ponyatiye prazhskoy kul'tury [The notion of Prague culture], in: Slozheniye russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta [Origin of Russian statehood in the context of the early medieval history of the Old World], St. Petersburg, 2009, pp. 7-25 [in Russian].

Germaniya 1969 - *Tatsit Korneliy.* Sochineniya [Tacitus Cornelius. Compositions], T. 2, Moscow, 1969 [in Russian].

Gerodian 1996 - *Gerodian* Istoriya imperatorskoy vlasti posle Marka [The history of the imperial power after Mark], Moscow, 1996 [in Russian].

Getika 1997 - *Iordan* O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov [On the origin and deeds of the Gets], St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Gindin 1981 - *Gindin L.A.* K kharakteru slavyanizatsii karpato-balkanskogo prostranstva [To the character of Slavization of the Carpatho-Balkan space], in: Formirovaniye rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey [Formation of early feudal Slavic nationalities], Moscow, 1981, pp. 52-95 [in Russian].

Ivanov 1989 - *Ivanov V.V.* Latyn' i slavyanskiye yazyki: problemy vzaimodeystviya [Latin and Slavic languages: problems of interaction], in: Razvitiye etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu zrelogo feodalizma [Development of ethnic self-awareness of the Slavic peoples in the era of mature feudalism], Moscow, 1989, pp. 25-33 [in Russian].

Kazanski 1999 - *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (Ier – VIIe siècle après J.-C.) [Origin of Slavs (I-VII centuries)], Paris, 1999 [in French].

Khelimskiy 1988 - *Khelimskiy Ye.A.* Vengerskiy yazyk kak istochnik dlya praslavyanskoy rekonstruktsii i rekonstruktsii slavyanskogo yazyka Pannonii [The Hungarian language as a source for the Slavonic reconstruction and reconstruction of the Slavonic language of Pannonia], in: Slavyanskoye yazykoznaniye. X Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov [Slavic linguistics. X International Congress of Slavists], Moscow, 1988, pp. 347-368 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodnyy 1991 - *Konstantin Bagryanorodnyy.* Ob upravlenii imperiyey [On the management of the empire], Moscow, 1991 [in Russian].

Kurkina 1993 - *Kurkina L.V.* Pannonoslavyanskaya yazykovaya obshchnost' v svete dialektnykh otnosheniy praslavyanskogo yazyka [Pannon-Slavic linguistic community in the light of dialect relations of the Proto-Slavic language], in: Slavyanskoye yazykoznaniye. XI Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov [Slavic linguistics. XI International Congress of Slavicists], Moscow, 1993, pp. 36-45 [in Russian].

Machinskiy 1981 - *Machinskiy D.A.* Migratsiya slavyan v I tys. n.e. [Migration of the Slavs in the 1st millennium AD], in: Formirovaniye rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey [Formation of the early feudal Slavic nationalities], Moscow, 1981, pp. 31-52 [in Russian].

Machinskiy 2012 - *Machinskiy D.A.* O prarodine slavyan v I-V vv. i ob etnosotsiume rus'/rōs v IX v. [About the ancestral home of the Slavs in the I-V centuries. and on the ethnosocium Rus/rōs in the IX century], in: Istoki slavyanstva i Rusi: sbornik statey po materialam X chteniy pamyati Anny Machinskoy [The origins of Slavdom and Russia: a collection of articles on the materials of X readings of the memory of Anna Machinskaya], St. Petersburg, 2012, pp. 25-127, 134-165 [in Russian].

Nikonov 1970 - *Nikonov V.A.* Etnonimiya [Ethnonymy], in: Etnonimy: Sbornik [Ethnonyms: Collection], Moscow, 1970, pp. 5-33 [in Russian].

Petrukhin 1996 - *Petrukhin V.Ya.* «Dunayskaya prarodina» i rasseleniye slavyan [«The Danube proroda» and the settlement of the Slavs], in: Kontsept dvizheniya v yazyke i kul'ture [Concept of movement in language and culture], Moscow, 1996, pp. 371-383 [in Russian].

Portsig 2003 - *Portsig V.* Chleneniye indoyevropeyskoy yazykovoy oblasti [Division of the Indo-European language area], Moscow, 2003 [in Russian].

Povest' 1950 - Povest' vremennykh let. Ch. 1. Tekst i perevod [Tale of Bygone Years. Part 1. Text and translation], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Praistoria - Praistoria Jugoslovenskih zemalja. I-V [Preistoriya of South Slavic lands. 1-5th centuries], Sarajevo, 1987 [in Croatian].

Rusanova 1976 - *Rusanova I.P.* Slavyanskiye drevnosti VI-VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa [Slavic antiquities of the VI-VII centuries. Culture of the Prague type], Moscow, 1976 [in Russian].

Sedov 1979 - *Sedov V.V.* Proiskhozhdeniye i rannyaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs], Moscow, 1979 [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, 2002 [in Russian].

Shchukin 1997 - *Shchukin M.B.* Rozhdeniye slavyan [Birth of the Slavs], in: Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoy indoyevropeyskoy istorii [Stratum: structures and catastrophes. A collection of symbolic Indo-European history], St. Petersburg, 1997, pp. 110-147 [in Russian].

Shevelov 1964 - *Shevelov George Y.* A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic, Heidelberg, 1964 [in English].

Shkunayev 1989 - *Shkunayev S.V.* Obshchina i obshchestvo zapadnykh kel'tov [Community and society of the western Celts], Moscow, 1989 [in Russian].

Shramm 1997 - *Shramm G.* Reki Severnogo Prichernomor'ya: istoriko-filologicheskoye issledovaniye ikh nazvaniy v rannikh vekakh [Rivers of the Northern Black Sea Region: a historical and philological study of their names in the early centuries], Moscow, 1997 [in Russian].

Shusharin 1997 - *Shusharin V.P.* Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya [The early stage of the ethnic history of Hungarians. Problems of ethnic self-awareness], Moscow, 1997 [in Russian].

Simone 1984 - *Carlo di Simone.* Celtico Nemeto- "Bosco Sacro" ed i suoi derivati onomastici [Celtic-German onomastichesky derivatives], in: Tübinger Beiträge zur Linguistik [Tuebingen linguistic magazine], 230, Tübingen, 1984, pp. 349-353 [in Italian].

Skrzhinskaya 1957 - *Skrzhinskaya E.Ch.* O sklavenakh i antakh, o Mursianskom ozere i gorode Noviyetune. (Iz kommentariya k Iordanu) [About *sclavenes* and *antes*, the Murcian lake and the town of Novietun. (From a commentary to the Jordan)], in: Vizantiyskiy Vremennik [Byzantine Provisional], 1957, T. 12, pp. 3-30 [in Russian].

Smirnov 1989 - *Smirnov L.N.* Etnicheskoye samosoznaniye slovakov v svete lingvisticheskikh dannykh [Ethnic self-consciousness of Slovaks in the light of linguistic data], in: Razvitiye etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu zrelogo feodalizma [Development of ethnic self-awareness of the Slavic peoples in the era of mature feudalism], Moscow, 1989, pp. 245-255 [in Russian].

Svod 1994-1995 - Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh [The Code of the oldest written news about the Slavs], Moscow, 1994, T. I (I-VI centuries); 1995, T. II (VII-IX centuries) [in Russian].

Tokhtas'yev 1998 - *Tokhtas'yev S.R.* Drevneyshiye svidetel'stva slavyanskogo yazyka na Balkanakh [The oldest evidence of the Slavonic language in the Balkans], in: Osnovy balkanskogo yazykoznaniya. CH. 2. Slavyanskiye yazyki [Fundamentals of Balkan linguistics. Part 2. Slavic languages], St. Petersburg, 1998, pp. 29-57 [in Russian].

Tret'yakov 1982 - *Tret'yakov P.N.* Po sledam drevnikh slavyanskikh plemen [In the footsteps of the ancient Slavic tribes], Leningrad, 1982 [in Russian].

Trubachev 2003 - *Trubachev O.N.* Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskiye issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research], Moscow, 2003 [in Russian].

Voyna s gotami 1950 - *Prokopiy Kesariyskiy.* Voyna s gotami [War with the Goths], Moscow, 1950 [in Russian].

Назин Сергей Владимирович – Учитель истории
средней общеобразовательной школы № 2000 (Москва, Россия).
Sergey Nazin – Teacher of history of School № 2000 (Moscow, Russia).
E-mail: sergnasin@yandex.ru

УДК 94 (47)

ТРУДЫ Н.Ф. КАПТЕРЕВА О ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ МОСКОВСКОЙ РУСИ И ВОПРОС О ВВЕДЕНИИ ПАТРИАРШЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Д.В. Гусев
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: rascol@bk.ru
Researcher ID: C-6421-2016
http://orcid.org/0000-0002-1011-7072
SPIN-код: 5852-3547

Авторское резюме

На рубеже XIX-XX веков в русской церковно-общественной мысли набирает силы идея о восстановлении патриаршества в Российской Империи. Особенный всплеск данной проблемы приходится на начало XX века, а именно 1905-1907 гг. Для Н.Ф. Каптерева, как глубокого исследователя, ни одно политическое действие не представлялось однозначным. Исследователь считал, что не стоит подходить тем более к вопросам церковной политики формально, даже если это кажется правильным и традиционным на первый взгляд, а всегда нужно смотреть на проблему исторически, и анализировать весь путь, указывая, почему то или иное явление возникло, как оно развивалось и перед чем мы стоим сейчас? Изжило ли себя окончательно или в нем есть еще смысл? В этом отношении опыт Н.Ф. Каптерева в анализе современной ему ситуации может быть примером и для нашей действительности, а также образцом стойкости, мужества и независимости мысли, за которые ученый страдал всю свою жизнь.

Ключевые слова: Н.Ф. Каптерев, Московская Русь, церковно-государственные отношения, Патриаршество, Российская империя, историография.

N.F. KAPTEREV'S WORKS ON THE CHURCH-STATE RELATIONS IN MUSCOVY AND ON THE ISSUE OF RESTORING THE PATRIARCHATE IN THE RUSSIAN EMPIRE

Dmitry Gusev
Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: rascol@bk.ru

Abstract

At the end of the 19th century, the idea of restoring the patriarchate in the Russian Empire gained prominence in the Russian church and social thought. A particular surge of attention to this problem occurred at the beginning of the 20th century, namely in 1905-1907. To N.F. Kapterev, a thorough researcher,

not a single political action seemed unambiguous. The researcher believed that issues of church politics should not be approached formally, even if it seems right and traditional at the first glance; one should always look at the roots and sources of a problem and analyze all of its history, asking how a particular phenomenon arose, developed and what it evolved into now, whether it has completely exhausted itself or there is still meaning in it. In this respect, N.F. Kapterev's analysis of then-current situation can be an example for modern intellectuals, and the scholar himself can serve as a model of perseverance, courage and independent thinking, for which the scientist had suffered all his life.

Keywords: N.F. Kapterev, Muscovy, church-state relations, Patriarchate, Russian Empire, historiography.

* * *

На рубеже XIX-XX веков в русской церковно-общественной мысли набирает силы идея о восстановлении патриаршества в Российской Империи. Особенный всплеск данной проблемы приходится на начало XX века, а именно 1905-1907 гг. Внешне это выражалось, прежде всего, в докладах высокопоставленных лиц Государю, затем обсуждении на самом высоком уровне способы её реализации. Николай II не был противником учреждения в Москве патриаршего престола, однако, учитывая непростую обстановку в стране, вызванную народными волнениями и прошедшую революцию 1905 года, счел неблаговременным решение такого важного вопроса и отложил его. Время само себя определило: не прошло и двадцати лет, как новое правительство, отделив Церковь от Государства, способствовало как можно более быстрой организации выбора патриарха. Таким образом, совпали два очень важных исторических события: Империя теряет императора, а Церковь возвращает патриарха. Оба эти события характеризуются длительной внутренней подготовкой, и если падение монархии обуславливалось скрытыми социально-политическими процессами, то восстановление патриарха – целенаправленное действие общественной мысли.

Уже к началу XX века стало ясно, что структура русской Церкви находится в некотором критическом состоянии. Мы имеем замечательный документ, созданный при содействии С.Ю. Витте, напечатанный и разосланный им членам Комитета Министров (Витте 2002: 519-520). Это записка «О современном положении Православной Церкви» (Слово 1905). Обозначим некоторые ключевые положения данной записки.

Прежде всего, автор обращает свое внимание на глубокий упадок церковной жизни. Выражается он, как отмечается, в *«отчуждении прихода и особенно образованных слоев общества от своих духовных руководителей»* (Слово 1905). Причиной такого состояния автор считает все более усиливающуюся формализацию пастырской деятельности духовенства, а первопричиной, зародившей такую формализацию – петровские реформы церковного управления. Именно в них заложено то семя, из которого и выросло большинство современных проблем русской Церкви.

По С.Ю. Витте главная и самая здоровая основа, на которой должно зиждиться все устройство Церкви – принцип соборности. В управлении Церковью

участвует вся община через своих представителей, а патриарх – не единоличный управитель, а только председатель существовавшего возле него собора.

В реформах Петра I соборность была подменена коллегиальностью. Коренное различие между ними состоит в том, что в первом случае имеет место представительство от каждой епархии, а во втором – Церковь превращается в «систему внутренней бюрократической организации», так как члены Синода назначаются правительством. Таким образом, в Церкви живое общение стало постепенно заменяться канцелярским, что пагубным образом отразилось и на взаимоотношении с обществом. Единственный выход в сложившейся ситуации, по мысли автора – только *«возврат к прежним каноническим формам церковного управления»* (Слово 1905).

Что же они представляли собой? Записка Витте так характеризует эти формы. Древнерусская община ранее была самостоятельной определяющей единицей. И строительство храма, и выборы священника с притчем, школы, благотворительных учреждений – все это организовывала община. Она же и следила за моральным уровнем своих членов. Постепенно, с ростом на Руси крепостного права и усилением государственной централизации стал ослабевать и общинный уклад. Соответственно, ухудшилось и материальное положение духовенства, т.к. раньше ранее приход обеспечивался общиной.

Выход из сложившейся ситуации может быть в восстановлении самоуправления церковной общины, наделив её правом выбора притча. Затем, необходимо улучшить функционирование духовных школ, лишить их сословного характера, повысить образовательный уровень, чтобы будущие священники хорошо знали светскую жизнь и владели общественными науками, иначе архаичный язык, на котором они говорят, не будет иметь отзвука в обществе. И наконец, необходим созыв Поместного собора, который уже не собирался более двухсот лет. На нем непременно должны быть представительства от белого духовенства и мирян, рассмотрены вопросы об изменении церковной жизни, освобождении от бюрократизации и возврат к допетровским традициям старины.

В записки напрямую подводилась платформа под идею о выборе патриарха.

Вызвав широкий общественный резонанс, эта записка в собственно церковных кругах была воспринята неоднозначно. Из Воспоминаний С.Ю. Витте нам известно, что К.П. Победоносцев отнесся к этим предложениям негативно, переведя обсуждаемый вопрос из Комитата Министров в Священный Синод (Витте 2002: 520).

Однако нам интересна реакция еще одного человека, а именно, профессора Московской Духовной Академии, Н.Ф. Каптерева. Ученый специализировался как раз на церковно-политических отношениях в Московской Руси, к тому же, занимался и общественной деятельностью (см. биографический очерк: Голубцов 2003). Его мнение в ученых академических кругах было очень авторитетно и всегда отличалось смелостью и независимостью.

В апреле 1905 года Николай Федорович выпускает в свет статью «Власть патриаршая и архиерейская в Древней Руси в их отношении к власти царской и

приходскому духовенству» (Каптерев 1905: 657-690; 1905а: 27-64). Эта статья напечатана в Богословском вестнике за апрель и май 1905 года и как нельзя лучше показывает, под каким углом Каптерев рассматривал взаимоотношения светской и церковной власти. Причину, побудившую Каптерева взяться за такое сочинение, сам автор объясняет так:

«Среди других вопросов, интересующих в настоящее время русское общество, невольно выдвигается и вопрос о положении русской церкви, о той роли, какая бы ей должна принадлежать в строе и направлении нашей жизни» (Каптерев 1905: 657).

Далее автор раскрывает это:

«Такое отношение пастырства к явлениям текущей жизни, его сознательное уклонение от деятельной живой роли в ней, обыкновенно объясняется многим тем, что русская церковь не есть самостоятельное саморазделяющее учреждение, а только одно из ведомств государственной машины… Русская церковь, говорят, несвободна, она придавлена светским чиновничеством, не может сделать ни одного самостоятельного шага, а потому и не может проявить себя в общественной жизни как творческая умиротворяющая сила, авторитетно и энергично приводящая в жизнь свои зиждительные начала, … многие задумывались над этим печальным угнетенным положением нашей церкви… Говорят, что нужно у нас восстановить уничтоженное Петром патриаршество, когда-де церковь наша была независима от светской власти, когда она, управлялась своим главою-патриархом, могла оказывать и действительно оказывала в нужных случаях могущественное влияние на всю общественную и самую государственную жизнь, и когда сама светская высшая власть слушала её советы, принимала во внимание её указания и свои важнейшие постановления приводила в исполнение не иначе, как по её благословлению, почему-де ни одно крупное и заметное явление в общественной и государственной жизни не происходило тогда помимо ведома и благословления главы церкви – патриарха. Сделаем небольшую историческую справку для уяснения того, чем в древней Руси патриаршество было в действительности, в каком отношении оно находилось к царской власти и пр., чтобы видеть, можно ли восстановление у нас патриаршества в том виде, как оно существовало в древней Руси, считать такою мерою, которая действительно даст нашей церкви независимость от светской власти, откроет просторный и широкий путь для мощного её воздействия на всю нашу общественную жизнь» (Каптерев 1905: 657-658).

В этой цитате ключ понимания Каптеревым смысла и задач, которые предстоит решить, и прежде чем общественности и правительству предстоит взяться за коренные реформы в сфере церковного управления. Сам Каптерев, как это не странно для духовного историка, вовсе не так однозначно относился к идее о восстановлении патриаршества, и даже более того, был скорее противником её. К таким мыслям привели его научные изыскания, каким он видел церковно-государственные отношения и патриаршество, в частности, в древности и до синодальной реформы, и какими в последствие. В этой работе он их прослеживает и анализирует, поэтому она нам наиболее интересна и важна, и мы остановимся на ней подробнее. Сама статья состоит их двух частей и напечатана, соответственно, в

двух номерах Богословского вестника, четвертом и пятом за 1905 год. Итак, как автор видит развитие церковной власти на Руси?

В удельно-вечевой период русской истории, то есть с самого принятия христианства в X веке, митрополиты не были зависимы от светских властей. И это понятно: сами он были греки и подчинялись непосредственно Константинопольскому патриарху, который их и ставил, а, в случае чего, судил. Русские же князья имели право только жаловаться на них в Константинополь. При таком положении митрополиты могли твердо и смело проводить в государство церковно-христианские начала, обличать и мирить князей.

Во времена политичской раздробленности власть митрополита возрастает – теперь она простирается над всей Русью, то есть становится гораздо значительнее и влиятельнее власти князей, которые правят лишь в своих землях. Но есть здесь одно обстоятельство. Митрополиты, при таком положении не использовали всей своей силы, потому что были чужеземцы, к русской жизни относились достаточно равнодушно, да и к тому же греки, по понятным причинам, отправляли на Русь далеко не лучших кандидатов. И идеалы церковно-государственного строя, поэтому вырабатывались не на русской почве, а привозились из-за моря, уже готовыми и сформированными.

Однако со временем происходит усиление власти московских князей, и князья начинают притягивать к себе митрополитов и больше начинают настаивать, чтобы те избирались из русских, и таким образом приходит начало тесному союзу духовной и светской власти в лице митрополита. Великий князь подавлял удельные княжества, становясь главою московского царства. С усилением московского царства, поменялось отношение к митрополитам – они стали назначаться не только из русских, но и ставиться самим князем в Москве, причем еще независимо от Константинополя. Все это говорит о том, что общественное положение митрополита к светской власти коренным образом поменялось. Митрополит стал ее поданным. Князь уже в любой момент мог поменять неугодного митрополита. Некого стало ему мирить, митрополит мог только «печаловаться» перед царем за опальных и обиженных, да и то всё реже и реже. Народ же практически никак не реагировал на такое падение самостоятельности митрополита, поскольку тот никогда не был народным избранником. И в именно таких отношениях находилась светская и духовная власть, когда было учреждено патриаршество. В то время Московское государство было признано наследницей Византии, но византийская традиция требовала, чтобы рядом с царём находился и патриарх, а, следовательно, и Москва с этой стороны не должна была уступать Византии.

В 1586 году за милостынею в Москву прибыл антиохийский патриарх Иоаким. Царь Федор Иоанович попросил довести мысль об учреждении патриаршества в России до других восточных патриархов. Здесь очень важной вещью является то, отмечает Каптерев, что мысль о патриаршестве высказалась царём не собору архиереев, а боярам, и переговоры вел не какой-нибудь иерарх, а Борис Годунов.

Через два года прибыл за милостынею сам константинопольский патриарх Иеремея, и царь решает воспользоваться этим событием, чтобы поставить своего патриарха. Но Иеремея сам захотел стать патриархом в Москве. На это ему ответили, что если он хочет остаться, то пусть едет на древний престол во Владимире, ибо в Москве уже есть митрополит, на что Иеремея отказался. Тогда русские заявили, что если он сам не хочет, то пусть поставит патриарха. По велению царя патриархом поставили Иова. И опять же, учреждение патриаршества велось исключительно светской властью, без участия духовных лиц, и только в самом конце был собран Собор, который заявил, что во всём полагается на волю благочестивого государя. И тут Каптерев приходит к следующему, очень важному для нас выводу. Принятие патриаршества не было вызвано особыми, настоятельными причинами, лежавшими во внутреннем строе общественной жизни, а оно было явлением чисто внешним, не затрагивающим внутренних основ церкви, только украшением, а значит, отношения между светской и церковной властью не изменились, патриарх всецело зависел от государя, что и доказывают последующие события.

После смерти Бориса Годунова патриарх с собором присягнули сыну Бориса – Федору. Но он был убит, а Лжедмитрий провозгласил себя царем, разграбил, избил патриарха и отравил его в Старицу. Собор же венчал Лжедмитрия и законно признал привезенного им из Греции нового патриарха Игнатия. Никто не выступил против этого. После низложения Шуйского образовалась боярская партия, которая низложила Гермогена тоже. На его место был возвращен Игнатий, но он через несколько месяцев бежал в Литву. Кафедра пустовала в течение семи лет, после чего был избран Филарет Никитич. То есть мы видим, что патриархи избирались и низвергались исключительно светской властью в своих интересах, а собор особо не протестовал, да и народ тоже.

При Филарете патриаршая власть укрепляется, он независимо управляет церковью, государственными делами и носит титул великого государя наравне с царем. Причина этого – он сам был отцом государя, и тот его слушался. Но в общем, патриархи продолжали быть зависимыми. Следующие за ними, Иоасаф и Иосиф, являлись ставленниками государя, даже не думавшими о какой-либо церковной независимости. Второе после Филарета исключение – патриарх Никон. Это фигура особенная. Никон приобрел сильное влияние на царя и сделался полным господином всех церковных дел. Царь сделал Никона вторым Великим Государем, и Никон стал принимать участие и во всех государственных делах. Никон думал, что такая власть принадлежит ему по праву, но реальной почвы под этим не было, данное положение обуславливалось лишь капризом царя.

После разрыва с Алексеем Михайловичем Никон сразу пал. В последствие он писал и доказывал, что священство выше царства, но на тот момент его идеи не нашли поддержки. Только с течением времени духовенство стало прислушиваться к Никону, и даже многие архиереи в этом вопросе встали на сторону Никона и официально это выразили на Соборе 1667 года.

Светской же власти необходимо было противопоставить мнению Никона воззрения не признающие церковной власти над государственной. Лучше всего они могли быть заявлены тоже духовными властями, только более авторитетными, чем сам Никон. Нетрудно догадаться, о чем идет речь. Конечно же, светское правительство сделало запрос на восток. И, естественно, ответы восточных патриархов были противоположны воззрениям Никона.

«*Таким образом*, – заключает Каптерев, – *восточные патриархи … признали, что царская власть выше духовной, так как царь есть наместник Божий на земле, что патриарх наравне со всеми другими поданными обязан царю безусловным во всем повиновением, что всякое повеление, идущее от царя, будет ли то словесное или письменное, «закон есть» и потому вполне обязательно для патриарха, который должен «подлагать себя под суд царский», и наравне с другими подданными, нести кару за всякое противление царским повелениям*» (Каптерев 1905: 679). И, тем не менее, многие русские архиереи, мечтавшие освободиться от светской власти, были недовольны ответами с востока и решили снова поднять этот вопрос.

На соборе 1667 года были острейшие прения, никто не мог доказать свою правоту. Наконец, избрали средний путь, а именно: царь имеет преимущество в делах гражданских, патриарх – в делах церковных, сохраняя, таким образом целою и непоколебимою вовеки стройность церковного учреждения. И все согласились. Но, вопрос об отношении царской и патриаршей власти не вошел ни в какие официальные документы, не был закреплен подписями, не получил официального значения, а потому, фактически, положение патриарха оставалось прежним, т.е. в полной зависимости от царя.

Уже Алексей Михайлович мог без труда устранить патриаршество, но он хотел быть царем по примеру древних греческих царей, поэтому и избрал безличного Иоасафа. Петр же не считал Византию образцом для подражания, а потому окончательно упразднил патриарха. «*Очевидно, наше патриаршество, созданное исключительно светскою властию по политическим чисто мотивам, в свое столетнее существование не пустило никаких прочных в народной жизни корней, не имело с нею никакой живой, органической связи, и потому, как возникло, так и умерло, только по хотению светской верховной власти, почти совсем не оставив никаких серьезных следов даже в строе и характере самой нашей церковной жизни*» (Каптерев 1905: 683).

Еще с XV века, если не ранее у нас был развит институт светских архиерейских чиновников, «*избиравшихся из целых родов служилых людей, которые жили при архиерейском доме, имели в своем пользовании архиерейские земли и несли при архиерее разные службы, от которых они и кормились*» (Каптерев 1905: 683). Большинством архиерейских приказов ведали светские церковники. Из них самыми важными и влиятельными в церковном управлении были: бояре, дворецкие и дьяки. Через бояр к архиереям поступали все дела, включая духовные, бояре их рассматривали и подготавливали. Дворецкие заведовали всем домом и хозяйством, плюс им были подчинены все служивые люди: дети боярские, должностные лица, деловая

прислуга, ремесленники, рабочие и т.д. Помимо этого они управляли всеми архиерейскими землями, а ещё имели право суда над всеми лицами, жившими на архиерейских землях. Что касается дьяков, то это *«люди совершенно необходимые во всяком деле, требующем знания законов, старины, письменного канцелярского искусства, без подписи которых ни одна бумага не могла получить официального характера, и без деятельного, и часть руководящего участка которых не делалось ни одно сколько-нибудь важное дело»* (Каптерев 1905: 685). Проще говоря, бояре, дворецкие, дьяки ведали всем архиерейским управлением. А Стоглавый Собор вообще постановил, что архиерей без одобрения царя ни ставить, ни увольнять их не может.

Вот постепенно и становится ясным, что представляла собой церковная власть в древности, и Каптерев приходит к мысли о том, а надо ли возрождать, что было раньше? *«Говорить ... что патриархи в древней Руси были независимы от светской власти, что они, как верховные представители церкви, пользовались полною свободою и самостоятельностью, и руководись в своей деятельности только церковными началами и нормами, решительно невозможно. Церковная власть и в патриарший период древней Руси находилась в такой же зависимости светской власти, в какой она находилась и в последующий синодальный период; с уничтожением патриаршества и с учреждением св. Синода никаких существенных перемен в этом отношении не произошло: взаимные отношения между светскою и духовною властию остались те же, какие были и ранее. И напрасно некоторые наши писатели винят императора Петра Великого в том, что он, уничтожив патриаршество и учредив св. Синод, тем самым будто бы лишил русскую церковь ее былой самостоятельности и независимости, сделав ее только послушным орудием светской власти. Ничего подобного в действительности не было. Послушным орудием в руках светской власти духовная власть была с того самого времени, когда на Москве выросла и вполне окрепла власть сначала великого князя, а потом царя московского»* (Каптерев 1905: 687-688).

Но вместе с тем, в патриарший период патриархи оказывали гораздо большее влияние на нашу общественную жизнь, чем представители церкви в синодальный период. *«В лице патриархов наша церковь пользовалась и со стороны светской власти большим вниманием и уважением, чем это было после учреждения св. Синода»* (Каптерев 1905: 688). Дело тут, по мнению Каптерева, в следующем: до Петра наши государи были *«завзятыми, искренними церковниками»*. Они воспитывались и обучались в традициях Православной Церкви и церковные дела имели для них доминирующее значение. После Петра дело изменилось. Цари стали воспитываться не так, сформировался иной круг воззрений, церковная жизнь отодвинулась на задний план. *«Это новое направление в нашей умственно-культурной жизни,* – отмечает Каптерев, – *начались с самых верхов, с течением времени стало захватывать все более широкие круги, вытесняя отовсюду былую Московскую церковность, которая, оставаясь прежнею и неизменную, но сумела удовлетворить новым народившимся религиозно-нравственным требованиям и запросам, а это естественно породило рознь между представителями нашей церкви, оставшимися в большинстве при прежней условной церковности, и более образованны слоем русского общества. Теперешняя рознь между*

интеллигенцию и церковностию, о чем так любят говорить многие витии в обличительном тоне для интеллигенции, явилось не со вчерашнего дня, а есть результат очень продолжительного и постепенного процесса, и эта печальная рознь не может быть уничтожена одним восстановлением старого патриаршества в прежнем виде, тут нужно для достижения цели, много и очень много потрудиться и самим представителям церкви и притом потрудиться над многим» (Каптерев 1905: 689-690). Такими словами заканчивается первая часть труда Каптерева.

Продолжение этой темы напечатано в следующем номере Богословского вестника. В нем Каптерев делает новые наблюдения, подтверждающие его взгляды. В частности, также говорит, что патриарха выбирали по велению царя, и выборы епархиальные архиереев зависели более от царя, чем от патриарха, приводит соответствующие примеры. И еще замечает о некоторых вещах, которые могут быть нам интересны, а именно; что русские архиереи никогда не имели собственной инициативы в решении дел даже церковных. Всё в готовом виде принималось от греков. Греческая церковь всегда жила собственною творческою жизнью, сама создавала законы, сама правила, вносила с течением времени церковные изменения, вызванные новыми условиями и потребностями.

Мы же не создавали, а только подражали, копировали готовое греческое. Этому способствовало то, что русская церковь долгое время была подчинены Константинопольскому патриарху, и митрополиты наши были греки. Но, с другой стороны, принятый строй мы воспринимали как нечто совершенное, не терпящее никаких изменений.

В период, когда митрополиты избираются только из русских, изменений не происходит, епископы по-прежнему пассивны и некнижны, в церковных делах желали опираться на сторонний авторитет. Им становится великий князь, затем царь. Он и решает главные церковные дела (такие как стоглавый собор, введение патриаршества) и воздействует на решение соборов (четвёртая женитьба Ивана Грозного, заставление Лжедмитрием избрать в патриархи Игнатия, помазание, а не перекрещивание Марины Мнишек и т.д.), назначает архиерейских чиновников, т.е. у наших царей церковное перемешивается с государственным, и четкой грани в этом нет, а потому и церковная власть как самостоятельная сила, независимая от государства, не могла существовать.

Единственные два случая, когда церковная власть распоряжалась всем самостоятельно – времена Филарета Никитича и Никона. Но здесь, по словам Каптерева, получается парадокс: «*По-видимому, наши архиереи должны бы были вполне сочувствовать такому положению дел, сердечно радоваться, что они освобождались от гнёта светской власти и были подчинены своему духовному главе, от которого только и зависели. В действительности, однако, этого не было, а было как раз обратное. Архиереи находили управление Филарета Никитича очень суровым, но особенно они недовольны были управлением Никона, которое казалось архиереям невыносимым, самоуправным и прямо тираническим*» (Каптерев 1905а: 43-44).

Объяснение этому Каптерев приводит далее: «*Очевидно, что архиереи XVII века не особенно хорошо чувствовали себя, когда патриархом был человек энергичный и властный, что они тяготились своею зависимостью и подчиненностью патриаршей власти, когда она стремилась проявить свою властительную и церковную мощь помимо собора и совета с другими иерархами, что они всегда готовы были против давления и самовластия патриарха, избираемого не им, а царем, прибегать на защиту и покровительство светской власти, в ней находит противовес незаконным, по их мнению, притязаниям патриархов на главенство между ними*» (Каптерев 1905а: 46).

Каптерев считает, что епархиальные архиереи и даже патриархи были избранниками светской власти, от которой зависели и которой руководствовались. Поэтому говорить о свободе и независимости епархиальных архиереев от светской власти в Московский период нельзя. Архиерей походил больше на государственного чиновника, чем на смиренного архипастыря.

В конце статьи Каптерев подводит итоги рассуждений и окончательно формирует взгляды на обе власти. Читаем: «*…древняя патриаршая Русь не может служить примером и образцом для современного лучшего церковного строительства … Словом наш московский патриарх был только внешним: декоративным украшением сколько церкви, столько же и государства, ничем органически не связанным ни с церковным строем ни тем более с народною жизнию… Восстанавливать такое патриаршество с таким же характером и условиями его деятельности, было бы, очевидно, большою ошибкою. … Точно также и епархиальные архиереи патриаршего периода были ставленниками только светской власти, от которой они всегда и во всём зависели: ни местное духовенство, ни паства, как бы следовало, в их выборе на кафедру не принимали никакого участия; … что касается приходского духовенства, его положения в патриарший период, то оно, как мы видели, было почти невозможно… И если для архиерея всё низшее епархиальное духовенство было тяглым, податным сословием, зато для паствы оно было её избранником, её единственным действительным учителем и руководителем в религиозно-нравственной и церковной жизни.*

В то же время нельзя оставаться и при современных существующих у нас церковных порядках, уже торжественно признанных несостоятельными, Призыв отовсюду теперь раздающийся, чтобы для обновления всей нашей церковной жизни и переустройства церковного управления, был созван прежде всего всероссийский «истинный» церковный собор, то есть собор, состоящий не из архиереев только и монахов, но и из белых священников, диаконов, а также и из мирян, словом, представителей всей церкви, а не какой-нибудь только отдельной её части, есть конечно самый верный путь к предстоящей в будущем творческой деятельности, а вместе с тем заключает в себе и самый серьезный залог ее плодотворности» (Каптерев 1905а: 46).

Как мы видим, несмотря на признание необходимости реформ церковного управления Каптерев настроен достаточно решительно против принятия патриаршества на современном этапе взаимоотношения Церкви с государством. В перспективе, избрания патриарха, в принципе, возможено, но предстоятель должен быть совершенно не такой, какие были раньше. Патриарх нужен совершенно иного

происхождения, иного характера, а его архипастырская деятельность должна быть поставлена в совершенно другие условия, но какие? На этот вопрос ответа не дается, автор указывает лишь, что над многим должно трудиться.

Данную тему церковного переустройства этой работой Каптерев не заканчивает. Через год в Московском еженедельнике издается статья «К вопросу о восстановлении у нас патриаршества (историческая справка)» (Каптерев 1906: 26-38). Эпиграфом к статье служат слова «Во мнозе совете спасения бывает». Обращаясь к читателям, автор говорит:

«Предсоборная комиссия, сейчас состоящая при св. Синоде, порешила учредить у нас патриаршество, наделившего будущего патриарха особыми правами чести и власти, чтобы выдвинуть его, по правам и преимуществам из ряда других русских епархиальных архиереев. В будущем патриархе думают найти основу для будущей самостоятельной русской церкви, опору и защиту её независимости от чрезмерного давления светской власти, мощный, богатый источник для развития в народе истинной церковности и подъёма в нём ослабевшего духа веры и благочестия. Патриаршество, проповедуют его горячие современные нам поклонники, есть будто бы тот истинный настоящий бальзам, который один только способен исцелить все давнишние язвы и раны нашей церковной жизни, и даже в жизни общественно-политической водворит мир, тишину, порядок и общее успокоение. Картина, конечно, заманчивая, но только… возможна ли этому она в действительности?» (Каптерев 1906: 26).

Далее Каптерев повторяет в принципе то, что было и в предыдущей работе, поэтому подробного содержания здесь мы приводить не будем. Для нас важны две вещи: Каптерев выступил не в научном сборнике, а в журнале для очень широкого числа читателей, и при этом, как видно из вступления, скептическая мысль по поводу принятия патриаршества только усилилась.

В том же 1906 году в свет вышла и еще одна работа, в которой затрагивались интересующие нас вопросы. Это «Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий» (Каптерев 1906а). В ней также говорится о том, что пробудившееся современное общественное самосознание устремило взоры на церковные порядки, видя их несовершенство, желает улучшения и т.д. Высшая же власть признала справедливость всех этих стремлений перестроить нашу церковную жизнь и хочет предоставить это сделать не Святейшему Синоду, не наспех собранному из одних епископов, собору, а настоящему будущему всероссийскому собору (Каптерев 1906а: 1-2). При этом переустройство церковного управления и церковной жизни должно совершиться на прочных канонических началах, которые должны быть соблюдены во всей своей полноте.

«Но здесь сейчас же встречаются и серьёзные затруднения, – говорит Каптерев. – *Древние каноны можно понимать и толковать очень различно, почему они даже в старой Византии имели нужду в особых толкованиях и передатчиках их применительно к пониманию и требованиям позднейшей жизни. Вполне естественно поэтому, что и наши современные канонисты расходятся между собою в понимании и толковании различных канонов и особенно в решении того, что нужно и можно по канонам и что нет, а это,*

конечно, сильно колеблет безусловное доверие к извлечению ими незыблемых канонических начал перестройки современного строя нашей церковной жизни» (Каптерев 1906а: 1-2).

Говоря о созыве собора, Каптерев предлагает снова окунуться в историю и посмотреть, какими были соборы в древности, чтобы избежать возможных ошибок в созыве нового всероссийского собора. Как мы можем догадаться, ничего духовного Каптерев в этих соборах не видел. Он опять говорит, что все они проходили с подачи и под контролем государства, все архиереи – не больше, чем простые орудия в руках царя. Конечно, попытки выступить единой силой у архиереев были, как, например, при Федоре Алексеевиче, но, в общем и целом, всё оставалось неудачным.

Вывод, естественно, тоже вполне ожидаемый: на протяжении XVI-XVII столетий вся соборность *«была очень своеобразная, малопохожая на истинную настоящую соборность. …такая соборность свидетельствовала не о подъеме общественной церковно-религиозной жизни, а только о старании и заботах светского правительства дать правильное и нормальное направление церковным делам. ... В лице Синода, этого постоянного церковного собора в миниатюре светское правительство приобретало такой орган, который с большим удобством и легкостью мог быть, и действительно был, постоянным надежным проводником государственных видов и целей в делах церковных, нежели какими были прежние церковные соборы, очень хлопотливо, медленно и редко собираемые. … с учреждением св. Синода церковные соборы, … окончательно прекратили своё существование, тем более, что созывавшие ранее соборы светское правительство со времени Петра – I-го, перестало интересоваться церковными вопросами с тем напряжением, с какими интересовались благочестивые московские государи, бывшие великими любителями, почитателями и знатоками всякой уставной церковности, чего уже нельзя сказать о государях петербургского периода. Конечно, теперь можно было бы от архиереев ожидать инициативы собрания соборов, но наши иерархи как до Петра были чиновниками, действовавшими по приказу и указке светского правительства, так такими же большею частью они остались и после Петра…»* (Каптерев 1906а: 120-121). А в этом заключении есть очень любопытная деталь, которая касается не архиереев, а как раз светского правительства. Архиереи, по мнению Каптерева, как были, так и остались подчиненными государству. Но само государство до Петра ставило церковные задачи на высший первоочередной уровень, оно было сильно воцерковлено, в то время как после Петра дела церковные отодвинулись на дальние планы. То есть получается, что раньше не церковь была благочестивее, а государство! Этот момент нам предоставляется весьма важным.

Следующая работа Каптерева на эту тему также весьма любопытна. Известный духовный писатель, И.В. Преображенский, служивший в канцелярии Священного Синода, собрал свод статей, посвященных ожидаемой церковной реформы, выходивших в разных периодических изданиях и издал их отдельным сборником (Преображенский 1905). Каптерев, изучив это издание, публикует ответную статью, которая называется «К вопросу церковной реформе» (Каптерев 1905б: 501-524). Он отмечает, что эта книга навела его на некоторые размышления. В ней указывается, что Преображенский использовал в своей книге перепечатки не

менее 60-ти статей, но только четыре из них духовные, а остальные – светские, да и то из этих 4-х духовных только в двух вопрос о церковной реформе разрабатывается систематически правильно. А перепечаток многочисленных епархиальных ведомостей вообще практически нет. Почему? Видимо, считает Каптерев, потому что Преображенский не нашел в них оригинального и соответствующего важности предмета материала. «*В действительности молчание духовенства, по самым живым и насущным для него вопросам, очень просто объясняется тем обстоятельством, что духовенству епархиальные архиереи за самыми ничтожными исключениями, запрещают свободно говорить и выражать свои истинные мнения, запрещают ему собираться для публичного совместного обсуждения церковных вопросов, запрещают публичное чтение по ним рефератов даже в столицах, грозят карой тем, кто бы из духовных осмелился обсуждать вопросы публично*» (Каптерев 1905б: 501-524).

Интересная мысль! Второй раз мы видим здесь противопоставление архиереев и приходского духовенства. То есть получается, что архиереи являются безвольным орудием государства, но тем не менее вместе с этим запрещают приходскому духовенству обсуждать публично церковные вопросы. Мало того, по мысли Каптерева, архиереи хотят церковную реформу решать только в кругу архиереев, даже без белого духовенства (Каптерев 1905б: 516). И далее Каптерев высказывает мнение об обер-прокуроре. Он говорит, что на власть обер-прокурора надо смотреть не только глазами архиереев, но и глазами приходского духовенства. А духовенство находится в полном бесконтрольном распоряжении епархиального архиерея.

«*Таким образом*, – заключает Каптерев, – *обер-прокурорская власть является, при современном строе и характере епархиального управления единственною уздою, еще несколько сдерживающею архиерейский произвол и усмотрение единственною, хотя очень далёкою и слабою, защитою для приходского духовенства от архиерейских неправд. Понятно поэтому, что уничтожение власти обер-прокурора Синода, при существующих епархиальных порядках и отношениях между архиереем и подведомственным ему духовенством, было бы для последнего очень большим несчастием, потерей и той последней, хотя бы и очень небольшой, защиты, какую оно сейчас все-таки иногда находит обер-прокуроре против произвола епархиальных архиереев*» (Каптерев 1905б: 516). Такое заключение может показаться странным для человека, который именно благодаря обер-прокурорской власти был лишен права печататься, и вынужден был написать целых три диссертации, чтобы получить степень доктора, как нам известно из биографии самого Каптерева (см.: Голубцов 2003).

Следующий блок материалов, который нам хотелось бы разобрать, находятся в архиве Каптерева в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН (СПФ АРАН, Ф.124 оп.1).

Там сохранились некоторые его записки, позволяющие узнать, какие вопросы, касающиеся церковно-государственных отношений его волновали (Как мы знаем, помимо научной деятельности Каптерев занимался еще и общественной: он был депутатом в Государственной Думы от партии прогрессистов) .В частности вот один любопытный документ: «Записки Н.Ф. Каптерева с историческими справками о

подчинении русской церкви светским властям в связи с отказом Синода признать право Гос. Думы на пересмотр законов, касающихся церковного ведомства» (СПФ АРАН Ф. 124 оп.1 ед.хр.24). Записка представляет собой характерный для Каптерева вид исторической справки. Объясняет он это так: *«Заявление представителей ведомства православного исповедания, что Гос. Дума не имеет права вмешиваться в церковную жизнь и законодательствовать в этой сфере, где единственным правомочным законодательствующим лицом является исключительно Св. Синод, по-моему мнению решительно несправедливо, так как это заявление ведомства противоречит всей нашей многовековой и современной нам исторической церковной действительности, с которой я поэтому и считаю нужным познакомить нашу комиссию»* (СПФ АРАН Ф.24 оп.1.ед.хр.24л№1). Полагаю, и нам было бы тоже весьма любопытноо с этим познакомиться.

Итак, Каптерев начинает с вопроса, что такое царь по представлениям старой Московской Руси? И отвечает на него словами видных церковных деятелей: *«Преп. Иосиф Волацкий о царях выражается так: «бози бо есте (цари) и сынове Вышнего. Вас бо (царей) Богъ въ себе место посади на престоле своем… Царь убо естеством подобен есть всем человеком, властию же подобен есть Вышнему Богу… Господь Бог устроил царя в свое место, и посадил на царский престол, суд и милость предаст ему, и церковное и монастырское, и всего православного государства и всея русские земли власть и попечение вручил ему». При венчании на царство Федора Иоановича (1584), митрополит между прочим говорил ему: «вас (царей) Господь Бог в себеместо избрал на земли, и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи у вас».*

Протопоп Иоанн Неронов пишет государю Ал М – чу (Алексею Михайловичу – Д.Г.) *от 27 февр.1654 года: «припадаю, молю твое благородие, о равноапостольне, послушати изволи в сокрушении сердца вопиющаго ти, государю, и яко богу по Бозе бози». Противник Никона Лазарь учит, что власть царя божественна, и что «якоже отстоит от земли, и солнце выше луны и большим светом есть: сице и царская божественная власть вышши и больши прочих властей». Инок Амвросий пишет г-рю Ал-М-чу: «вся тягота церковная ныне на твоей выи висит; а на властей ныне ни на которых нечево смотреть – времени служат, а наперед не озираются беднии пастухи». Церковные наши соборы тоже решительно проповедовали, что ведению царя подлежат все церковные дела и самые церковные соборы. В постановлениях собора 1660 года о царе говортся: «ему же (царю) свою церковь Господь преда, и закону ея поучатися день и нощь науки на устроения и возрождение сущим под рукою людем… Оному-царю, яко общему всех благу не точно о благочинии церковном тщатися… но и во общую спасаемых душ православных пользу, по благословной вине церковной, богоугодно священный собор созывати подобает»* (СПФ АРАН Ф.24 оп.1.ед.хр.24л№1). Из приведенных отрывков понятно, что московские государи видели себя наместниками Бога на земле, что они вправе контролировать всю деятельность на Земле, согласовывать её с божественными законами и постановлениями, ведь ответственность перед Богом несут прежде всего они, а не церковные иерархи. *«В виду указанного представления о себе наших московских государей,* – продолжает Каптерев, – *они всегда считали себя в праве, и помимо*

представителей церкви, предпринимать свои собственные меры к упорядочению, исправлению и улучшению религиозно-нравственной жизни народа в этом случае помимо всех церковных властей и учреждений, а иногда приказывая сделать известное распоряжение патриарху, о чем последний прямо говорит обыкновенно в своих грамотах» (СПФ АРАН Ф.24оп 1, ед. хр. 24 л №2). Таким образом получается, что все церковные соборы Московской Руси в XVI и XVII веках, по словам Каптерева, были одним из проявлений верховных забот наших благочестивых государей о Церкви и правильном течении всех церковных дел. И государь был главным инициатором соборов, он решал, собирать их или нет, назначал время, место, состав и количество участников, открывал сам эти соборы, утверждал соборные постановления, затем заботился о проведении их в жизнь.

«При этом, прежде чем собирать собор цари учреждали предсоборную комиссию, обыкновенно состоявшую из царского дьяка, боярина, думского дворянина и, вероятно, других служивых людей. Духовные лица в этих комиссиях встречаются редко. Эти предсоборные комиссии собирали и разрабатывали материал, который потом и вносился на рассмотрение и обсуждение собора, причем самом соборе по повелению г-ря (государя – Д.Г.) *образовывалась еще особая комиссия, которой государь указывал «Соборное дело ведать», и в состав которой входили два архиерея и мирская предсоборная комиссия именно преобладавшая над духовными лицами. Очевидно предметы и вопросы, какие должен был рассматривать и обсуждать собор, определялись не им, т.е. собором, а исключительно государем, который, вероятно, предварительно советовался обо всем с м-том* (митрополитом – Д.Г.), *а потом с п-хом* (патриархом – Д.Г.), *или со своим духовником, точно также царскими вопросами и предложениями создавались и те определенные рамки, только в пределах которых и могла двигаться вся соборная деятельность, не имевшая права переходить за установленные для неё царем границы, или вносить от себя что либо новое, чего не давалось и не предусматривалось в царских вопросах и предложениях»* (СПФ АРАН Ф.24оп 1, ед. хр. 24 л №2).

Как можно теперь заметить, этом небольшом отрывке московские соборы предстают перед нами в несколько другом свете: раньше они носили скорее негативный оттенок, Каптерев писал, что они не были духовны, а были лишь орудием светской власти. Теперь же получается, что царь – Божий помазанник, совершенно законно и правильно управляет соборами, и только он имеет право это делать, как только он же имеет право утверждать и, соответственно, отменять соборные постановления. Так, например, Грозный просил разрешения у собора на четвертый брак, и собор торжественно разрешил. Постановления церковного собора, шедшие против воли и желания царя, вменялись ни во что и собора как бы не существовало.

Далее Каптерев начинает рассматривать вопросы, вытекающие из заглавия статьи. Мы позволим себе привести еще несколько исключительно важных цитат. *«Но что особенно характерно и что имеет прямое отношение к нашим думским занятиям по церковным вопросам, это – что церковные соборные постановления получили силу закона и приводились в исполнение в некоторых случаях не иначе, как только после*

того, как они проходили через Боярскую Думу на рассмотрение и утверждение к-рой (которой – Д.Г.) *передавал их царь, прежде чем утвердить их окончательно.*

Вообще нужно признать, что Боярская дума в церковных делах играла более видную роль, нежели обыкновенно думают, так как она входила в состав церковных соборов, то окончательно утверждала состоявшиеся на церковных соборах постановления, тем более, что царь и о мелких вообще церковных делах советовался с своими боярами» (СПФ АРАН Ф.24оп 1, ед. хр. 24 *л* №2). Намёк здесь более чем понятен. Этой справкой Каптерев хочет сказать, что неплохо бы и Синоду все свои постановления отсылать для утверждения в Государственную Думу.

А дальше Каптерев приводит смысл и порядок работы собора, какими ни были в древности, чтобы Синод не думал, что только он имеет право решать церковные дела. Читаем: *«Так как наши соборы были только совещательными учреждениями при г-ре* (государе – Д.Г.), *с к-рыми г-рь* (с которыми государь – Д.Г.) *советовался по делам церковным, то эти вполне определяется весь существенный характер деятельности соборов. Московские г-ри в указах благочестия, в несоблюдении признанны всеми церковных порядков и требований видели не только нарушение правил веры и благочестия, но и пагубное потрясение коренных основ жизни государственной, от чего гибнет государство. В виду этого наши г-ри, созывая церковный собор и предлагая на его обсуждение те или другие вопросы, ставили отцам собора первою и непременною обязанностию, чтобы вопросы были рассматриваемы и решаемы на соборе, как этого требует божественный закон, т.е. Св. Писание, правила св. апостолов и святых отцов, правила вселенских и поместных соборов, разные церковные уставы и правила. Собор все свои постановления обязательно должен был обосновать на этих указанных основах, обязательно должен был так или иначе подвести их по приятые церковные нормы и правила, чтобы таким образом ничем не нарушить божественного закона. В такой постановке ведении дела и заключалась собственно задача церковного собора. Как скоро собор это сделал, т.е. показал, что его обсуждения и решения предложенных ему вопросов действительно основаны на божественном законе, вполне согласны с ним, а не есть результаты личного усмотрения, домышления или творчества отцов собора, – роль собора была кончена, он выполнил свое назначение и от г-ря уже зависело далее, придать или не придать решениям собора окончательную форму обязательного закона, почему, например, Стоглавый собор в своих постановлениях выражается о себе: «По данной нам о Бога власти и царским советам собор повелехом», так что одна данная от Бога власть, без царского совета, не могла составить окончательного соборного повеления. В виду этого наши русские соборы, состоявшие и русских, никогда не употребляли в своих постановлениях формулы: «Изволися Духу Святому и нам», почему и самым постановлениям нашим соборам никогда не придавалось характера непогрешимости и неизменяемости, в них не видели акта непосредственного действия Св. Духа, а обычные церковно-государственные постановления, опиравшиеся и находившие свое оправдание в божественны законах. Цари приглашали на собор сведущих в божественном законе людей, и им потом поручали проверять, правильно-ли отцы собора ссылались на святые Правила, и если оказывалось, что неправильно, то царь не признавал самый собор.*

И сейчас, в «Основных Законах Российской Империи», наши государи признают себя, как это было и раньше, «верховными защитниками и хранителями догматов господствующей веры», именно 64-я статья «основных законов» г-т (говорит – Д.Г)*: «Император, яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей вере, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император в акте о наследии престола 1797 апреля 6 (17910) именуется Главою Церкви». И статья 65-я г-т: «В управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного»* (СПФ АРАН Ф.24оп 1, ед. хр. 24 Л. №3,4).

Главная мысль данного изложения видна сразу: царь, он же сейчас император, был и остается высшею властью на земле, как идеологически и мистически, так и фактически и документально. Править царю помогает Государственная Дума, а потому, опять же, и Синоду не мешало бы все свои постановления отсылать ей.

Такая мысль для ученого не случайна. Ему, как никому, были хорошо известны трудности, с которыми сталкивался и преподаватель, и ученый, и простой прихожанин. Много раз писал он о несовершенстве административного архиерейского управления, когда епископы начинали действовать исключительно в своих интересах, ставя их выше общецерковных и гражданских. Одни и те же люди составляют и государство и Церковь, а потому, коль скоро Российская Империя является православной, то интересы этих двух институтов должны согласовываться и контролировать друг друга, чтобы не случилось произвола с обеих сторон. Государство защищает Церковь и формулирует перед ней конкретные исторические задачи, Церковь же наполняет государство смыслом, формирует его дух и способствует его усилению и развитию. Без правильного, необходимого баланса начинается взаимное отторжение и непонимание друг друга.

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что для Каптерева, как глубокого исследователя, ни одно политическое действие не представлялось однозначным.

Исследователь считал, что не стоит подходить тем более к вопросам церковной политики формально, даже если это кажется правильным и традиционным на первый взгляд, а всегда нужно смотреть на проблему исторически, и анализировать весь путь, указывая, почему то или иное явление возникло, как оно развивалось и перед чем мы стоим сейчас? Изжило ли себя окончательно или в нем есть еще смысл?

Как видно, в условиях Российской Империи, при наличии православного Императора, обер-прокурорская система не изжила себя, и была исторически наиболее приемлема к условиям, в которых находилась тогда система государственного управления. Новые условия диктовали и новые правила – с исчезновением Императора, как лица, отвечающего за Церковь перед Богом, и возникла непреодолимая необходимость скорейшего выбора предстоятеля русской церкви, что и было сделано в 1918 году.

В этом отношении опыт Н.Ф. Каптерева в анализе современной ему ситуации может быть примером и для нашей действительности, а также образцом стойкости, мужества и независимости мысли, за которые ученый страдал всю свою жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

Витте 2002 - *Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары. Т. 1. М., 2002.

Голубцов 2003 - *Голубцов С.А.* Николай Фёдорович Каптерев и его труды об эпохе Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. М., 2003.

Каптерев 1905 - *Каптерев Н.Ф.* Власть патриаршая и архиерейская в Древней Руси в их отношении к власти царской и приходскому духовенству // Богословский вестник. 1905. Апрель. С. 657-690.

Каптерев 1905а - *Каптерев Н.Ф.* Власть патриаршая и архиерейская в Древней Руси в их отношении к власти царской и приходскому духовенству // Богословский вестник. 1905. Май. С. 27-64.

Каптерев 1905б - *Каптерев Н.Ф.* К вопросу о церковной реформе // Богословский вестник. 1905. Ноябрь. С. 501-524.

Каптерев 1906 - *Каптерев Н.Ф.* К вопросу восстановления у нас патриаршества (историческая справка) // Московский еженедельник. 1906. № 35. С. 26-38.

Каптерев 1906а - *Каптерев Н.Ф.* Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий. Сергиев Посад, 1906.

Преображенский 1905 - *Преображенский И.В.* Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе. СПб., 1905.

Слово 1905 - Слово. 1905. № 108 от 28 марта.

СПФ АРАН - Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

REFERENCES

Golubcov 2003 - *Golubcov S.A.* Nikolaj Fyodorovich Kapterev i ego trudy ob epohe Patriarha Nikona i carya Alekseya Mihajlovicha [Nikolay Fyodorovich Kapterev and his works about an era of the Patriarch Nikon and the tsar Alexey Mikhaylovich], Moscow, 2003 [in Russian].

Kapterev 1905 - *Kapterev N.F.* Vlast' patriarshaya i arhierejskaya v Drevnej Rusi v ih otnoshenii k vlasti carskoj i prihodskomu duhovenstvu [The power patriarchal and hierarchal in Ancient Russia in their relation to the power imperial and to parish clergy], in: Bogoslovskij vestnik. 1905. Aprel' [Theological messenger. 1905. April], pp. 657-690 [in Russian].

Kapterev 1905a - *Kapterev N.F.* Vlast' patriarshaya i arhierejskaya v Drevnej Rusi v ih otnoshenii k vlasti carskoj i prihodskomu duhovenstvu [The power patriarchal and hierarchal in Ancient Russia in their relation to the power imperial and to parish clergy], in: Bogoslovskij vestnik. 1905. Maj [Theological messenger. 1905. Mai], pp. 27-64 [in Russian].

Kapterev 1905b - *Kapterev N.F.* K voprosu o cerkovnoj reforme [To a question of church reform], in: Bogoslovskij vestnik. 1905. Noyabr' [Theological messenger. 1905. November], pp. 501-524 [in Russian].

Kapterev 1906 - *Kapterev N.F.* K voprosu vosstanovleniya u nas patriarshestva (istoricheskaya spravka) [To a question of restoration of patriarchate at us (historical information)], in: Moskovskij ezhenedel'nik [Moscow weekly], 1906, № 35, pp. 26-38 [in Russian].

Kapterev 1906a - *Kapterev N.F.* Car' i cerkovnye moskovskie sobory XVI i XVII stoletij [Tsar and church Moscow cathedrals XVI and XVII of centuries], Sergiev Posad, 1906 [in Russian].

Preobrazhenskij 1905 - *Preobrazhenskij I.V.* Cerkovnaya reforma. Sbornik statej duhovnoj i svetskoj periodicheskoj pechati po voprosu o reforme [Church reform. The collection of articles of spiritual and secular periodicals on the issue of reform], St. Petersburg, 1905 [in Russian].

Slovo 1905 - Slovo. 1905. № 108 ot 28 marta [Word. 1905. No. 108 of March 28] [in Russian].

SPF ARAN - Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN [St. Petersburg branch of RAS Archive] [in Russian].

Vitte 2002 - *Vitte S.Yu.* Vospominaniya, memuary. T. 1 [Memoirs, memoirs. Volume 1], Moscow, 2002 [in Russian].

Гусев Дмитрий Владимирович – Сотрудник библиотеки им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).
Dmitry Gusev – The library worker of Maxim Gorky
St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).
E-mail: rascol@bk.ru

УДК 908(470+571)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СВЕТЕ МОНОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

Авторское резюме

Моноцентрический плюрализм в исторической науке уделяет особое внимание таким классическим требованиям, предъявляемым традиционному историческому исследованию, как точный выбор и взаимное соответствие изучаемой сферы жизни людей, методологии, территориальной и временной локализации предмета и объекта исследования. Географическое положение Таманского полуострова сделали его особенно подверженным воздействию значимых исторических событий, будь то древнегреческая колонизация или гражданская война. Таманский полуостров всегда притягивал мобильных, лёгких на подъём людей.

Ключевые слова: моноцентрический плюрализм, Тамань, Таманский полуостров.

HISTORICAL SPECIFICITY OF THE TAMAN PENINSULA IN THE LIGHT OF MONOCENTRIC PLURALISM

Igor Vasilyev

The research center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

Abstract

Monocentric pluralism in historical science pays a special attention to such classical requirements for traditional historical research as correct selection and appropriateness of the methodology, territorial and temporal localization of the subject and object of research to the aspects of people's life under stud y. The geographical position of the Taman Peninsula made it particularly susceptible to significant historical events, whether it was ancient Greek colonization or a civil war. Taman Peninsula has always attracted mobile, nomadic people.

Keywords: monocentric pluralism, Taman, Taman Peninsula.

* * *

Моноцентрический плюрализм в исторической науке уделяет особое внимание таким классическим требованиям, предъявляемым традиционному историческому исследованию, как точный выбор и взаимное соответствие изучаемой сферы жизни людей, методологии, территориальной и временной локализации предмета и объекта исследования. «Почти любая теория хороша, если точно знать время и место, к которым её надо прилагать. И почти любая теория оказывается ложной, когда выходит за временные и географические рамки» (Васильев 2018).

Ранее, в статьях по периодизации истории Кубани второй половины XX в., мы уже писали, что разные сферы жизни советского общества (развитие хозяйства и инфраструктуры, уровень сохранности горизонтальных социальных связей, культурные традиции) изменяются с разной скоростью (Васильев 2017: 234-248; 2017a).

Что касается причины выбора для анализа Таманского полуострова, то это весьма специфическая территория – геополитический перекрёсток, территория активных межэтнических контактов, где часто появлялись мигранты. Эти факторы наложились на особые географо-климатические условия, существенно влиявшие на специфику местного хозяйства. Также важно, что данная территория, как полуостров, достаточно чётко очерчена, её границы гораздо менее спорные, чем у многих других. Преимущественное внимание к античному периоду и времени после вхождения полуострова в состав Российской империи обусловлено их сравнительно более полной источниковой базой.

Специфика территории как зоны межэтнических контактов затронута, например, ещё в знаменитой работе М.И. Ростовцева «Эллинство и иранство на Юге России». В классическом труде Гайдукевича «Боспорское царство» показана в т.ч. местная хозяйственная специфика. В монографии Н.В. Завойкиной «Боспорские фиасы: между полисом и монархией» показана роль и специфика частных сообществ и религиозных братств на территории Боспора. Развитию этих форм социальной организации способствовала в т.ч. значительная мобильность населения, достаточно большое количество проживавших на Боспоре выходцев из других стран.

Особенностям и возможности сохранения античных и средневековых урбанистических комплексов в современных условиях посвящена работа «Археологический комплекс ''Гермонасса – Тмутаракань''» (Ростовцев 2002; Гайдукевич 1949; Завойкина 2013; Бондарь, Маркова, Устаева 2011).

Таким образом, специфических факторов, повлиявших на политическую, социальную и этническую историю Таманского полуострова, учёные затрагивали уже не раз. Границы исследуемой территорией чётко очерчены. Поэтому Таманский полуостров очень удобен для демонстрации таких принципов моноцентрического плюрализма, как локализация времени и/или места, к которым прилагаются те или иные подходы.

Изучать специфику политической истории Таманского полуострова лучше всего на основе геополитики, геоэкономики. Экономической — исторической геоэкологии хозяйства. Первые помогут понять историю территории в контексте

особой роли Тамани как связующего узла между политическим силами, господствовавшими к югу, к северу к востоку и западу от Чёрного моря, которые существенно влияли и на экономическую жизнь территории (порты, экспорт морепродуктов, разведение виноградников и продажа вина на территории к востоку и к северу от полуострова). В этом контексте также очень важен вопрос сохранности водных ресурсов (например, уровень солёности лиманов), водоснабжения и его регулирования. Воплощение геоэкологической тематики в исторической науке обеспечивает экологическая история (Неклесса 2017; Геоэкология 2010: 22; Матвеев 2017: 207).

Данная статья не претендует на всесторонний охват с точки зрения указанных выше междисциплинарных направлений чрезвычайно богатой истории Тамани. Она лишь призвана указать на эти направления как наиболее приоритетные в контексте изучения основных факторов, определявших особенности истории территории.

Таманский полуостров отделяет от Крыма Керченский пролив, соединяющий Чёрное и Азовское моря. В древности считалось, что этот важный в геостратегическом отношении пролив отделяет Европу от Азии. Не менее примечательна и его агроклиматическая специфика. «По агропочвенному районированию территорию Темрюкского района можно разделить на три почвенных подрайона:

1. Каштановых почв и черноземов каштановых карбонатных. Подрайон охватывает западную, наиболее засушливую часть территории.

2. Черноземов каштановых слабовыщелоченных и выщелоченных. Местоположение – центральная и восточная часть.

3. Лугово-степных и болотных почв. Расположен подрайон в восточной плавневой части Темрюкского района.

Почвенные условия позволяют выращивать многие сельскохозяйственные культуры: зерновые, бахчевые, пропашные, виноград» (Туристический паспорт 2017).

В таких условиях в западных района полуострова издавна развивалось виноградарство, рыболовство, морская торговля, зерновое же хозяйство на более восточных территориях. Запад полуострова заселялся античными греками, в последствии тесно связанными с морским делом русичами и итальянцами. Существовала сравнительная существенная мобильность населения В период Российской империи это разделение продолжало в определённой степени иметь место: в первой четверти XX в. в западной части полуострова в составе населения был больший процент лёгких на подъём иногородних, в восточных казаков, более тесно связанных с зерновым хозяйством. Но для казаков также было характерно и активное занятие рыболовством (особенно для казаков станицы Ахтанизовской) (Тмутаракань 2017; Географическо-статистический словарь 1863: 46; Поселенные итоги 1929: 176-179).

Эта специфика сложилась с началом эпохи регулярного морского сообщения между Средиземным и Черным морем, в это время появилась городская жизнь на

Таманском полуострове, стала развиваться торговля и транспортная инфраструктура, масштабное рыболовство и виноградарство.

На сравнительно небольшой территории Таманского полуострова от периода античности осталось большое количество памятников: античные города Азиатского Боспора (Корокондама, Фанагория, Кепы, Патрей, Ахиллий, Киммерий, Тирамба и др.), многослойное Таманское городище, храмовый комплекс Таманский Толос, система оборонительных сооружений Фонталовского полуострова (Батарейки), Киммерийский вал, расписные склепы (Близнецы и Васюрина гора), Артюховский курган (Туристический паспорт 2017).

На этой территории, особенно в период поздней античности, жило немало вновь приезжих. Так, в древнегреческой Фанагории встречались, например, надписи в честь выходцев из Малой Азии, низовьев Днепра и пр. (Малая эпиграфика 2015: 140-146).

В античное время Таманский полуостров был местом, где происходили знаковые исторические события. Как письменные источники, так и раскопки античной Фанагории показали значительную роль полуострова на завершающем этапе войн, которые понтийский царь Митридат VI Евпатор вёл против Рима. Например, обнаружены следы сильного пожара на акрополе Фанагории, связанные с восстанием против власти царя, надгробие жены Митридата Гипсикратии (Подводные исследования 2015: 55).

В античное время складывалась и специфика хозяйства полуострова. Экспорт рыбы был одной из основных статей дохода Боспорского царства, куда входил Таманский полуостров. Греческие рыбаки активно добывали осетровые породы рыб, например, севрюгу. А также камбалу, сельдь, судака, хамсу, тарань. В эллинистический период на Боспоре стало быстро развиваться виноделие, виноградная гроздь даже изображалась на монетах Фанагории III в. до н.э. (Боспорское царство было крупнейшим экспортёром зерна. Однако сколько зерна боспоряне выращивали сами, а сколько им обеспечивала торговля с сопредельными землями и дань с зависимым вождеств — вопрос спорный) (Очерки истории Кубани 1993: 81; Гайдукевич 2017).

Традиции городской культуры с тесной вовлечённостью в международные связи продолжились и эпоху Средневековья. Так, в западной части Таманского полуострова находилась и Тмутаракань — столица древнерусского княжества — в античное время город Гермонанасса. Город поддерживал регулярные контакты и с древнерусскими землями, и с византийскими территориями в южной части черноморского бассейна (Тмутаракань 2017; Чхаидзе 2010: 20-37).

Включение же Таманского полуострова в состав Российской империи способствовало новому витку активизации городской жизни, морских путей сообщения, рыболовства. В силу географического положения и стратегического значения Тамань стала первой территорией Кубани, которую стали осваивать казаки-черноморцы (Очерки по истории Кубани 1996: 178-180).

В северной части полуострова вырос город Темрюк, который стал портом и центром международной хлебной торговли. Город стал центром найма сезонных рабочих: мужчин — забродников на рыбные промыслы, и девушек, женщин на табачные плантации (Темрюк 2009: 6-8).

В советское время имело место повышение политико-стратегической значимости территории. Так же наблюдалось дальнейший рост значения Тамани как транспортного узла, перекрёстка и истока миграционных потоков. Имело место развитие рыболовства, резкое усиление роли виноградарства. Кроме известных со времён античности, появились и новые составляющие хозяйственной жизни.

На территории полуострова происходили значимые исторические события. Из восточных районов Таманского полуострова начался поход Таманской армии — известный эпизод Гражданской войны, получивший в литературе название Железный Поток (Ковтюх 1935: 14, 18-22, 34-35).

Миграционные потоки стали ещё более мощными. На полуострове стало возникать масса коллективных хозяйств – коммун. Так в окрестностях станицы Голубицкой в 1923-1925 гг. действовала коммуна «Рыбак», объединявших преимущественно эстонцев – репатриантов из США (ЦДНИКК. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 106. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 6, 12, 44об-45, 114). Многие таманцы, например, в поисках работы или успешной карьеры, активно переезжали в другие региона СССР. Части из них удалось добиться своего. Так, темрюкский комсомолец А. Чуянов впоследствии стал инспектором госкомитета по труду и зарплате (ГАКК. Ф. Р – 411. Оп. 2. Д. 54 С. 4-5; ГАКК. Ф. Р – 411. Оп. 2. Д. 439. Л. 26, 29).

В советский период стали осуществляться масштабные проекты по изменению специфики природопользования и развитию инфраструктуры полуострова. Например, с началом коллективизации, наряду с традиционными, стали применяться и новые методы землепользования, такие, как обводнения засушливых территорий (Бондарев 2007: 179). В 1939 г. был поставлен вопрос о комплексном развитии инфраструктуры Темрюкского района. Предполагалось строительство шоссейных и железных дорог для связи района с другими территориями. А также организация при рыбзаводе речной и морской флотилий. Предполагалась и постройка районной овощебазы. А со средины 1950-х гг. под Темрюком аэропорт местных линий (ЦДНИКК. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 493. Л. 2-4; Зверев 1976: 80).

Уже в 1965 г. Госплан СССР принял комплексную программу развития полуострова. Было решено сделать уклон на развитие на Таманском полуострове виноградарства, виноделия, рыбной промышленности и санаторно-курортной сферы. Планировалось строительство единого для всего полуострова водопровода для снабжения его водой и развития искусственного орошения. Характерно, что уклон был сделан, прежде всего, на традиционные для хозяйства полуострова отрасли (ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 1. Д. 1330а. Л. 337). В последствии искусственное орошение части земель полуострова приняло значительные масштабы, а проблема водоснабжения не решена и по сей день…

Между тем рыболовство во второй половине XX в. развивалось быстрыми темпами. Темрюкские рыбаки ловили сельдь, хамсу, судака, ставриду, сазана, бычка и др. рыбу. Имела место добыча дельфинов. В 1959 г. в Темрюкском районе базировался серьёзный рыболовецкий флот. Его обслуживала разветвлённая ремонтная инфраструктура, грузовые суда и грузовой автопарк, собственная радиостанция. Бригада совхоза «Труженик моря» под руководством В.А. Синько, вступая в 10-ую пятилетку, обязалась сдать государству на 535 ц. сверх плана (ГАКК. Ф. Р – 15 28. Оп. 1. Д. 125. Л. 4; ГАКК. Ф. Р – 1528. Оп. 1. Д. 74. Л. 57, 62-63, 66; Рецка 1979: 3).

Виноделие на Тамани стало самым ярким элементом в целом характерного для Юга России советского времени развития местной переработки сельхозпродукции. К средине 1970-х гг. в Темрюкском районе под виноградниками было занято 29 тыс. га. Урожайность составляла 100-120 центнеров с гектара. Предшественник современной фирмы «Фанагории» - Сенновский винзавод, был создан в 1957 году. В 1963 году – завершено строительство нового винно-сокового завода – крупнейшего в СССР и второго в Европе по объемам производства виноградного сока. Предприятие выпускало широкую линейку соков из сортов «алиготе», «ркацители», «кларет», «рислинг», «каберне», «мускат». В настоящее время в Темрюкском районе расположены около 74% площадей виноградников Краснодарского края — 18 тысяч га, валовый сбор винограда составляет 120-160 тысяч тонн (Зверев 1976: 37; О компании 2017; Посёлок Сенной 2017; Темрюкский район 2017).

Однако некоторые традиционные отрасли, такие, как рыболовство, испытывают кризис, в том числе и по причинам экологического характера. По нему ударило как раз искусственное орошение и развитие рисоводства, что отвод воды для рисовых чеков, система дамб на реках района способствуют обмелению и засолению лиманов — месту обитания ряда ценных пород рыбы. Рыболовство оказалось существенно подорванным в следствии чрезмерного вылова рыбы во второй половине XX в., развала в 1990-е гг. системы рыборазводных заводов (Богданов 2016: 6).

Социальное пространство Таманского полуострова остаётся несколько фрагментированным, отдельные его элементы могут быть более связанными отдалёнными территориями (например, через Порт-Кавказ), чем друг с другом или близлежащими территориями. Во многом именно поэтому проблема водоснабжения Тамани не решена и по сей день (См. например: Сложности водоснабжения 2016; Из-за нехватки воды 2016).

Таким образом, для изучения истории Таманского полуострова примерно с первых веков I тыс. до н.э. преимущественное значение имели географо-климатический и геополитический факторы. Западные засушливые территории были преимущественно ориентированы на рыболовство, виноградарство и мореходство. Восточные районы являлись частью Прикубанья, в них было более развито зерновое хозяйство. Это выражалось в этнических и социальных

дихотомиях: греки – меоты, больше иногородних – больше казаков. Правда в период позднего Средневековья и Нового времени городская жизнь сместилась к востоку и стала менее развитой по сравнению с периодом античности, развитого Средневековья. Начиная с тех же с первых веков I тыс. до н.э. на Таманский полуостров попадало большое количество уроженцев подчас отдалённых от него территорий. В советское время традиционные дихотомии несколько стёрлись за счёт ослабления казачьего фактора. Имело место небывалое за всю историю развитие промышленности и инфраструктуры. При этом миграционная активность усилилась ещё больше.

Подобная роль географо-климатических и геополитических факторов характерна для исторического процесса далеко не всех территорий. Не все территории, равные по площади Таманскому полуострову, настолько чётко географически очерчены. Многие из субрегионов гораздо менее связаны с отдалёнными территориями, на них меньше отражались значимые исторические события и процессы. Для них географический детерминизм или геополитический фактор важны во много раз меньше. Для запада Евразии на уровне приблизительно 45 градусов северной широты такая преемственность особенностей хозяйства, начиная с первой половины I тыс. до н.э. и практически до нашего времени имеет место далеко не всегда. Особенно на фоне коренной смены этнического состава населения.

На большинстве территорий РСФСР в советское время происходили существенные изменения. Но не на всех преимущественно сельских территориях они выражались в росте перерабатывающей промышленности, хотя в Краснодарском крае в целом он имел место.

Географическое положение Таманского полуострова сделали его особенно подверженным воздействию значимых исторических событий, будь то древнегреческая колонизация или гражданская война. Таманский полуостров всегда притягивал мобильных, лёгких на подъём людей.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов 2016 - Богданов В. Вдохнуть новую жизнь в лиманы Азова // Кубань сегодня. 2016. 16 декабря.

Бондарев 2007 - Бондарев В.А. Поливная компания 1934 г. на Кубани: столкновение большевистского волюнтаризма и традиционного крестьянского природопользования // Дикаревские чтения. Вып. 13. Краснодар, 2007.

Бондарь, Маркова, Устаева 2011 - Бондарь В.В., Маркова О.Н., Устаева Э.Р. Археологический комплекс «Гермонасса – Тмутаракань». Краснодар, 2011.

Васильев 2017 - Васильев И.Ю. История Кубани второй половины XX века: новая периодизация // Исторический формат. 2017. № 1-2.

Васильев 2017а - Васильев И.Ю. Периодизация истории Кубани во второй половине XX в.: некоторые дополнения. 2017 / Электронный ресурс: http://narodnazemle.ru/node/96 (Дата обращения - 26.12.2017).

Васильев 2018 - Васильев И.Ю. Моноцентрический плюрализм – надметодологическая оболочка в исторической науке. 2018 / Электронный ресурс: http://www.apn.ru/index.php?newsid=37001 (Дата обращения – 25.01.2018).

Гайдукевич 1949 - Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., 1949.

Гайдукевич 2017 - Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство: сельское хозяйство, промышленность и художественные ремёсла на Боспоре. 2017 / Электронный ресурс: http://www.sno.pro1.ru/lib/gaidukevich_bosporskoe_tsarstvo/7.htm (Дата обращения - 26.12.2017).

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.

Географическо-статистический словарь 1863 - Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1863.

Геоэкология 2010 - Геоэкология // Экологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2010.

Завойкина 2013 - Завойкина Н.В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.

Зверев 1976 - Зверев К.В. Темрюк. Краснодар, 1976.

Из-за нехватки воды 2016 - Из-за нехватки воды на Таманском полуострове введена чрезвычайная ситуация. 2016 / Электронный ресурс: http://www.livekuban.ru/news/proisshestviya/iz-za-nekhvatki-vody-na-tamani-vvedena-chrezvychaynaya-situatsiya/ (Дата обращения - 26.12.2017).

Ковтюх 1935 - Ковтюх Е.И. «Железный поток» в военном изложении. М., 1935.

Малая эпиграфика 2015 - Малая эпиграфика // Фанагория. М., 2015.

Матвеев 2017 - Матвеев О.В. Памяти кубанского этнографа // Голос минувшего. 2017. № 1-2.

Неклесса 2017 - Неклесса А. Геоэкономика. 2017 / Электронный ресурс: http://www.archipelag.ru/geoeconomics/ (Дата обращения - 26.12.2017).

О компании 2017 - О компании. 2017 / Электронный ресурс: http://www.fanagoria.ru (Дата обращения - 26.12.2017).

Очерки истории Кубани 1993 - Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. Краснодар, 1993.

Подводные исследования 2015 - Подводные исследования // Фанагория. М., 2015.

Поселенные итоги 1926 - Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929.

Посёлок Сенной 2017 - Посёлок Сенной. 2017 / Электронный ресурс: http://www.taman-leto.ru/mp_sennoy (Дата обращения - 26.12.2017).

Рецка 1979 - Рецка А. На их календаре – 1986 г. // Таманец. 1979. № 81. 6 июля.

Ростовцев 2002 - Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. М., 2002.

Сложности водоснабжения 2016 - Сложности водоснабжения Таманского полуострова. 2016 / Электронный ресурс: http://kubantoday.ru/novosti/item/14591-slozhnosti-vodosnabzheniya-tamanskogo-poluostrova/ (Дата обращения - 26.12.2017).

Темрюк 2009 - Темрюк: от прошлого к будущему. Тула, 2009.

Темрюкский район 2017 - Темрюкский район. 2017 / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org (Дата обращения - 26.12.2017).

Тмутаракань 2017 - Тмутаракань. 2017 / Электронный ресурс: www.wikihedia.org (Дата обращения - 26.12.2017).

Туристический паспорт 2017 - Туристический паспорт муниципального образования Темрюкский район. 2017. / Электронный ресурс: http://www.temryuk.ru/nash-rayon/otdykh-i-turizm/turistskiy-pasport-munitsipalnogo-obrazovaniya-temryukskiy-rayon/ (Дата обращения - 26.12.2017).

ЦДНИКК - Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Чхаидзе 2010 - Чхаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков // Вестник Московского городского педагогического университета. 2010. № 1 (5).

REFERENCES

Bogdanov 2016 - *Bogdanov V.* Vdohnut' novuju zhizn' v limany Azova [To inhale new life to estuaries of Azov], in: Kuban' segodnja. 2016. 16 dekabrja [Kuban today. 2016. December 16] [in Russian].

Bondar', Markova, Ustaeva 2011 - *Bondar' V.V., Markova O.N., Ustaeva Je.R.* Arheologicheskij kompleks «Germonassa – Tmutarakan'» [Archaeological complex «Germonassa – Tmutarakan»], Krasnodar, 2011 [in Russian].

Bondarev 2007 - *Bondarev V.A.* Polivnaja kompanija 1934 g. na Kubani: stolknovenie bol'shevistskogo voljuntarizma i tradicionnogo krest'janskogo prirodopol'zovanija [The irrigation company of 1934 in Kuban: collision of Bolshevist voluntarism and traditional country environmental management], in: Dikarevskie chtenija. Vyp. 13 [Dikarevsky readings. Release 13], Krasnodar, 2007 [in Russian].

CDNIKK - Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja [Center of documentation of the contemporary history of Krasnodar Krai] [in Russian].

Chhaidze 2010 - *Chhaidze V.N.* Tmutarakan' – vladenie Drevnerusskogo gosudarstva v 80-e gg. X – 90-e gg. XI vekov [Tmutarakan – possession of the Old Russian state in the 80th of X – the 90th of the 11th centuries], in: Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow city pedagogical university], 2010, № 1 (5) [in Russian].

Gajdukevich 1949 - *Gajdukevich V.F.* Bosporskoe carstvo [Bosporan Kingdom], Moscow, 1949 [in Russian].

Gajdukevich 2017 - *Gajdukevich V.F.* Bosporskoe carstvo: sel'skoe hozjajstvo, promyshlennost' i hudozhestvennye remjosla na Bospore [Bosporan Kingdom: agriculture, the industry and art crafts on Bospor], 2017, Electronic resource: http://www.sno.pro1.ru/lib/gaidukevich_bosporskoe_tsarstvo/7.htm (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

GAKK - Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of Krasnodar Krai] [in Russian].

Geografichesko-statisticheskij slovar' 1863 - Geograficheskо-statisticheskij slovar' Rossijskoj imperii. T. 1 [Geographical and statistical dictionary of the Russian Empire. Volume 1], St. Petersburg, 1863 [in Russian].

Geojekologija 2010 - Geojekologija [Geoecology], in: Jekologicheskaja jenciklopedija. T. 2 [Ecological encyclopedia. Volume 2], Moscow, 2010 [in Russian].

Iz-za nehvatki vody 2016 - Iz-za nehvatki vody na Tamanskom poluostrove vvedena chrezvychajnaja situacija [Because of shortage of water on Taman Peninsula emergency situation is entered], 2016, Electronic resource: http://www.livekuban.ru/news/proisshestviya/iz-za-nekhvatki-vody-na-tamani-vvedena-chrezvychaynaya-situatsiya/ (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

Kovtjuh 1935 - *Kovtjuh E.I.* «Zheleznyj potok» v voennom izlozhenii [«Iron stream» in a military statement], Moscow, 1935 [in Russian].

Malaja jepigrafika 2015 - Malaja jepigrafika [Small epigrafika], in: Fanagorija [Phanagoria], Moscow, 2015 [in Russian].

Matveev 2017 - *Matveev O.V.* Pamjati kubanskogo jetnografa [Memories of the Kuban ethnographer], in: Golos minuvshego [Voice of past], 2017, № 1-2 [in Russian].

Neklessa 2017 - *Neklessa A.* Geojekonomika [Geoeconomy], 2017, Electronic resource: http://www.archipelag.ru/geoeconomics/ (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

O kompanii 2017 - O kompanii [About the company], 2017, Electronic resource: http://www.fanagoria.ru (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

Ocherki istorii Kubani 1993 - Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremjon po 1920 g. [Sketches of history of Kuban from the most ancient times to 1920], Krasnodar, 1993 [in Russian].

Podvodnye issledovanija 2015 - Podvodnye issledovanija [Underwater researches], in: Fanagorija [Phanagoria], Moscow, 2015 [in Russian].

Poselennye itogi 1926 - Poselennye itogi perepisi 1926 g. po Severo-Kavkazskomu kraju [The lodged results of a census of 1926 on North Caucasian edge], Rostov-on-Don, 1929 [in Russian].

Posjolok Sennoj 2017 - Posjolok Sennoj [Settlement Sennoj], 2017, Electronic resource: http://www.taman-leto.ru/mp_sennoy (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

Recka 1979 - *Recka A.* Na ih kalendare – 1986 g. [On their calendar – 1986], in: Tamanec. 1979. № 81. 6 ijulja [Tamanets. 1979. No. 81. July 6] [in Russian].

Rostovcev 2002 - *Rostovcev M.I.* Jellinstvo i iranstvo na juge Rossii [Ellinstvo and an iranstvo in the south of Russia], Moscow, 2002 [in Russian].

Slozhnosti vodosnabzhenija 2016 - Slozhnosti vodosnabzhenija Tamanskogo poluostrova [Difficulties of water supply of Taman Peninsula], 2016, Electronic resource: http://kubantoday.ru/novosti/item/14591-slozhnosti-vodosnabzheniya-tamanskogo-poluostrova/ (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

Temrjuk 2009 - Temrjuk: ot proshlogo k budushhemu [Temryuk: of the past to the future], Tula, 2009 [in Russian].

Temrjukskij rajon 2017 - Temrjukskij rajon [Temryuk district], 2017, Electronic resource: https://ru.wikipedia.org (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

Tmutarakan' 2017 - Tmutarakan' [Tmutarakan], 2017, Electronic resource: www.wikihedia.org (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

Turisticheskij pasport 2017 - Turisticheskij pasport municipal'nogo obrazovanija Temrjukskij rajon [Tourist passport of the municipality Temryuk district], 2017, Electronic resource: http://www.temryuk.ru/nash-rayon/otdykh-i-turizm/turistskiy-pasport-munitsipalnogo-obrazovaniya-temryukskiy-rayon/ (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

Vasil'ev 2017 - *Vasil'ev I.Ju.* Istorija Kubani vtoroj poloviny XX veka: novaja periodizacija [Kuban in the second half of the 20th century: a new periodization of the Soviet history], in: Istoricheskij format [Historical Format], 2017, № 1-2 [in Russian].

Vasil'ev 2017a - *Vasil'ev I.Ju.* Periodizacija istorii Kubani vo vtoroj polovine XX v.: nekotorye dopolnenija [Periodization of history of Kuban in the second half of the 20th century: some additions], 2017, Electronic resource: http://narodnazemle.ru/node/96 (Date of access - 26.12.2017) [in Russian].

Vasil'ev 2018 - *Vasil'ev I.Ju.* Monocentricheskij pljuralizm – nadmetodologicheskaja obolochka v istoricheskoj nauke [Monocentric pluralism – a nadmetodologichesky cover in historical science], 2018, Electronic resource: http://www.apn.ru/index.php?newsid=37001 (Date of access - 25.01.2018) [in Russian].

Zavojkina 2013 - *Zavojkina N.V.* Bosporskie fiasy: mezhdu polisom i monarhiej [Thiasoi of Bosporus: between the policy and the monarchy], Moscow, 2013 [in Russian].

Zverev 1976 - *Zverev K.V.* Temrjuk [Temryuk], Krasnodar, 1976 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).
Igor Vasilyev – Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).
E-mail: ivasee@mail.ru

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной

деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.
3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по ширине листа; первая строка – отступ 1,25; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2018, № 1-2

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 29.12.2018
Формат 210х297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала «Исторический формат»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415